
ОГОНЁК
№ 50 ДЕКАБРЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Дважды Герой Социалистического Труда знатная доярка колхоза «Фундамент социализма», Шиловского района, Прасковья Николаевна Коврова среди делегатов слета.

Фото Б. Кузьмина.

Молодые хозяева земли

Их было почти полторы тысячи — полторы тысячи лучших садоводов и трактористов, плотников и доярок, пастухов и токарей. Старшим из них едва минуло семнадцать. Передовики соревнования учебно-опытных хозяйств и учебно-производственных ферм Рязанской области собрались на свой первый слет. Пришли на слет и знатные люди области, пришли порадоваться успехам молодых, дать им полезный, дружеский совет...

Знатную доярку колхоза «Фундамент социализма», Шиловского района, дважды Героя Социалистического Труда Прасковью Николаевну Коврову со всех сторон облепили ребята. Рядом с дояркой сидела девушка лет шестнадцати с русыми косами, вздернутым носом и блестящими от радостного возбуждения глазами. Она что-то горячо объясняла Прасковье Николаевне, а та слушала девушку, улыбалась и лишь изредка вставляла замечания.

— Это Рая Кувшинова, делегат Ермишинской средней школы, застрельщика и победителя соревнования,— сказали нам.

Мы спросили у Раи, о чем она только что рассказывала Прасковье Николаевне.

— О нашей профессии.

— Вы хотите после школы стать дояркой?

— Не после школы, а в школе, — поправила Рая и пояснила: — Мы уже сейчас получаем профессии. Вот я, например, буду мастером молочного дела: ведь у нас свое учебно-опытное хозяйство. А мы еще и на Ермишинском молочном заводе проходили практику. Все делаем сами. Недавно наши мальчики даже Дом пионеров сами построили...

Ермишинская средняя школа первой в Рязанской области создала у себя учебно-опытное хозяйство. А когда способности и наклонности ребят уже определились, в школе появились целые классы животноводов, садоводов, мастеров молочного дела, механизаторов, строителей. Вот тогда-то Рая Кувшинова и решила стать мастером молочного дела.

— Да так ведь не только в одной нашей школе, — продолжала Рая. — Ребята из Шиловской, Спасской, Сапожковской, Милославской и других школ области так же, как и я, получают профессии. Спросите любого из делегатов слета.

...Перерыв окончился. Ребята хлынули в зал, и вот уже с трибуны раздаются звонкие голоса. Рапортуют молодые хозяева земли:

— Сто тридцать четыре тысячи тонн отличной кукурузной силосной массы и початков — вот результат нашего труда в этом году!

— Мы помогаем колхозам вырастить пятьдесят тысяч телочек.

— Школьники Рязанской области выработали три миллиона трудодней.

— Семь тысяч выпускников средних школ области пошли работать в колхозы и совхозы...

В. ВАСИЛЬЕВА

На первой странице обложки: Молодые строители Казахского металлургического завода (слева направо) монтажник-верхолаз Александр Попов, каменщик Любовь Тюрина, монтажник Николай Семенов, каменщики Тотия Шагиева и Лариса Гаврилова.

Фото Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: В предгорьях Ала-Тау. Казахстан.

Фото О. Кнорринга.

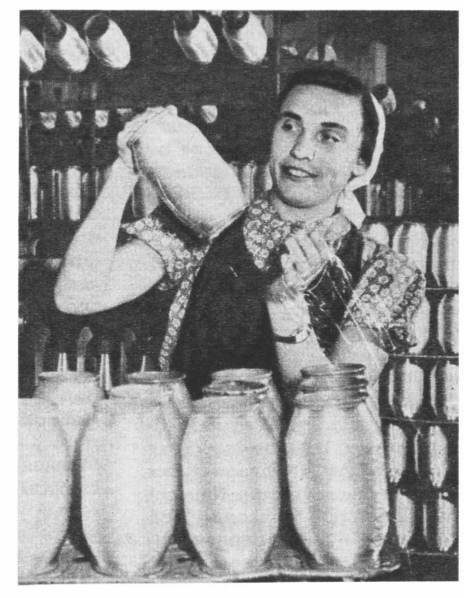
ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 50 (1643) 7 ДЕКАБРЯ 1958 36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

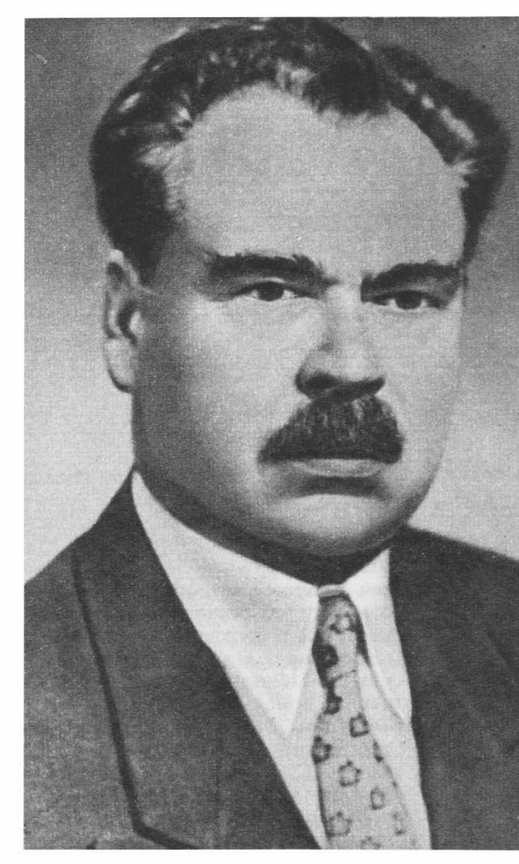
130—150 процентов нормы — ежедневная выработка крутильщицы комсомолки Александры Денисовой на Калининском комбинате искусственного волокна. А. Денисова участвует в соревновании в честь XXI съезда КПСС.

Фото Н. Чамова.

Из этой машины выходят готовые, тщательно упакованные кипы хлопка. Ручная упаковка на Янги-Юльском хлопкоочистительном заводе в Узбекистане заменена механизированной.

Фото Я. Берлинера.

Народное собрание Народной Республики Болгарии избрало Димитра Ганева Председателем Президиума Народного собрания.

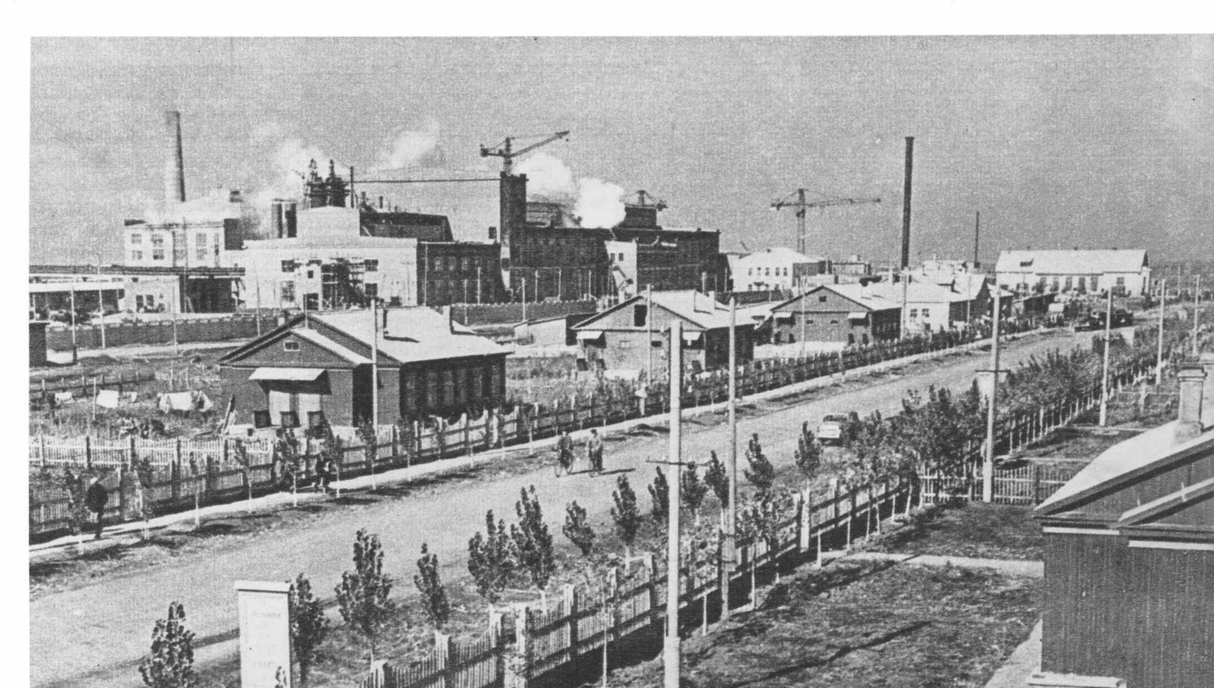
В связи с шестидесятилетием со дня рождения министр обороны СССР Маршал Советского Союза Герой Советского Союза Родион Яковлевич Малиновский награжден второй медалью «Золотая Звезда».

Фото Г. Вайля.

Во Дворце спорта в Лужниках начался очередной чемпионат страны по спортивной гимнастике. Участники соревнования на параде.

Фото А. Пахомова.

Каждый день в цехи Усть-Лабинского сахарного завода поступает свекла, обильно уродившаяся нынче на полях Кубани. Это новый завод, построенный в короткий срок — за четырнадцать месяцев.

Так выглядит улица рабочего поселка рядом с заводом.

Фото Е. Шулепова.

НЕ ОЧАГ РАЗДОРОВ, А ВОЛЬНЫЙ ГОРОД

Бастион шпионажа...

Город-фронт...

Очаг раздоров и холодной войны..

Бочка с порохом...

Даже одно из этих четырех отнюдь не лестных названий могло бы принести несчастье любому городу любой страны. Но все они принадлежат сегодня одному городу — Западному Берлину.

Пражская газета «Руде право» сообщает, что в Западном Берлине обосновались 74 милитаристских союза, 84 шпионских центра. Агентство ДПА добавляет: 28 тысяч бывших гитлеровцев стоят у руководства общественной, политической и духовной жизнью этого города, раздираемого противоречиями. За тринадцать лет оккупации войсками США, Англии и Франции Западный Берлин действительно превратился, как сказал Н. С. Хрущев, в своего рода раковую опухоль, представляющую большую опасность для дела мира.

В течение долгого времени проблема Берлина, одна из самых острых и болезненных, по вине западных держав, находилась в тупике, из которого, казалось, выхода не было. Обнародованные на прошлой неделе важнейшие политические документы — ноты Советского правительства по берлинскому вопросу и материалы пресс-конференции Председателя Совета Министров Н. С. Хрущева указали выход. Западный Берлин должен стать

демилитаризованным вольным городом,

городом дружбы, сотрудничества, контактов,

городом мира и благосостояния,

великой надеждой Германии.

Н. С. Хрущев отвечает на вопросы корреспондентов во время пресс-конференции в Кремле 27 ноября 1958 года.

Вот уже в течение семи дней пресса и общественность всех стран обсуждают эти документы: проблема Берлина глубоко затрагивает не только национальные интересы немецкого народа, но и интересы всех тех, кому дорого дело мира.

Навсегда запомнится пресс-конференция в овальном зале Совета Министров СССР в Кремле. Когда в четыре часа дня Н. С. Хрущев вошел в зал в сопровождении министра иностранных дел Громыко и когда, наконец, мы услышали первый вопрос и первый ответ, стало ясно: да, происходит нечто чрезвычайно важное, что будет иметь огромное значение для судеб мира. Сто пятьдесят советских и иностранных корреспондентов, присутствовавших в этом зале, с глубочайшим вниманием прислушивались к каждому слову главы Советского правительства.

— В Берлине сложились ненормальные условия,— сказал Никита Сергеевич, — но мы хотели бы их ликвидировать нормальным путем — путем договоренности.

Через два часа после пресс-конференции, когда вышли экстренные выпуски газет в Бонне, Париже, Лондоне и Нью-Йорке, все поняли, что произошло крупнейшее внешнеполитическое событие, и, как следовало ожидать, оно произвело на Западе ошеломляющее впечатление.

Миролюбивые силы откликнулись на советские предложения с воодушевлением и великой надеждой.

— Положить конец несправедливому оккупационному режиму Западного Берлина, — заявил обер-бургомистр Большого Берлина Фридрих Эберт — значит вернуть город немцам. Это самый жизненный вопрос немецкой нации. Отсюда могло бы начаться движение за сближение и национальное воссоединение двух германских государств.

— Советское правительство пригласило западные державы на переговоры,—пишет греческая газета «Авги»,— сделало им две большие уступки. Это определенно говорит о стремлении Советского Союза к миру.

Главное, что следует подчеркнуть в откликах западной прессы, состоит в том, как это верно подметила правая норвежская газета «Морген бладет», у Запада нет единства в берлинском вопросе. Э. Бивен в только что опубликованной статье идет дальше: он считает, что у западных держав нет никакой политики в берлинском вопросе.

Газеты западных стран пишут о необходимости глубоко изучить советские предложения и прежде, чем давать какой-нибудь ответ, хорошо продумать его. В Бонне происходят консультации и совещания, там уже называют дату совещания министров иностранных дел западных держав. Что касается Соединенных Штатов, то, хотя мир живет в новых условиях, их политика осталась старой. Как сообщает агентство Ассошиэйтед пресс, Даллес посетил президента Эйзенхауэра в Огасте (штат Джорджия) и имел с ним беседу. Как явствует из заявления, президент подтвердил твердое намерение правительства США придерживаться старой политики в берлинском вопросе, то есть препятствовать нормализации положения в городе и сохранять Западный Берлин как очаг напряженности в Германии и Европе.

Недавно в Нью-Йорке мне привелось встретиться с сенатором Майком Менсфилдом, заместителем лидера демократической партии.

— Чем вы объясняете, сенатор,— спросил я у него,— что, когда год назад Советский Союз предложил создать комиссию по разоружению из 81 страны, американские государственные деятели заявили твердое «нет», а сейчас говорят «да»? Не думаете ли вы, что год — в нынешних условиях слишком долгий срок для того, чтобы принять то или иное важное решение?

Американский сенатор не ответил мне прямо на этот вопрос.

— Мы должны отучиться говорить друг другу только «нет»,— сказал он.— Пора научиться говорить друг другу «может быть» и «да».

В большей степени, чем к кому-либо другому, эти слова относятся к государственным деятелям США. Пора им научиться говорить «да», когда они слышат предложения Советского Союза, продиктованные интересами мира и благополучия народов. Эйзенхауэр и Даллес, подтверждая свою верность избранной ими нереалистической политике, говорят сегодня «нет». Хватит ли им полгода, чтобы прийти к разумному решению и сказать то, что от них ожидают все, кому дорого дело мира? И кто может сомневаться, что если они не скажут добровольно «да», то их заставят сказать это слово народы, и прежде всего немецкий народ, которому надоело видеть в Западном Берлине бочку с порохом и совсем близко расположенный к ней тлеющий фитиль.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

ЧЕСТН

Господам комендантам трудно

Как встретили советские предложения люди, практически осуществляющие оккупацию Западного Берлина? Мы сняли телефонную трубку и попросили связать нас с военными комендатурами трех западных держав в Западном Берлине. Нам казалось, что мнение военных комендантов Западного Берлина — генерал-майора Хемлетта, генерал-майора Роума и бригадного генерала Лакома, высших офицеров с большим опытом оккупационной службы, может представить некоторый интерес в нынешнее время, когда весь мир обсуждает берлинский вопрос. Итак, аккуратная телефонистка соединила нас с американской комендатурой.

— Говорит полковник Кью,— ответил нам бодрый, низкого тембра голос.

— Мы хотели бы говорить с комендантом Хемлеттом и задать ему несколько вопросов.

— Какие вопросы?

— Считает ли господин комендант нынешнее положение в Берлине нормальным? Как он относится к советскому предложению о ликвидации оккупационного статута Западного Берлина? Что думает он о предложении объявить Западный Берлин вольным городом?

— А кто говорит? — довольно приветливо спросил Кью.

— Корреспондент советского журнала «Огонек» из Москвы.

— Из Москвы?!

К чести полковника будет сказано, что откашливался он не более полминуты. Затем сказал «о'кэй», сообщил, что генерал скоро будет, и записал наши вопросы, чтобы передать шефу. Зато комендант Хемлетт, с которым мы соединились через час, судя по голосу, был мрачен, как туча, тверд, как подошва солдатского сапога, и, увы, не изобретателен...

— Я солдат и к политике отношения не имею,— ответил он на наш первый вопрос.

— Я солдат и к политике отношения не имею,— был его ответ на второй вопрос.

И в третий раз он повторил то же самое. Разница была лишь в тоне: все мрачнее, мрачнее и мрачнее.

Было немного странно, что господин американский комендант, под крылышком которого находят прибежище многочисленные уголовно - диверсионно - политические организации, так скромно отзывался о своей политической деятельности. Но выразить ему свои сомнения нам не пришлось: генерал-майор Хемлетт положил трубку.

...Английский комендант Роум был несколько изобретательнее своего американского коллеги. Прежде всего он осведомился,

ЫЕ ЛЮДИ—ЗА!

Вряд ли можно представить себе что-нибудь более символическое для оккупированного Западного Берлина. Знак-окрик «Хальт!» и шлагбаум. Это для немцев. Все остальное для американцев. Как сиротливо, неприкаянно чувствуют себя в этом фронтовом городе немцы!

по какому проводу идет разговор, по закрытому или открытому. Оказалось, по открытому.

— Тогда я отвечать на вопросы не могу,— сказал генерал.

— Но ведь ваши ответы предназначены для печати! В нашем разговоре не может быть ничего секретного,— попробовали мы убедить коменданта.

Роум тут же нашел выход:

— А для печати я говорить не могу, для этого есть специальный пресс-офицер.

— Но нас интересует ваше мнение, а не мнение пресс-офицера...

— Не кладите трубку, я соединю вас с ним...

Пресс-офицер, для которого этот звонок оказался, видимо, таким же неожиданным, как и для его шефа, заметно встревожился.

— Я слишком маленький человек, чтобы отвечать на ваши вопросы. Мое мнение ничего не значит,— вполне логично принялся доказывать он.— Вам надо обратиться к коменданту.

— Мы обращались, он адресовал нас к вам.

— Я попытаюсь снова связать вас с генералом,— произнес пресс-офицер, и мы услышали, как он быстро начал говорить в другую трубку. Но круг не замкнулся. Через несколько секунд пресс-офицер заявил: — Генерал только что покинул комендатуру...

...Французский бригадный генерал Лаком подошел к телефону сам.

— Будьте любезны, сообщите название журнала! — попросил он вежливо.

Мы ответили.

— Как ваша фамилия? — приветливо продолжал он.

Мы назвали. Мсье Лаком попросил по буквам. Мы передали по буквам.

— Откуда? — Голос был таким же любезным.

— Из Москвы.

В телефонной трубке воцарилось молчание. Видимо, генерал оценивал обстановку и принимал решение. Затем он ринулся в бой.

— Мое мнение по заданным вами вопросам совпадает с мнением, высказанным французским правительством, — отрапортовал генерал.

— В таком случае вы находитесь в несколько затруднительном положении, потому что французское правительство пока еще не высказывалось по этому вопросу.

Лаком задумался.

— Да, но оно, видимо, выскажется,— ответил он несколько неуверенно.

Так закончились наши интервью с тремя военными комендантами Западного Берлина. Нет, мы понимаем, господа генералы, ваше положение. Сказать: «Мы за оккупацию Берлина» — значит навлечь на себя гнев народа; сказать: «Мы за советское предложение» — значит навлечь на себя гнев начальства и через полгода остаться без работы. Трудно вам, господа коменданты Западного Берлина, очень трудно.

Позиция Вилли Брандта

Среди тех, кому мы звонили в Западный Берлин, были такие, кто не решился подойти даже к телефонной трубке. Мы имеем в виду обер-бургомистра Западного Берлина Вилли Брандта.

Вот стенографический отчет о нашем разговоре.

«Огонек». Соедините нас с магистратом, с обер-бургомистром Вилли Брандтом!

Телефонистка. В магистрате говорят, что герр Брандт болен.

«Огонек». Спросите, пожалуйста, можем ли мы рассчитывать на разговор с Брандтом в ближайшие дни.

Телефонистка. Там отвечают, что номер телефона набран ошибочно.

«Огонек». Но ведь вы только что разговаривали по этому номеру.

Телефонистка. Они спрашивают, кто говорит.

Следует длинная процедура передачи по буквам названия журнала и фамилии корреспондента. Затем выдвигается новая версия.

— В магистрате говорят,— сообщает телефонистка,— что у герра Брандта сегодня важное совещание, он не может подойти.

«Огонек». Когда кончится совещание?

Телефонистка. Чиновник сказал, оно будет длиться очень долго. Может быть, вы желаете говорить с заместителем обер-бургомистра?

«Огонек». Желаем.

Телефонистка. Заместителя нет, он куда-то ушел.

«Огонек». Нельзя ли нам самим поговорить с любым чиновником магистрата?

Телефонистка. В магистрате никого нет, здание закрыто на замок.

Но нам все-таки удалось узнать мнение Вилли Брандта о советских предложениях. Бургомистр высказал его на заседании в западноберлинском сенате. Обербургомистр шипел и поносил советские ноты, советские предложения, Германскую Демократическую Республику, социализм и все на свете.

В день телефонного разговора к нам в редакцию принесли свежий номер газеты «Нейес Дейчланд». В нем опубликована карикатура. Как нам кажется, она точно говорит о позиции Вилли Брандта — бургомистра фронтового города. На солдатских сапогах написано два слова: «Вечная оккупация».

Говорят простые немцы

В день, когда были опубликованы ноты Советского правительства по берлинскому вопросу, один из нас побывал в Западном Берлине. Возле газетчиков, которые обычно выкрикивают заголовки вечерних выпусков газет в полном одиночестве, на этот раз толпились люди. Быстро просмотрев западноберлинскую газету, многие сразу же отправляются в Восточный Берлин купить «Вечерку» («БЦ ам АБЕНД») с полным текстом ноты, чтобы еще раз спокойно прочитать все, от начала до конца. Тут же на улицах начинается оживленный обмен мнениями. «Это разумно», «Переговоры, а не война»,— слышатся слова. По всему чувствовалось, что нота задела за живое каждого берлинца.

В этот день корреспондент «Огонька» разговаривал с различными людьми в Западном Берлине. Вот что сказал рабочий Петер Фёрстер, слесарь одного из заводов концерна Сименса.

— Мы, рабочие, считаем советские предложения чрезвычайно разумными и вполне приемлемыми. И главное, понимаете ли, заключается сейчас в том, что эти предложения учат, наконец, людей снова думать самих о себе, от чего многие западные берлинцы отвыкли за тринадцать лет иностранной оккупации. Самим задуматься о своей судьбе, самим решать свои германские дела, самим договариваться о будущем — вот какие перспективы открываются перед нами.

Как-то один мой коллега сказал: «Американцам плевать на нас. Их ни капельки не интересуют судьбы немцев. Они используют Берлин как разменную монету для проведения холодной войны против Советского Союза, ГДР и других стран». Я уверен, что если американские, английские и французские войска уйдут из города, то в управлении Западным Берлином зазвучат совсем иные ноты и атмосфера фронтового города будет заменена атмосферой мира и мирных контактов. В таком случае Берлин сможет стать примером для всей Германии.

Далеко от блеска Курфюстендамм, от новой залитой огнями гостиницы американца Хилтона, от модернистских строений Ганзейского квартала в рабочем районе Нейкёльн проходит улица Германнштрассе. Здесь, в мрачном, сером доме с обвалившейся штукатуркой, в глубине двора-колодца, на самом верхнем этаже, живет семья Будиг.

— Что вы скажете о недавней ноте Советского правительства? — спросил корреспондент «Огонька» домохозяйку Кете Будиг, жену рабочего фирмы Бауэр.

— Может быть, мои слова покажутся несколько наивными,— говорит Кете Будиг.— Новое сообщение о советской ноте я восприняла как нечто хорошее, конечно, для меня и для всего немецкого народа. Я не очень разбираюсь в политике, но считаю, что если наконец начнутся переговоры по берлинскому вопросу, то это принесет спокойствие в каждый дом. Ведь сейчас мы живем, как на пороховой бочке.

Целый день не смолкает шум поездов на станции городской надземной дороги Тиргартен. Целый день много работы у железнодорожника Хорста Тесмера. Но он выкроил минуту, чтобы ответить на вопросы корреспондента «Огонька».

— Что мне кажется особенно важным в советских нотах? — переспросил Тесмер и ответил: — Предложение отдать Берлин немцам. Тринадцать лет в Западном Берлине сидят оккупанты. И все немцы мечтают, чтобы они как можно скорее убрались отсюда и оставили, наконец, нас одних. Мы, немцы с Востока и Запада, уж как-нибудь без их помощи договоримся между собой. С 1945 года я член Социал-демократической партии Германии. Но признаюсь, что не нахожу объяснений нынешней позиции, занятой руководителями нашей партии в Западном Берлине. Еще не успели просохнуть чернила на бумаге с текстом советской ноты, а бургомистр Брандт уже поспешил сказать **«нет»**. Но нельзя же, в самом деле, отвергнуть разумное предложение только за то, что оно исходит от Востока! Каждый честный немец приветствует своевременный, смелый и откровенный шаг Советского правительства.

Г. БОРОВИК,
О. КОЖЕВНИКОВ,
А. СЕРБИН

МАГНИТКА КАЗАХСТАНСКАЯ

А. КРЯЖЕВСКИЙ

Фото Д. Ухтомского.

«Впервые в Казахстане организуется производство чугуна». Эта лаконичная фраза из тезисов доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС имеет прямое отношение к Карагандинскому металлургическому заводу, строительство которого развернулось в Темир-Тау. Казахстанской Магниткой называют этот завод.

Строители спешат: уже к концу будущего года должны войти в строй первая доменная печь и коксохимический комплекс завода. Пятнадцать тысяч человек, представители тридцати национальностей, съехавшиеся со всех концов страны, ежедневно выходят на свои рабочие места, как на передовую линию великого наступления. Девять тысяч из этих пятнадцати — молодежь, комсомольцы.

Мы побывали в одной из молодежных бригад, которой руководит Александр Павлович Пшеничников.

Ее хорошо знает вся стройка, эту первую молодежную бригаду монтажников-верхолазов.

К строительству приступили в январе 1958 года — в самую суровую пору. Ох, как он был труден, тот январь, здесь, посреди степи!

Предстояло начать строительство четырех крупнейших домен — целый комбинат! О Казахстанской Магнитке уже говорила вся страна. Домну ждут, ждут первого ее чугуна. А тут природа, как назло, восставала против...

Но вот подошла весна, солнечные лучи облили стройку, растопили снега. И хотя еще свистел ветер и скользко было на переплетах, монтажники уже набирали темпы. Работали смело, порой с большим риском. Пришла пора ставить опорные колонны, а мощная техника еще не подоспела. «Ждать? Нет, не будем. Найдем выход, установим колонны». И нашли и установили.

Метр за метром рос корпус домны, метр за метром все выше поднималась бригада верхолазов. И вот уже монтажники работают на шестидесятиметровой высоте.

...Сегодня утром Пшеничников, едва появившись, озабоченно объявил дневной смене:

— Ребята, конструкции пришли. Вот-вот подадут со станции.

— Будем ждать, Александр Павлович?

Бригадир посмотрел на лучших своих монтажников: Мениховского, Волкова и Попова.

— Чего ради! Займемся кровлей! Вы, штурманы, наверх!

Бригада подошла к домне. На земле лежали листы железа.

— Как будем поднимать? По листу? По два? — спросил Мениховский.

— Еще чего! Пачкой поднимем! А там раздвигайте, прихватывайте. Темпы, темпы нужны! Время не ждет...

Толстая пачка листов плавно пошла вверх. Башенный кран передвигается, осторожно опускает пачку на переплеты кровли. По ним уже пробрались молодые верхолазы, нетерпеливо машут руками...

В конце дня, спустившись с домны, монтажники по-военному четко доложили:

— Кровля покрыта!

— Значит, марш по домам, товарищи штурманы! На учебу же некоторым.

Штурманы... Но почему, собственно, они штурманы?

...Жили ребята в тихом зауральском городке Шадринске. Вместе учились и мечтали. И вот десятилетка окончена. Души их жаждали стремительного движения, а не покоя. И они-то, жаждущие души, и привели комсомольцев в военную авиационную школу.

Ребята уже представляли себе свои высотные полеты, прокладывали неизведанные воздушные трассы. И вдруг их вызывают к начальнику школы.

— Вооруженные силы сокращаются. Вас демобилизуют. Поезжайте на заводы...

В эти-то дни попала им в руки «Комсомольская правда» с горячей статьей «Призыв отважных!». Молодежь приглашалась на стройку Казахстанской Магнитки — нового гиганта черной металлургии на востоке. Штурманы прочитали статью раз, два, переглянулись.

— Едем?

Молодость, она на крыльях. В момент приехали в Темир-Тау по «собственным путевкам». Им здесь обрадовались. Хорошие с виду ребята, военные курсанты, с образованием...

— Но куда вас? На стройку домов? Каменщиками?

— Нас каменщиками?! Нет, только на домну. Мы высотники, штурманы!

— Хорошо, ступайте на домну...

И там, на привычной высоте, где, кажется, рукой достанешь до стайки пролетающих скворцов и откуда люди кажутся трогательно маленькими, в работе с дерзким риском, они вновь почувствовали себя покорителями воздуха.

Было трудно с бытом — с жильем, баней, со стиркой, с питанием. Но комсомольцы-шадринцы знали: они не к бабушке на дачу приехали, знали по опыту отцов, что дорога в жизнь начинается с трудных ступеней. И они не испугались...

Вырос в степи социалистический город, растет дальше. Все новые и новые отряды строителей будут приезжать сюда, и город встретит их широко распахнутыми дверями новых зданий. Пройдет немного времени — воплотятся в камень чертежи генерального плана: встанет на площади Дворец культуры, откроются стадион, широкоэкранный кинотеатр. Зашумят деревья в парке, лесозащитная зона зеленой лентой окаймит город. Жить в городе будут сто пятьдесят тысяч человек.

Это будет скоро, очень скоро.

...По железнодорожной ветке к строительству подходит состав за составом. Невозможно перечислить станции отправления: вагоны приходят со всех концов страны. Но станция назначения одна — на вагонах написано: «Казахстанской Магнитке». Стройка вышла на направление главного удара, в ней участвует вся страна.

Бригада монтажников-верхолазов. Слева направо: А. С. Трофимович, С. Т. Холодов, К. П. Недашковский, И. М. Вирц, В. А. Аксенов и А. П. Пшеничников.

На высоте.

«Штурманы» В. Мениховский, Л. Чуркин, В. Волков и А. Попов у себя дома.

Через несколько дней в поселке строителей откроется школа-интернат.

Как будто березки...

Абдильда ТАЖИБАЕВ

Как будто березки на склоне вдали,
сплетаясь ветвями, мы вместе росли.
Всегда мы, как помню, влюбленными были,
но нашу любовь от чужих берегли.

Тебя я не сравнивал с пышным цветком,
себя не считал я твоим соловьем.
Без выспренних слов понимая друг друга,
как два близнеца, мы сидели вдвоем.

Шли новые годы за старыми вслед,
но мы не считали, по скольку нам лет.
Я старше тебя, ты немного моложе,
нам дела до смерти и старости нет!

В одной комнатенке, средь стенок пустых,
мы жили, как будто в хоромах больших.
Но что из того, что мы так небогаты,
одно одеяло у нас на двоих!

В те дни мы легко одевались с тобой,
тулупов и шуб не таскали зимой
и нашу печурку не часто топили —
мы комнату грели своей теплотой...

Но вдруг закричал — я его не пойму! —
наш первенец шумный у нас на дому.
Наверно, он требует места под солнцем!
И место под солнцем мы дали ему.

Его ты кормила в назначенный час,
с него не спуская внимательных глаз.
Качали мы люльку его, чередуясь,
как в детстве когда-то качали и нас.

Под мирной и тихою кровлей своей
немало мы прожили радостных дней,
и мы не однажды еще пировали,
встречая бокалами новых детей.

За прежними днями другие идут,
цветы отцветают и снова цветут.
Я старше тебя, ты немного моложе,
вокруг нас детишки заметно растут.

Просторен мой дом, и обширен мой свет,
на жизнь мне никак обижаться не след.
Но все-таки грустно, что я тяжелею
и легкости прежней давно уже нет.

Я стал отчего-то медлительней жить,
и спать беспокойней, и меньше бродить.
Парят в поднебесье высокие мысли,
а тело — увы! — не желает парить.

Бывает, захочешь для шумных гостей
толковую речь закатить покруглей,—
не то что чужие, а дети торопят
твои излиянья закончить быстрей.

За ними нет сил у меня поспешать.
Мне шума не надо, люблю помолчать.
Со мною жена моя верная вместе
да верная лира: чего мне желать!

...Тебя я не сравнивал с пышным цветком,
себя не считал я твоим соловьем.
Без выспренних слов понимая друг друга,
в неспешном раздумье сидим мы вдвоем.

Перевел с казахского
Ярослав СМЕЛЯКОВ.

Люси-десятиклассницы.

ВЕРНЫЕ ДОРОГИ

В. БЕЛЕЦКАЯ

Фото Риммы Лихач.

Первое знакомство

В фабричном саду на лавочке громко спорили немолодая женщина в сером пальто и парень лет двадцати пяти.

— Не надо меня агитировать, не маленький. Вон мать смеется, говорит: «Тебе жениться надо, а не учиться». Да и зачем мне ваша десятилетка? Пришли сейчас к нам на завод с аттестатом, а норму дать не могут. Я без учения больше зарабатываю.

— Как ты не понимаешь, что это только временно! — возражала ему собеседница.— Сам говорил, что у вас скоро сложные станки поставят. Вот тогда посмотришь, кто больше заработает.

— К вам денег занимать не приду! — вспыхнул парень, но тотчас осекся под укоризненным взглядом женщины.

Они встали и, продолжая спорить, вышли из сада.

Мы познакомились с этой женщиной, так горячо убеждавшей молодого человека в том, что без знаний трудно ему будет теперь работать.

Это была Ираида Григорьевна Гущина — директор 3-й школы рабочей молодежи, созданной в районе трех текстильных фабрик Кинешмы. Больше тринадцати лет она работает в школе. Начинала, когда было всего четыре класса по пять — семь учеников в каждом. Теперь классов двадцать четыре, а учеников полтысячи.

— Каких только профессий не встретишь в нашей школе! — рассказывала она.— В десятом учатся каменщик Александр Пуртов, столяр Борис Рыжов, отличница производства ткачиха Галина Щеколдина, неразлучные подружки, две Люси: Белякова с лесозавода и Чернышева, ровничица с текстильной фабрики. Всех не назовешь. Ведь у нас в этом году только десятых классов четыре. Особенно много учеников старших классов пришло в прошлом году. И с каким упорством, с какой жадностью они учатся! Походите по урокам, познакомьтесь...

После перерыва в двадцать четыре года

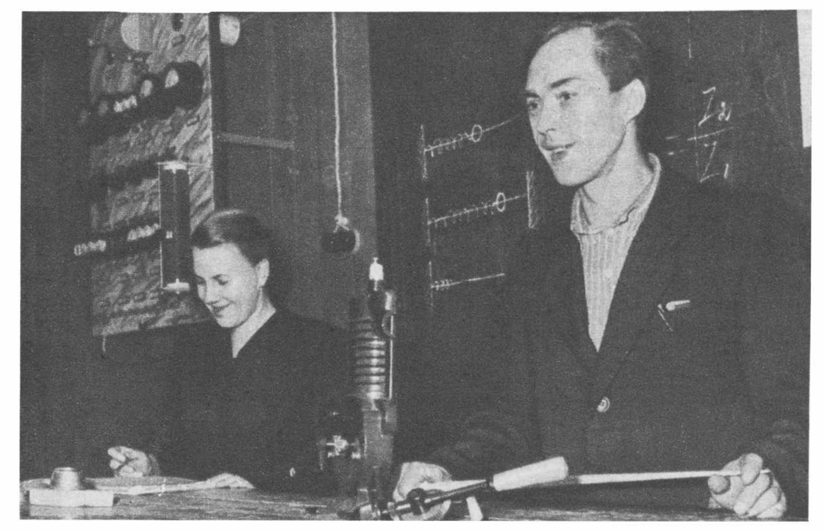
На уроке физики в 9-м классе учительница объявила новую тему — «Виды передач» — и спросила:

— А кто сам может рассказать об этом?

К доске подошел электромонтер Николай Александрович Иванов, староста класса. Понятнее и живей, чем раскрывалась новая тема в учебнике, рассказывал он о зубчатых передачах, о двигателях и станках, приводил примеры из своей работы. С одинаковым интересом слушали его и ученики и учительница.

После урока мы с Ираидой Григорьевной и Ивановым вышли на улицу уже засыпавшего города.

— По детям соскучился.—

На этот раз роль учителя выполняет староста 9-го класса электромонтер Н. Иванов.

вздохнул Николай Александрович.— Вижу их редко. Утром на работу, потом в школу. Приду домой — дочурка уже спит. А мне надо еще и свои уроки сделать и у сына проверить. Он догоняет отца. Уже в пятом.

Скупо говорит Николай Александрович о себе. В тридцать четвертом году, окончив семилетку, пошел на производство. Раньше хватало ему этой семилетней грамоты, а теперь все время приходится сталкиваться со сложными приборами. В прошлом году задумал идти учиться. Сначала, конечно, не все шло гладко, чуть школу не бросил...

А было это так.

Однажды вечером он вошел в кабинет к Гущиной и тяжело опустился на стул:

— Бросаю школу. Устал...

Все было одно к одному. Как ни старайся, а после перерыва в двадцать четыре года учиться трудно: многое забыл. И с женой ссориться стал. Она обижается, что мужа теперь редко видит.

— А потом как же?

— Потом? — Николай Александрович смущенно улыбается.— Это пусть вам Ираида Григорьевна расскажет. Учителям много пришлось со мной повозиться.

— Не больше, чем с другими учениками,— возразила Ираида Григорьевна.—Сначала мы помогли Николаю вспомнить забытое, занимались с ним дополнительно. Кое-что пришлось учить совсем заново: ведь и программа школы за двадцать четыре года изменилась. Не раз были у него на фабрике, дома... С Зоей — это его жена — подружились. Недавно вместе с ним в школу на вечер приходила... Она сама понимает, что Николаю учиться необходимо, но трудно.— И, вздохнув, сказала:— Наши ученики идут трудными, но верными дорогами!

Разговор в учительской

После уроков школа мгновенно пустеет. Ученикам надо торопиться. Через полчаса на фабриках заступит вторая смена. Новые ученики придут заниматься только в шесть вечера. А до шести в классах и коридорах тишина. Громко разговаривают лишь в учительской. Еще из коридора слышен голос учителя физики:

— Алло! Электроподстанция первой фабрики? Это Голубев, из школы рабочей молодежи. Нам надо провести у вас на подстанции урок физики. Тема? Передача электроэнергии на расстояние. Нет, урок будет проводить ваш рабочий, наш ученик, старший электромонтер Гребенников. Тезисы? Конечно, читали. Читали и радовались. Да не нам одним, вместе с вами думать будем...

Да, думать придется всем вместе: и инженерам, и рабочим, и педагогам, и их ученикам.

Настроение у педагогов праздничное, приподнятое. В тезисах о перестройке народного образования нашли разрешение самые сокровенные их думы.

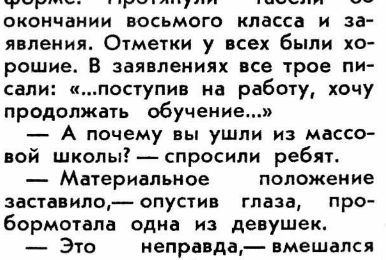
— Посмотрите, в тезисах прямо сказано: «Целесообразно установить для успешно обучающихся без отрыва от производства сокращенный рабочий день или освобождение на два — три дня в неделю от работы...» — говорит Гущина.— Ведь тогда нашим ученикам на все времени хватит: и позаниматься, и почитать, и в театр пойти, и с семьей побыть, и на домашние дела...

В учительскую, стуча каблучками, вбежала молоденькая учительница химии. Нина Колосова — студентка-заочница Ярославского педагогического института. Сначала она работала здесь лаборанткой, а потом учителя доверили ей вести занятия по химии в двух классах. Колосова включается в общий разговор:

— Теперь уже перестанут считать школы рабочей молодежи второстепенными. Дело ведь не только в пониженной зарплате учителей. Вот я учусь в педагогическом институте. Ни в учебниках, ни на лекциях ни слова не говорится о специфике нашей работы.

— Да что учебники! — поддерживает ее Гущина.— Специальных программ для старших классов нет!..

Кто-то вспомнил, как однажды в кабинет директора робко вошли две девушки в коричневых

платьицах и юноша в школьной форме. Протянули табели об окончании восьмого класса и заявления. Отметки у всех были хорошие. В заявлениях все трое писали: «...поступив на работу, хочу продолжать обучение...»

— А почему вы ушли из массовой школы? — спросили ребят.

— Материальное положение заставило,— опустив глаза, пробормотала одна из девушек.

— Это неправда,— вмешался ученик Ираиды Григорьевны, возившийся тут же с географическими картами.— Я с ней в одном доме живу. У нее отец хорошо зарабатывает.

Девушки покраснели, а пришедший с ними юноша неожиданно выпалил:

— Хочется скорей профессию получить! На фабрике я за два года и профессию и аттестат получу. Дальше можно будет в заочный институт...

— А про плохое материальное положение выдумали?

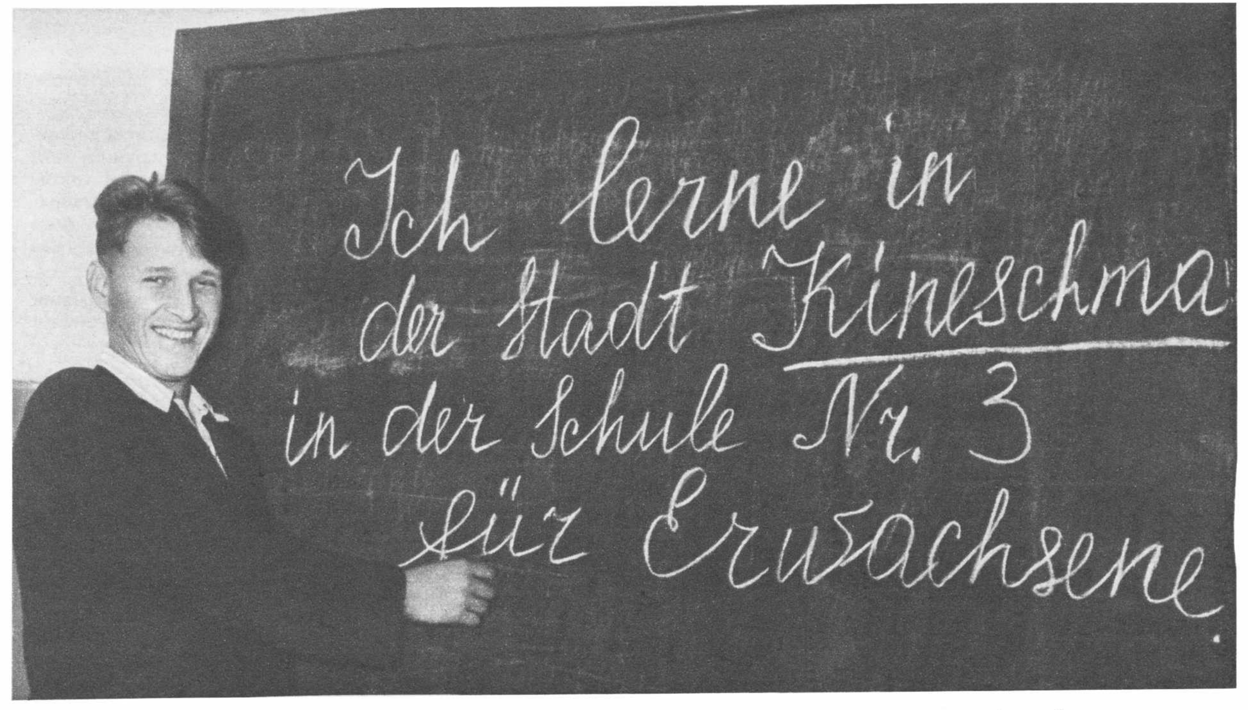
— Выдумали,— нехотя признались они.— Иначе бы из школы не отпустили.

Ираида Григорьевна, рассказывая о большом притоке ребят в старшие классы школы рабочей молодежи, говорит:

— Правильно ли это, что восьмиклассников, желающих сейчас побыстрее получить профессию, иногда не отпускают из школы? Не следует ли здесь подходить более чутко, индивидуально и не создавать искусственных заслонов, не заставлять ребят выдумывать про «тяжелое материальное положение»...

...О многом говорят в учительской в эти дни: и о том, что при перестройке народного образования нужно учесть творческий опыт учителей школы рабочей молодежи; и о том, что Министерству здравоохранения следует подумать об организации дополнительного медицинского надзора за теми, кто работает и учится. Учителя вспоминают про забытое на некоторых фабриках области постановление Ивановского совнархоза: включать работу школ рабочей молодежи в план предприятий; создавать учащимся лучшие бытовые условия.

Хорошее постановление! Дать бы ему ходу, да побыстрее!..

На уроке немецкого языка. Каменщик Александр Пуртов.

ЗДЕСЬ РАБОТАЮТ ПЯТЬ ДНЕЙ В НЕДЕЛЮ

Рабочий день на Рижской табачной фабрике начинается в семь часов утра. И с первой до последней минуты смены, все восемь часов, не ослабевает высокий трудовой ритм. Однако почему восемь? Ведь табачная фабрика — одно из первых предприятий Латвии, переведенных на сокращенный рабочий день! Да, это так. Но коллектив фабрики решил перейти на пятидневную неделю.

Решено работать по восемь часов, но зато пять дней в неделю. Остальные два дня — выходные.

Рижская табачная фабрика первая из предприятий Латвии перешла на сокращенную рабочую неделю.

— Как отразилась реорганизация на выполнении государственного плана? — спросили мы директора Никиту Яковлевича Почтаренко.— Не снизился ли выпуск продукции?

— Производительность труда не только не снизилась, а, наоборот, повысилась. Среднемесячная выработка на одного рабочего уверенно растет. В прошлом году один рабочий в среднем вырабатывал за месяц 898 тысяч папирос и сигарет. В сентябре же нынешнего года на каждого рабочего приходилось уже более 999 тысяч, а в октябре — почти 1 032 тысячи папирос и сигарет.

Директор фабрики рассказывает, что табачники и зарабатывать стали больше.

— После двухдневного отдыха,— говорит товарищ Почтаренко,— рабочие приходят бодрыми, свежими и с таким рвением принимаются за дело, что успевай только подавать сырье да следи, чтобы оборудование было в порядке.

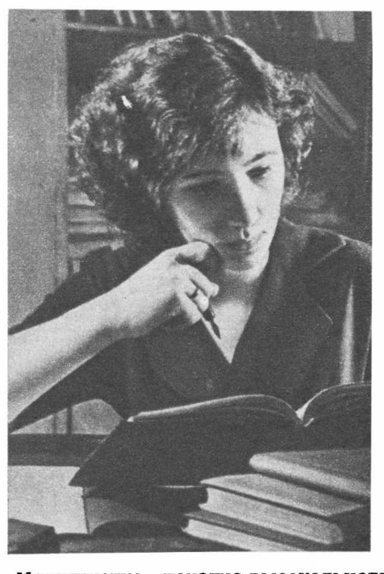
— Довольны ли рабочие пятидневкой? — спрашиваем директора.

— Еще бы! Ведь это же много времени — два свободных дня в неделю! А по сути, они отдыхают по трое суток. Закончил, скажем, рабочий первую смену в пятницу и ушел домой в три часа дня. А в понедельник ему выходить на вторую смену, то есть опять в три часа дня. Таким образом, перерыв составляет трое суток.

Перестроили свою работу и общественные организации фабрики. Теперь рабочие частенько совершают двух — трехдневные экскурсии по достопримечательным местам Латвии, выезжают в соседнюю Эстонию.

Сейчас представители ряда предприятий республики приходят сюда за опытом. Ведь совсем близко то время, когда многие заводы и фабрики Латвии перейдут на сокращенный рабочий день, а некоторые из них — на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями при восьмичасовом рабочем дне.

А. ГОРДИН

Машинистка печатно-высекального автомата З. Игаунис очень довольна двумя выходными днями: она занимается в вечерней средней школе.

Фото Л. Пантуса.

12 декабря — пятнадцатилетие Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Чехословакией.

НА ВЕЧНЫЕ ВРЕМЕНА

П. БОЯР

→

В годы войны бок о бок с советскими солдатами и офицерами сражались бойцы чехословацких воинских частей. Скрепив свою дружбу договором 1943 года, советский и чехословацкий народы вместе громили фашистов.

1944 год. Так встречали словацкие партизаны, герои словацкого восстания, передовые части Советской Армии.

В заснеженной, по-фронтовому суровой Москве 15 лет тому назад был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Чехословакией.

Союз на вечные времена!

Наши братские отношения возникли не сразу. Они подверглись величайшим испытаниям в грозовые предвоенные годы. Их закалил пылающий огонь войны с фашизмом. Их сцементировал совместный напряженный труд после славной победы. Теперь они стали такими прочными, искренними и похожими на могучее дерево, которое неудержимо поднимается в небо, принося обильные плоды.

Чехи и словаки хорошо знают своих друзей. Они никогда не забывают, что именно советские люди, одетые в серые шинели, принесли свободу их родине. И теперь, в дни мирного, созидательного труда, советский и чехословацкий народы, как родные братья, в сомкнутом строю идут к коммунизму.

Ничто не омрачает наши светлые, чистые отношения. Мы всегда рядом, плечом к плечу. Вот почему советско-чехословацкая дружба таит в себе такой огромный, неиссякаемый запас творческих сил и такой неисчерпаемый источник всесокрушающей энергии, что ей не страшны никакие заокеанские угрозы. При одной мысли о стальном единстве социалистических стран у всех наших недругов начинает темнеть в глазах.

Пятнадцать лет — небольшой срок. Но за эти немногие годы наши социалистические государства сделали гигантский скачок к будущему!

Союз и дружба на вечные времена!

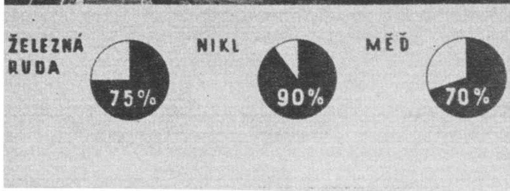

←

Этот пассажирский пароход был построен руками чехословацких рабочих на верфях в Комарно (Словакия) для Советского Союза.

Равноправное сотрудничество Советского Союза и Чехословакии приносит хорошие результаты. Из СССР чехи и словаки безвозмездно получают комплексные проекты, техническую документацию и, в свою очередь, они направляют в нашу страну свою техническую документацию и комплексные проекты.

Чехословакия постоянно получает из Советского Союза железную руду, цветные металлы, хлопок, зерно.

На снимке: советская руда на Металлургическом комбинате имени Клемента Готвальда в Кунчице. На диаграмме показана доля советской железной руды, никеля и меди в импорте Чехословакии.

←

Чехи и словаки свято чтят память советских воинов, павших в боях за освобождение Чехословакии. На снимке: возложение венков на могилы советских воинов на кладбище в Праге.

К. М. Шаяхметов. В РОДНОМ АУЛЕ. Алма-Ата.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

Сахи Романов. ВЕЧЕР НА ДЖАЙЛЯУ. Алма-Ата.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

ПРОБУЖДЕННЫЙ КРАЙ

Глава из романа

Габит МУСРЕПОВ

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

Роман Габита Мусрепова «Пробужденный край» представляет собой большое художественное полотно, где изображены важнейшие стороны жизни Центрального Казахстана во второй половине XIX века. В романе показано, как проникал в казахские степи русский промышленный капитал и одновременно распадался патриархально-родовой строй казахов, как создавались первые предприятия Спасской компании Рязанова-Ушакова — каменноугольные копи в Караганде, рудники в Нильде, медеплавильный завод в Ак-Буйрате — и бывшие кочевники становились промышленными рабочими, как возникла и развивалась дружба казахской бедноты с русскими рабочими и как вместе с ними рабочие-казахи поднимались на борьбу за свои права.

Ниже печатается первая глава третьей части романа.

На Карагандинской возвышенности с ее широкими, поросшими кустарником долинами, невысокими холмами и увалами с некоторых пор возникло нечто новое, нарушающее однообразную картину местности. Этим новым вначале был длинный угольный карьер, открытая шахта, получившая у казахов название «Черный лог». Пока добыча угля производилась открытым способом, весь карьер разбивали на участки, и на каждый участок ставилось человек двадцать углекопов — русских или казахов. Русские называли группу работающих на участке «артелью», а казахи, даже не подозревая, что это слово взято из их языка, стали называть свои артели иначе — «кос», что значит «временная юрта», «шалаш наемных работников».

...Наступало хмурое зимнее утро. Солнце еще не взошло, но уже розовели лохматые края туч над восточной грядой холмов. Из бараков торопливо выбегали жигиты, на минуту останавливались, озирались по сторонам. Чем-то напоминали они сурков, выскакивающих из своих норок, поднимающихся на задние лапки и тревожно оглядывающихся вокруг. Всю зиму жигиты работали углекопами, вдали от родных аулов, и теперь каждый из них, оглядывая унылую зимнюю степь, мучился одной и той же думой: «Что делается там, в ауле, в семье? Когда же наконец настанет весна?»

Один за другим шагают они по тропинке к опостылевшему Черному логу. В руке лопата, на плече кайло. Идут медленно, неохотно, как волы к своему ярму. В широких, опоясанных шерстяными веревками чапанах из верблюжьей армячины жигиты выглядят неуклюжими. Все в кожаных чокаях на деревянной подошве, заменивших изношенные сапоги. Деревянные подошвы скользят, на них так неудобно ходить по снегу! Жигиты, ежась от холода, часто семенят ногами, иногда спотыкаются, падают.

Осенью все здесь были одеты опрятно, все выглядели румяными от летнего загара. Теперь и одежда и лица лоснились чернотой от въевшейся в них угольной пыли. На почерневших лицах белели обмороженные носы. За всю зиму жигиты не имели вдоволь воды, чтобы отмыть свои тела от черной смолы из угольной пыли и пота. Полоскали в воде только кисти рук да промывали забитые пылью глаза... Трудное было это время для степного жигита, не умел он приспособиться к непривычной барачной жизни.

Алшагир, догнав задумчиво шагавшего Буланбая, сказал:

— Осталось еще сорок семь дней, не считая сегодняшнего...

— Каких дней? — не поняв, спросил Буланбай.

— Ну, каких! Нас пригнали сюда на полгода. Вот я и считаю, сколько осталось до того дня, когда мы вернемся в аул.

Молодой жигит тосковал по семье, по родному аулу, и ему просто хотелось услышать от такого человека, как Буланбай, подтверждение своих слов: «Да, месяца через полтора вернемся домой». За время работы на копях похудел жигит, подурнел: лицо осунулось, резко обозначились скулы, ясные черные глаза потускнели. Один глаз заплыл гнойной опухолью, в уголке другого чернела угольная пыль.

— Кто знает, ты ли вернешься в аул или аул прикочует к тебе,— неопределенно отозвался Буланбай и, помолчав, добавил: — В конце-то концов, не уголь будет кланяться нам, а многим из нас придется поклониться ему.

— А что, хозяин может и не отпустить нас? — с беспокойством спросил Алшагир.— Ходит слух, будто он крепко пробрал Сикорского за то, что тот хотел набирать новых рабочих.

— Это понятно,— сказал Буланбай.— Новый набор выгоден только тере[1] Жумабеку, который получает по три рубля за каждого нанятого рабочего. Хозяину невыгодно менять обученных рабочих на тех, что не умеют держать в руках ни кайло, ни лопату. А что выгодно и что невыгодно нам, надо еще подумать... — Он умолк и обернулся на шум, доносившийся со стороны второго барака, где жили казахи.

Перед бараком шумела толпа разъяренных людей. Слышались злобные выкрики, грубая брань. На снегу катался клубок человеческих тел. Идущие на работу казахи и русские остановились, глядя на драку.

Вдруг из свалки вырвался какой-то человек и побежал в сторону по твердому насту сугробов. Низенький, верткий, он бежал очень быстро. На ногах у него, не как у других, были сапоги; одежда, не как у рабочих, не исчернена угольной пылью. Несколько жигитов кинулись за ним, но не могли бежать в своих чокаях на негнущихся деревянных подметках. Вырвавшийся вперед рослый жигит поскользнулся, упал, но тут же сел, сдернул с ног чокаи и снова кинулся догонять беглеца. Бежал, задыхаясь от злобы. Сзади кричали ему:

— Хватай, бей его, собаку!

— Воткни башкой в снег!

Беглец озирался, как загнанная лиса, и, видя, что ему не убежать от своего преследователя, вдруг круто повернул к углекопам, стоявшим у Черного лога. Оглядываясь назад, он трусливо скулил:

— Не бей, отдам все, что захочешь!..

А Буланбаю и стоявшим рядом с ним углекопам кричал:

— Ой-бой, помогите, братцы! Убьет он меня, убьет!

Одного молил о пощаде, к другим взывал о помощи.

Но Буланбай стоял, опираясь на воткнутую в снег лопату, и не двигался с места. С презрением смотрел он на бегущего к нему трусливого человечка, хотя и не знал, в чем тот провинился перед жигитами. А стоявшие рядом с ним оживленно перебрасывались шутливыми замечаниями:

— Ну, такой великан заставит этого коротыша блеять, как козленка!

— И надо же было бедной мышке укусить за ухо льва!

Чернобородый великан догнал наконец беглеца и ткнул его кулаком в загривок. Удар был не так силен, но беглец кубарем покатился к ногам Буланбая, ткнулся носом в снег и остался лежать неподвижным. Преследователь с разбегу чуть не налетел на Буланбая. Остановившись, он повернулся к беглецу, пнул его в бок и, схватив за плечо, перевернул на спину. Теперь голова беглеца вдавилась в снег по самые уши, а кверху взметнулась редкая ры-

[1] Тере — привилегированное сословие так называемых чингисидов, потомков Чингис-хана.

жая бороденка. Взглянув на Буланбая, жигит узнал его и немного смутился.

— Этот негодяй ограбил нас,— заговорил он, словно оправдываясь.— Двадцать человек в нашем косе, все из одного аула. Мы по копейке откладывали, чтобы скопить немного денег и послать своим семьям, себе отказывали во всем. Да вот доверили деньги этому гаду, а он большую часть их присвоил. У, проклятый! — Он размахнулся ногой, чтобы еще раз дать увесистый пинок вору, но Буланбай удержал его.

— Лежачего, брат, не бьют... Пусть он мошенник и трус, а ты не теряй своей чести, жигит!

— Э, жаль, что так!..— с досадой проговорил бородач, отступая на шаг назад.— А то уж я бы выбил подлую душонку из этого человека!

Рваный малахай на его голове, засаленная одежда, порванные на пятках чулки из кошмы были чернее угля, и весь он был пропитан черной угольной пылью. Вне себя от гнева глядел он на распластанного на снегу человека с торчащей рыжей бороденкой.

— Бессовестный пес! — крикнул жигит и плюнул вору в лицо.

Высокий, худой, он зашагал прочь, сверкая словно вылитыми из чугуна черными пятками. Навстречу ему шел другой жигит, держа в руках чокаи, сброшенные бородачом во время погони.

— Кто же это такой? — спросил Буланбай, вглядываясь в лицо неподвижно лежавшего на снегу человека.— Как будто я где-то видел его...

— Жулик и негодяй, ты же слышал! — ответил ему Алшагир.

— А лежит как, лежит! — заговорили другие.— Кажется, начнись землетрясение — не двинется с места.

— Видать, ловкий пройдоха!

Веки рыжебородого чуть приоткрылись. Казалось, он сквозь ресницы разглядывает, кто стоит подле него.

— Вставай, плут, нечего прикидываться умирающим! Твой преследователь ушел,— сказал Буланбай и, выдернув из сугроба свою лопату, направился к Черному логу.

По Ак-буйратской дороге в эту минуту лихо мчалась пара запряженных в легкие сани коней. Это ехал Сикорский. У бараков, когда кони пошли ленивой рысью, он на ходу выскочил из саней и замахал рукой, созывая к себе рабочих. Углекопы поняли, что он приехал от Ушакова, приехал с каким-то важным приказом хозяина. Все потянулись обратно к баракам.

Пользуясь тем, что внимание углекопов было отвлечено в другую сторону, беглец вскочил на ноги, брезгливо морщась, отер плевок с лица рукавом полушубка и несколько раз тряхнул головой. Как будто все было на месте, и все так же, как прежде, что-то ныло внутри. Рыжий повел своими совиными глазами по сторонам и стал оправдываться.

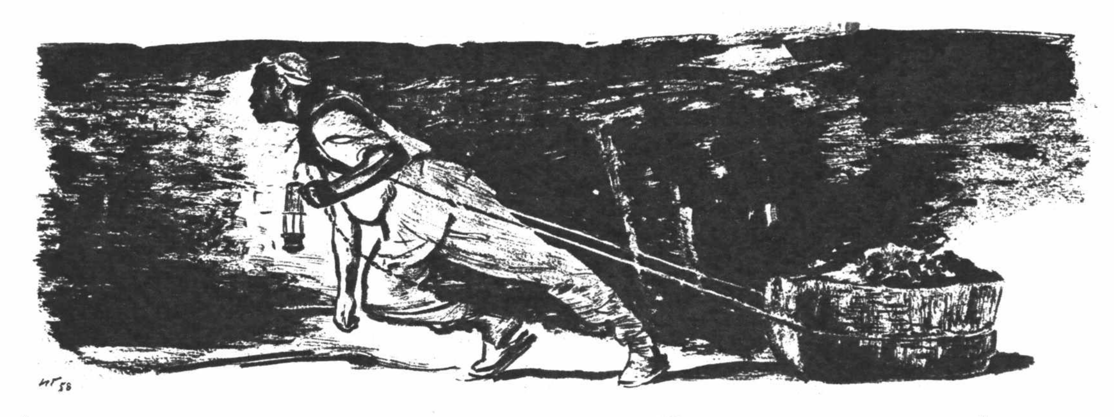
— О братья мои, люди из рода Аргына! — завопил он, обращаясь к идущим мимо него углекопам.— Вы же видели, как эти каракесеки не убили меня. А за что? Я всю зиму кормил их. На единственной своей лошаденке вдоль и поперек изъездил всю степь, добывая им на пропитание что подешевле. И вот я же и виноват оказался! Не понимают глупые люди, что, ежели бы они покупали в лавке Сеида Камала, их бы не так общипали.

Никто не слушал его причитаний. Буланбай, проходя со своей артелью, опять пристально взглянул на него и отвернулся. Он видел только, что это один из тех торговцев — ловких пройдох, которые, как клещи, присасывались к аульной бедноте и рабочему люду на копях, выманивая из карманов последние, тяжелым трудом добытые копейки. Ему и в голову не приходило, что это был тот самый Мисакяй, который во время прошлогодней схватки каракесеков с сармантаями[1] первый рвался на аул Игилика в надежде на легкую добычу. Тогда Буланбай схватил его за шиворот и, стащив с коня, бросил на луку своего седла. Потом подъехал к байской юрте, где сидели старейшины, огрел пленника по заду своей тяжелой камчой и сбросил к ногам Игилика.

А Мисакяй узнал главного богатыря каракесеков и проводил его таким взглядом, что, будь у него глаза заряжены пулями, они бы выстрелили. Решив, что в присутствии управляющего копями бить его никто не осмелится, Мисакяй тоже двинулся было по направлению к баракам, но, увидев приближающихся к нему двоих жигитов из тех, что преследовали его, зашатался на месте, словно теряя последние силы, и ничком повалился в снег. Надеялся, что те пройдут мимо, не тронув его. Но жигиты решили не упускать беглеца.

— А зачем нам туда идти? Там наш Байшегир, пусть он послушает, что скажет Сикорский, а мы подождем,— сказал один из них, и оба уселись на спине лежавшего без движения Мисакяя.

На этот раз Сикорский приехал со строгим распоряжением Ушакова немедленно приступить к работам в закрытой шахте, давно для этого подготовленной, но все еще не выдававшей угля. Необходимость открытия этой шахты была ясна Ушакову еще в тот день, когда он так грубо разругал Сикорского. Как только начинался буран, работы в открытой шахте приостанавливались. А после бурана приходилось еще затрачивать немало труда на расчистку Черного лога от снега. Обозы, с таким трудом передвигавшиеся в зимнее время, возили снег и лед вместе с углем. Да и уголь в близко лежащих к поверхности верхних пластах был низкого качества, давал много золы. Поэтому Ушаков потребовал от Сикорского, чтобы тот не медлил с открытием шахты, спустил и казахов под землю и с помощью русских рабочих учил их шахтерскому делу.

Сикорский хотел на этот раз в точности выполнить полученные распоряжения, но говорил с рабочими как хозяин, с таким видом, что можно было подумать: все предпринимается им по собственному почину. Вместе с тем он старался сгладить все прошлые недоразумения и ошибки.

— ...Заводу требуется больше угля. Ну и, значит, надо нам сейчас же пустить в ход и закрытую шахту,— говорил Сикорский хоть и начальническим тоном, но без крика и ругани.— Надо, значит, спускаться под землю и вам, братцы-казахи. Начиная с сегодняшнего дня в шахте будут работать шесть артелей, по три артели в каждой смене... И вот еще что хотел я сказать вам, жигиты. Раньше я был против того, чтобы вы жили и работали вместе с русскими рабочими. Что хорошего в совместной работе, когда люди не понимают друг друга? Теперь другое дело. Теперь вы научились разговаривать с русскими шахтерами, а раз так, будет неплохо, если вы поучитесь у них, как добывать уголь в закрытой шахте. Можно даже сделать так, чтобы у нас были смешанные артели. Пусть в каждой казахской артели будет несколько русских шахтеров. Тогда обучение пойдет гораздо быстрее. А штейгером, то есть главным мастером, я поставлю к вам Андрея Быкова...

Он взглянул на Быкова, стоявшего в толпе русских рабочих в такой же, как они, одежде, и не поскупился на похвалу будущему штейгеру:

— Образованный человек и шахтерское дело знает во всех тонкостях. И своих товарищей не дает в обиду. Заводское управление надеется, что он оправдает надежды.

Старик Шило толкнул Быкова локтем.

— Ого, Андрюша, это тебе ловушка... Гляди теперь в оба!

Рабочие-казахи растерянно переглядывались. Все испытывали мучительное беспокойство, думая о страшной работе под землей, в темных пещерах. Сикорский понял, что они взволнованы, и поспешил успокоить их.

— Вас пугает работа под землей? Вы боитесь лишиться света божьего дня? — обратился он к рабочим-казахам.— Не беспокойтесь, никто из вас не будет лишен светлого дня. Я решил поровну разделить день и ночь между обеими сменами. Одна смена будет начинать работу в двенадцать часов дня и кончать в двенадцать ночи, другая будет опускаться в шахту в полночь и подниматься наверх в полдень.— Он дважды повторил этот порядок чередования смен и спросил: — Ну, как вы считаете, так будет правильно?

Рабочие согласились, что это справедливый порядок, а десятники артелей тут же бросили жребий и установили, кому в какую смену спускаться под землю.

С этого дня артель Буланбая работала в закрытой шахте и вот уже месяц, как пробивала широкую штольню, называемую главным уклоном. Казахи не знали, в каком направлении они продвигались, пробивая мощный угольный пласт. Они только чувствовали, что с каждой саженью выбираемого угля штольня все глубже уходит в землю. В обе стороны от главного уклона расходились поперечные штреки. Там, в забоях, в одной смене с артелью Буланбая работали и русские и казахи из артели Байшегира. Все три артели в полночь спускались в шахту и расходились по своим забоям.

Под землей кромешная тьма. Нет звездного неба, нет снежных равнин, нет освежающего степного ветерка, насыщенного запахами трав, степного воздуха, который так приятно вдохнуть. Черно над головой, черно под ногами, кругом гнетущий душу мрак, и кое-где красные язычки горящих в фонарях сальных свечей... Жигиты, жители вольных степей, тяжело переносили двенадцатичасовое пребывание в этих черных пещерах, лишенных света и свежего воздуха. Даже крепежный сосновый лес, когда его опускали в шахту, радовал взгляд, и жигиты с наслаждением вдыхали его смолистый запах. Но вскоре и сосновые стойки, подпирающие стены и своды штреков, покрывались черной угольной пылью, а смолистый запах исчезал в удушливом зловонии подземелья. В обычные часы работы в шахте раздавался только однообразный глухой перестук обушков. Но иногда словно тяжелый вздох вырывался из черной пасти шахты, и со стен, с потолка начинали сыпаться камешки. Это оседала порода. Под ее тысячепудовой тяжестью трещали крепежные стойки, лопались распорки. В такие минуты обрывался перестук обушков. Жигиты настораживались в своих забоях, и сердца их сжимались от страха. Каждый из них уже понимал, что в любую минуту может оказаться заживо погребенным.

Стуча деревянными подошвами, как подкованные лошади на каменистой дороге, в штрек входили рабочие второй смены. Шахтеры первой смены сделали проходку на десять крепежных стоек. Кто-то из них даже отметил последнюю стойку белым известняком. Забойщики первые сбросили с себя верхнюю одежду, сложили ее на сухом месте, где складывали обычно, и, взяв в руки свои обушки, вошли в тесный забой.

В тусклом свете двух фонарей, подвешенных на последних стойках, поблескивала стеклян-

[1] Каракесеки и сармантаи — названия родов в Среднем Казахстане.

ным блеском передняя стенка забоя. Два забойщика сели к ней и начали подрубать угольный пласт снизу, в том месте, где он соединялся с породой. Всего в артели было четыре забойщика, но все они одновременно не могли работать в тесной пещерке шириной в четыре аршина и высотой в два с половиной. Работали попарно, одна пара сменяла другую.

Весь штрек был завален грудами отбитого, но еще не убранного угля. У входа стояли четыре саночника. На шее у каждого — хомут из сыромятной кожи с железной цепью, пропущенной между ног и прикрепленной к санкам. Эти цепи делали их похожими на каторжников, закованных в кандалы.

Выдача угля на-горà не поспевала за работой в забоях. Поэтому большинство рабочих артели было занято перекидкой угля ближе к выходу из штрека. Здесь наполняли им деревянные короба на полозьях, и саночники тащили их к стволу шахты, где уголь перегружался в бадью.

В числе тех, кто стоял с хомутом на шее, был и толстый, заплывший жиром Колбан. Мрачным взглядом смотрел он на куски угля, с грохотом сыпавшегося в его вместительный короб. Много дней провел он у очага: готовил еду для всей артели. И там уставал, обливался пòтом, дышал дымом, но теперь ему райскими казались те дни. Сейчас Колбану приходилось и бешбармак варить для своей артели и помогать ей в тяжелой работе — уголь возить. Последними словами ругал он Сикорского, который настоял на том, чтобы «кашевара» тоже спустили в шахту.

На возке угля Колбан оказался ни с кем не сравнимым тяжеловозом. Саночники в шутку называли его верблюдом, на что он отвечал руганью и угрозой расправиться с виновником своих мытарств.

— Вы только подтолкните мне под ноги этого негодяя, и я растопчу его, как козленка,— говорил он с самым серьезным видом.

— Ты же мужчина! Свали его сам и топчи, сколько тебе захочется! — смеялись саночники.

Колбан на минуту задумывался и отвечал:

— Разве я один одолею его? Этот пройдоха прошел огонь и воду, с ним так легко не справишься. А что, если мы все навалимся на него? А?

Он понимал, что над ним подшучивали, но всерьез говорил о расправе с Сикорским. С ним у него были особые счеты.

Однако шутки продолжались лишь до тех пор, пока на черную пирамидку, возвышавшуюся над коробом Колбана, не ложилась последняя лопата угля и не раздавалось обычное: «Трогай!» Колбан легко сдергивал с места свой перегруженный короб и так же легко, почти не сгибаясь, шагал по неровному полу штольни. Другие саночники чуть не до земли гнулись в своих хомутах, выбивались из сил и часто останавливались, а грузный, неуклюжий толстяк без передышки тянул свой груз до самого ствола шахты.

В эту ночь Колбану выпала нелегкая задача — пропеть сигнальную песню. Эта песня была сложена артелью Буланбая в часы досуга. По ней начали учиться казахскому языку постоянные гости артели — русские шахтеры — и даже перевели ее на русский язык. В шахте пели ее всякий раз, когда надо было предупредить товарищей о приходе начальства.

Начиналась песня любезным приглашением:

Добрый вечер, друг шахтер, входи смелей!
Наша дверь всегда открыта для друзей...

А заканчивалась она проклятием Сикорскому:

Ты погнал нас в подземелье за углем.
Под землей мы подыхаем — не живем.
Не видать нам больше степи, синих гор...
Будь ты проклят, сын собаки, злой Сикор!

Не успел Колбан опорожнить свой короб, как сверху, из ствола шахты, раздался звонкий стук по пустой бадье. Это был сигнал. Ничего не оставалось, как затянуть сигнальную песню. Голос у Колбана был на редкость противный. Он и сам знал об этом и никогда в жизни не пел. Слов сигнальной песни он не запомнил, поэтому, полагаясь больше на силу голоса, начал выводить что-то непонятное:

— Салам, шахтер! Алаулим, алаулим!

— Что это с нашим Колбаном? — опуская лопаты и обушки, насторожились рабочие в штреке.— Ревет, как ишак!

— Да это он нашу артельную затянул, предупреждает! — догадался один из саночников, и вновь, но уже сильнее ударили обушки, быстрее замелькали лопаты.

А Колбан, видя, что бадья опустилась и из нее, как медведь, вылезает грузный человек в круглой мохнатой шапке и бурой овчинной шубе, торопливо опрокинул свои санки на кучу угля и пустился обратно, гремя пустым коробом.

— Большой начальник спустился в железном ведре! — закричал он, вбегая в штрек.— Наверно, сюда сейчас явится...— И, к удивлению всех, потребовал: — Накладывайте мне скорее угля!

— Кто такой? Какой из начальников? — начали его расспрашивать.— Может, Сикор?

— Откуда мне знать! — отвечал Колбан.— Начальник, но не Сикор. Этого долговязого я бы сейчас же узнал...

Спустившийся в шахту был не кто иной, как сам Ушаков. Выбравшись из бадьи, он потянул носом тяжелый воздух шахты, поморщился и стал снимать с себя шубу. Двое рабочих тотчас же принялись грузить лопатами уголь в пустую бадью. В стороне работали три русские женщины-сортировщицы, отбирали породу. Ушаков послал одну из них, что была помоложе, позвать штейгера Быкова и стал оглядывать «рудничный двор», как называлась широкая площадка перед шахтным стволом. Весь он был завален углем, а саночники — русские и казахи — продолжали подвозить его из обоих штреков. Медленная выгрузка угля и породы, с помощью одной только бадьи, явно угрожала затормозить всю работу в забоях.

«И почему не пробивают еще один ствол? Ну, этот дурак Сикорский мог и не додуматься, а Быков должен понять! И подача угля на-горà пошла бы вдвое быстрее, и воздух в шахте стал бы чище, и люди заработали бы веселее...» — размышлял Ушаков.

— Вы с Урала? — обратился он к женщинам.

— Да, восемь лет работали на золотых приисках господина Рязанова,— ответила ему словоохотливая Катерина Неволя и продолжала: — Мужики наши вбили себе в голову, что теперь выгоднее работать на черном золоте, на этом самом, значит, угле, вот мы и потащились сюда. Целых три месяца шли пешком, чуть богу душу не отдали. Да некоторые и отдали...

— Слышал, слышал об этом,— прервал ее Ушаков, желая перевести разговор на другое.

— Никогда не согласились бы мы, женщины, уходить в такую даль, да слух такой прошел, будто закрываются прииски господина Рязанова... А кто его знает, может, и не закрылись,— задумчиво добавила Катерина Неволя.

— Ну, а как здесь устроились? Привыкаете? — спросил Ушаков.

— Работа — везде работа. Для нас что пуд золота, что пуд вот этого камня. Все тот же пуд.

Ушаков с интересом взглянул на эту умную женщину и сказал:

— Ничего, привыкнете... Пройдет годик, другой — и заживем хорошо.

— Нет, не привыкнем,— покачала головой Катерина.— Вернее всего, уедем отсюда. Решать это, конечно, должны мужчины. Но они тоже недовольны. Вот отработаем шесть месяцев, как уговор был, и уедем.

— Почему? Что вам не нравится?

— А что тут такого, чтобы понравилось нам? — уже сердито заговорила Катерина Неволя.— Ни деревца, ни речки... Не знаешь, где и белье полоскать! Постоянно ветры да бураны, всю зиму не увидишь погожего дня... А капусту, картошку где, на угле сажать? Нет, здесь нам не жить. Мужики собираются толковать об этом с хозяином, когда тот заглянет сюда. Да что проку! Хозяева, известно, наобещают златые горы. Слышали мы такие обещания, да не видели, чтобы они исполнялись. Так, пустые слова... А мужики поспорят, пошумят, а все равно сделают, как бабы хотят. Нас, баб, не переспоришь, коли мы чего захотим!

— Чего же вы хотите?

— Поскорее уехать отсюда...

Женщина выложила все начистоту, и Ушаков серьезно задумался. Ему было известно, что русские рабочие недовольны плохими бараками, отсутствием бани, низкой оплатой труда и тем, что в лавке даже хлеба не всегда можно было купить и питаться приходилось больше кониной. Он для того и приехал на этот раз, чтобы выяснить возможности улучшения условий работы и жизни шахтеров. Но он не подозревал, что недовольство зашло так далеко. Надо было немедленно что-то предпринимать, чтобы предупредить уход русских рабочих с копей.

Подошел штейгер Быков, поздоровался, и они вместе направились к штрекам.

— Правда ли, что русские рабочие хотят вернуться на Урал? — спросил Ушаков.

Быков помолчал, как будто обдумывая, что ответить хозяину.

— Никон Абрамович,— тихо заговорил он,— месяц назад я подробно докладывал вам о по-

Весеннее веяние

Таир ЖАРОКОВ

Побегут ручьи — конец зиме.
Вот и лед потрескался, пропал.
Шубу снега только снять земле —
Со спины ее повалит пар.

Ала-Тау — в звонкой высоте:
Глянешь кверху — шапка с головы!
Ах, как пахнет в эту пору степь
Нежной прелью, соками травы!

Степь, я вижу пастбища твои!
Горы в дымке утренней встают.
Белые вершины их вдали,
Словно конусы огромных юрт.

Яблоневый сад внизу притих.
Ветки вешним соком налиты́.
Словно крылья бабочек, на них
Вздрагивают белые цветы.

И тогда под рокот соловья —
Пусть об этом пишется веками,—
Степь родную обхватив руками,
Не могу не радоваться я!

Перевел с казахского
Александр КОРЕНЕВ.

ложении рабочих. А что изменилось с тех пор? Среди рабочих растет недовольство, отсюда и все толки о возвращении на Урал. Уляжется это недовольство или будет расти, зависит только от вас.

— А вы говорили рабочим о том, что я обещал сделать для них?

— Говорил.

— Ну и как они отнеслись к вашим словам?

— Как отнеслись? — повторил, усмехнувшись, Быков.— Рабочий верит только в то, что зримо и ощутимо. Что может он сказать о том, чего нет?

Ушаков остановился, внимательно посмотрел на штейгера. Месяц назад Быков изложил ему требования рабочих и сейчас открыто говорил, что ни одно из них не выполнено.

— Я, кажется, начинаю вас понимать. Вы стали штейгером, но продолжаете защищать интересы рабочих. Мне это даже нравится. Лучше открытая борьба, чем подвохи...— усмехнулся Ушаков и снова спросил: — А как вы сами думаете, останутся здесь русские рабочие или потребуют расчета?

— Повторяю, Никон Абрамович, все зависит от вас,— ответил Быков и продолжал: — Рабочие вовсе не требуют от вас чего-то невозможного. Они привыкли работать честно и довольствоваться малым. Но все же они хотят жить по-человечески, а не так, как сейчас живут. Их требования справедливы, и, я думаю, в ваших же интересах удовлетворить эти требования.

— Так, так...— задумчиво проговорил Ушаков и двинулся дальше по уклону, в глубь шахты.

Навстречу казахи-саночники, сгибаясь и напрягая все силы, тянули свои наполненные углем короба. Ушаков опять остановился и, глядя на казахов, сказал:

— Как вы думаете, выйдут из них настоящие шахтеры-угольщики?

— Вот они-то и будут вашими постоянными рабочими,— ответил Быков.— Для вас это самая дешевая рабочая сила. Трудятся на совесть и быстро приучаются к делу.

— И жизнью довольны, не жалуются, как ваши уральцы?

— Нет, не довольны. Они тоже присоединились к нашим требованиям.

— Да ну?

— Чего вы удивляетесь? Они такие же рабочие, как и мы.

Ушаков деланно рассмеялся сухим, коротким смешком.

— Понимаю, все понимаю... Только вот что, штейгер, я вам скажу. Русский русскому рознь, а русский казаху — и подавно. Положение казахов на копях и рудниках я тоже постараюсь улучшить, насколько это возможно. Однако с казахами у меня будет всегда иной разговор и другие условия. И уж тут,— строго добавил он,— вмешиваться в мои дела я не позволю!

Они повернули в штрек и подошли к забою. В полумраке почти не видны были фигуры людей, на черных лицах забойщиков белели только глаза и зубы.

— Кто здесь десятник? Пусть подойдет,— сказал Ушаков.

Буланбай отер лицо руками и, взяв свой фонарь, сгибаясь, вылез из темной пещерки. Высоко поднимая фонарь, он подошел к Ушакову.

— Здравствуйте, хозяин.

— Здравствуй.

Ушаков сел на кучу угля и, разглядывая мощную фигуру углекопа, заговорил с ним:

— Ну, как здоровье, десятник? Какие вести идут из аула? Как там, все благополучно в семье?

Это были обычные вопросы, с которыми он всегда обращался к казахам при встрече.

— Плохо в аулах, совсем нехорошо, хозяин,— отвечал Буланбай.— Не знаем, что и будет: мы ли вернемся в аулы или аулы прикочуют к нам.

— Что, джут донимает?

— Совсем разорил бедные аулы. Добирается до последних коз и козлят.

— А вы что же, не помогаете семьям?

Буланбай вместо ответа протянул Ушакову ладонь левой руки и указал на сухие мозоли под каждым пальцем, похожие на двухкопеечные монеты. Он словно хотел сказать хозяину: «Вот до каких мозолей работаем, а много ли ты платишь, чтобы мы могли прокормить и себя и семьи?» Видя, что Ушаков не понимает, он пояснил:

— Каждая вторая из этих мозолей — помощь семье. Сами недоедаем, а семьям стараемся помогать. Да, видать, с нашим заработком и двух ртов не прокормишь.

— На Сикорского больше не жалуетесь?

— Вот уже две недели, как перестали ссориться. Он ли исправился, или мы перестали досаждать ему, об этом спросите вашего штейгера. Это хороший человек, справедливый.

— А сам ты как думаешь? Может Сикорский исправиться или нет? — с легкой усмешкой спросил Ушаков.

Буланбай покачал головой.

— Нет, не может. Это такой человек... ночь спать не будет, если днем не сделает кому-нибудь зла.

В первые дни после прибытия в Караганду русские рабочие жаловались на холод в бараках. Сикорский вздумал переселить их в теплые бараки, уже обжитые казахами. Но русские рабочие решительно воспротивились этому и так же решительно поддержали казахских рабочих, когда Сикорский пытался установить для них более низкую оплату труда. Сейчас Буланбай, пользуясь тем, что хозяин внимательно слушал его, сказал и о том, как Сикорский все время старался поссорить казахов с русскими рабочими, чтобы не допустить сближения между ними.

— А как вы живете? Не чураетесь друг друга, не ссоритесь? — спросил Ушаков.

Буланбай улыбнулся.

— Хорошо живем, дружно. Спросите об этом наших гостей, они скажут вам то же самое.

Тере Жумабек и Куренкоз-ходжа — имам казахов, работавших на трех предприятиях Спасской компании,— все время твердили, что казахи не уживутся с русскими рабочими. По словам Жумабека, приход уральцев сделал набор казахских рабочих особенно трудным делом. Теперь Ушаков убедился, что и тот и другой бессовестно обманывали его.

Некоторое время он молча смотрел, как работали казахи-забойщики. Может быть, присутствие хозяина заставляло их работать с особым рвением, но нельзя было не заметить, что они уже свободно владели обушком и обрушивали уголь с мастерством опытных шахтеров. Особенно понравилось Ушакову, что жигиты, работая, подшучивали друг над другом и смеялись веселым, заразительным смехом. Всех тонкостей этих шуток понять он не мог. Возможно, жигиты подсмеивались и над ним самим, но Ушаков и это простил бы им.

— Смотрите, как весело работают,— обратился он к Быкову.— Шутят, смеются... Это верный признак того, что работа спорится в их руках и они этим довольны.

— Да, но не в шахте родилась у них эта привычка,— мягко заметил Быков.— Она пришла с ними из степной вольной жизни. А здесь, под землей, они скоро отучатся шутить и смеяться.

Ушакову не понравились эти слова.

— Вас и это не радует? — сказал он, хмурясь.— Смотрите, я многое могу простить вам, но не прощу, если вы будете расхолаживать рабочих, насаждая среди них дух недовольства.

Быков счел за лучшее промолчать.

— Через час поднимешься наверх и придешь в контору Сикорского,— оборачиваясь к Буланбаю, приказал Ушаков и пошел обратно.

Сикорский уже разыскивал его, бегая по всей шахте. Увидев хозяина, выходящего из штрека казахской артели, он кинулся ему навстречу. Длинные ноги его скользили, разъезжались, фонарь в руке подпрыгивал. Ушаков взял его с собой и продолжал осмотр шахты.

Для плавки меди требовалось немало угля, но теперь Ушаков воочию убеждался, что недостатка в нем больше не будет. Его глазам открывались все новые и новые мощные пласты угля, вдоль и поперек прорезанные штреками и достигающие толщины в два аршина и больше. Общая протяженность всех штреков не превышала полуверсты, но даже то, что уже разрабатывалось, давало возможность обеспечить углем десяток таких заводов, как Ак-буйратский. «А если эти двухаршинные пласты тянутся на многие версты и вширь и вглубь?» — подумал Ушаков. Он попробовал себе представить, что это значит, и не мог. Какие сокровища, какой неисчерпаемый клад! Но этот восторг омрачался другими, тревожными мыслями: «А как взять эти сокровища? На что употребить, куда сбыть?» В степи не было железных дорог, а много ли перевезешь на волах и верблюдах? Не было вблизи и промышленных предприятий, куда можно было бы сбыть хоть мешок угля. «Эх, была бы чугунка, как можно бы развернуться!» — думал Ушаков.

Он увидел бадью, в которой спустился в шахту. Один из жигитов стоял с большой деревянной крышкой, готовый прикрыть ею хозяина.

— Всех штейгеров и десятников в контору! Всех и скорее! — строго взглянув на Сикорского, приказал Ушаков и перекинул ногу в бадью.

Перевел с казахского
А. САДОВСКИЙ.

Радовать сердца!

Шакен **АЙМАНОВ**,
народный артист Казахской ССР

«Радовать человеческое сердце так же важно, как и лечить его!»

Не бог весть как глубокомысленна эта фраза, которую произносит один из героев музыкальной кинокомедии «Наш милый доктор», но эти слова полюбились нам, создателям фильма. И мы тоже решили по возможности порадовать сердца наших кинозрителей.

Вот как это началось.

На студии возник разговор, что в республике есть немало хороших актеров и что надо, пожалуй, оставить о них память в потомстве. Короче, решили делать фильм-концерт.

Но как избежать штампа? Какой придумать ход, простой и бесхитростный, чтобы не повторять примелькавшихся кинообозрений?

Сперва появилась «ведущая» — славное юное создание Бибигуль. Затем родился и сюжет. Хороший врач к своему 60-летнему юбилею получает неожиданный подарок. Его многочисленные пациенты — люди из мира искусства — устраивают концерт для любимого доктора. При этом самый концерт, в его обычном понимании, мы решили вынести за экран, а артистов показать по ходу действия, в жизни, в работе.

Съемочная группа приступила к работе.

И постепенно из делового, официального списка актеров, намеченных для съемки в фильме-концерте, выросла незатейливая, но, нам кажется, веселая кинокомедия, где широко представлены артисты казахской и русской драмы, оперного театра имени Абая, Алма-Атинской филармонии.

Для меня, кинорежиссера, это была первая самостоятельная работа над художественным фильмом. Впервые снимались в кино и все актеры. А для Розы Исмаиловой, исполняющей роль Бибигуль, это была первая в жизни актерская проба сил: девушка только что окончила десятилетку.

Я остановился на истории создания этой музыкальной кинокомедии так подробно не только потому, что она представляет собой как бы экранизированную «микродекаду», но в ней есть все то, что определяет лицо нашей молодой Алма-Атинской студии: коллективное творчество, тяга к темам современности и... хорошее настроение.

Да, мы работаем с хорошим настроением!

Посудите сами. Алма-Атинская киностудия как самостоятельная творческая организация открылась в 1946 году. Вначале к нам на помощь приходили мастера кинематографа Москвы и Ленинграда. Первый самостоятельный фильм — экранизация пьесы Габита Мусрепова «Поэма о любви» — вышел пять лет тому назад. С этого фильма началась биография казахского киноискусства. Хотя мы еще молоды, на первом Всесоюзном кинофестивале по количеству полученных дипломов заняли второе место после «Мосфильма». Три диплома за художественные и два за хроникальные картины — это немаловажный повод для хорошего настроения.

Растут в студии молодые кадры. Вот Мажид Бегалин, кинорежиссер. Был участником Отечественной войны, потом окончил ГИК, стажировался у таких мастеров, как С. Герасимов, Е. Дзиган, М. Чиаурели. Был вторым режиссером фильма «Джамбул» и в 1954 году выпустил первый самостоятельный фильм. Недавно закончил работу над фильмом «Его время придет» — о казахском просветителе и ученом Чокане Валиханове. Интересен и самобытен молодой кинорежиссер Султан Ходжиков, тоже воспитанник ГИКа. Москвичи смогут оценить это, просмотрев его первый художественный фильм, «Заре навстречу»,— о борьбе за установление Советской власти в городе Верном, теперешней Алма-Ате. Над этой картиной работал и наш молодой оператор Искандер Танышпаев.

Студия имеет свои квалифицированные операторские кадры: М. Сагымбаева, М. Аранышева и других. А загляните в монтажный цех, требующий, как известно, высокой грамоты и культуры в работе,— там все девушки казашки!

Алма-Атинскую студию с полным правом можно назвать студией современного фильма. С 1955 года она выпустила семь художественных кинокартин, посвященных теме сегодняшнего дня: «Это было в Шугле», «Дочь степей», «Крылатый подарок», «Девушка-джигит», «Мы здесь живем», «Березы в степи», «Наш милый доктор». Мы не считаем, что все эти фильмы удались. В них много и недостатков, идущих от молодости нашего киноискусства. Но традиция работать над современной темой настолько прочно укоренилась в коллективе, что в 1959 году мы решили выпускать фильмы только о наших днях.

Ведь мы сами, режиссеры, операторы, актеры, художники, монтажники,— участники всех чудесных свершений, происходящих на древней казахской земле. Мы росли и мужали вместе с республикой, мы вышли из народа и не потеряли с ним родства. О чем же еще мы можем сказать так сильно, ярко и страстно, как не о нашем современнике?

Сейчас мы снимаем фильмы о героическом труде каспийских рыбаков и о железнодорожниках Казахстана. Мы воспеваем поэзию чабанского труда и рассказываем о шоферах-целинниках.

Автор этих строк приступает к работе над фильмом, где главным действующим лицом будет секретарь райкома в целинном районе.

Заглядывая в завтрашний день, хочется сказать, что мы и впредь будем черпать творческое вдохновение из кладовой несметных духовных и материальных богатств, из жизни нашей цветущей республики.

Кадр из фильма «Наш милый доктор». Мурат — народный артист Казахской ССР М. Суртубаев, Бибигуль—Р. Исмаилова.

Сцена из фильма «Его время придет».

Фильм «Ботагоз». Лиза — П. Гребешкова, Ботагоз — Г. Исмаилова.

ХЛЕБ И ПЕСНИ

И. МЕСХИ

Фото О. Кнорринга.

Научный сотрудник Алма-Атинской консерватории А. Темирбекова записывает на магнитофон песни акына — народного артиста Казахской ССР М. Ержанова.

Вечернюю тишину в Алма-Ате нарушали далекие шумы в эфире. Говорили о хлебе. Из Павлодара передавали митинг: закончились уборка и продажа зерна государству, область за успехи получила орден Ленина. Потом включился в передачу Западный Казахстан — снова орден Ленина. Та же весть из Акмолинска, Караганды, Кокчетава. Пять орденов! В государственный амбар засыпано более 950 миллионов пудов зерна, почти миллиард.

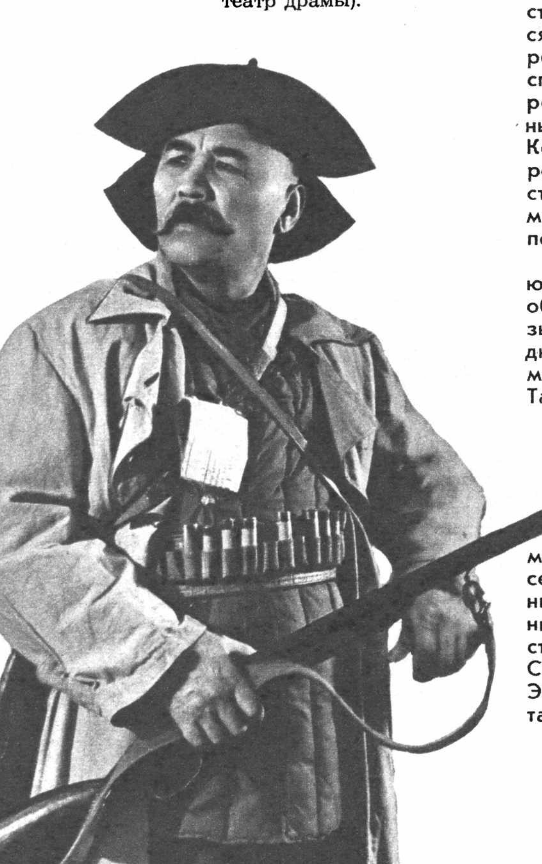
Состоялся митинг и в столице Казахстана. Его слушали хлеборобы всей этой огромной степной стороны, от Каспия до Алтая. Алма-Ата призывала готовиться к новому хлебному году, не медлить, закладывать основы будущего миллиарда.

На Алма-Атинской киностудии спешно монтировали тысячи метров пленки, отснятой операторами и хроникерами на целине: документальный фильм о хлебе, собранном с целинных земель Казахстана, должен попасть на декаду казахского искусства и литературы в Москве.

Государственный ансамбль песни и танца Казахской ССР все лето и осень выступал на полевых станах, токах и элеваторах, где вместо декораций стеной стояла зреющая пшеница; теперь здесь готовили для выступления в концертных залах Москвы бутафорские снопы и колосья.

Едет в Москву на декаду и Казахский академический театр драмы. Он везет в столицу «Енлик-Кебек» Мухтара Ауэзова. Писатель создал эту пьесу еще будучи студентом и сам ставил ее в день свадьбы внучки Абая на джайляу Ой-Кудук. В тот день сдвинули две юрты, затянули их пологом; автор суфлировал, сидя в сундуке. Играли доморощенные актеры. Это была первая казахская пьеса. В 1926 году постановкой «Енлик-Кебек» открылся первый драматический театр в республике. Первые исполнители спектакля: бывший пастух и ярмарочный острослов Калибек Куанышбаев, бывший партизан Серке Кожамкулов — люди, которые росли вместе с этой пьесой, вместе с театром и стали настоящими большими актерами,— тоже побывают на декаде в Москве.

Рядом с «Енлик-Кебек» заиграют яркими жизненными красками образы веселой комедии, рассказывающей о событиях наших дней — «Одно дерево — не лес» молодого драматурга Абдильды Тажибаева. Герои пьесы — те самые люди, которые составляют сегодня гордость Советской страны, труженики освоенной целины, участники битвы за казахстанский миллиард пудов хлеба. Спектакль создан молодежью. Это первая режиссерская работа А. Мамбетова, первые театральные декорации М. Ержанова, первая музыка к спектаклю Г. Жубановой...

Народный артист Казахской ССР К. Бадыров в роли председателя колхоза Темирбекова в спектакле «Одно дерево — не лес» (Казахский театр драмы).

Вместе с казахским едет на декаду в Москву и Русский театр драмы. Из четырех спектаклей два — «Битва в пути» по роману Г. Николаевой и «Наследники» А. Анова — посвящены сегодняшнему дню.

На первой казахской декаде в Москве в 1936 году показывал свои первые спектакли молодой музыкальный театр. Сегодня в столицу Советской страны отправляется большой коллектив Государственного академического театра имени Абая с двумя национальными операми («Абай» А. Жубанова и Л. Хамиди и «Биржан и Сара» М. Тулебаева) и двумя балетными спектаклями («Бахчисарайский фонтан» Б. Асафьева и «Дорогой дружбы» Н. Тлендеева и Е. Манаева).

Театр покажет на декаде, как плодотворно разрешились споры о казахской национальной хореографии в работе над балетом «Дорогой дружбы». Это глубоко патриотический спектакль о дружбе двух народов — казахского и китайского, о верности Родине, о духовной чистоте простых тружеников земли. Музыка балета насыщена народными танцевальными мелодиями, хорошо использованными композиторами.

Москве известен постоянный дирижер Большого театра Газиз Дугашев, он является главным дирижером Театра имени Абая. Небезынтересно, что на декаде наряду с ним будет дирижировать и вчерашний студент, двадцатилетний Тургут Османов.

Молодость займет ведущее место в спектаклях театра. В балете это темпераментный Заурбек Райбаев. Рядом с ним необычайно лиричная Сара Кушербаева. В опере молодые актеры Ермек Серкебаев и Роза Джаманова как бы продолжают традицию акынов, сочетая в своем творчестве мастерство музыканта и певца: Роза Джаманова закончила образование по классу фортепьяно; Ермек Серкебаев не только великолепный певец, он еще и скрипач.

Вместе с театром едет на декаду его старейшина — аксакал музыкально-драматического искусства Казахстана, главный режиссер Курманбек Джандарбеков, актер, певец, танцор, режиссер. Его знает весь Казахстан. Вспоминают, как он ставил первые спектакли в драме, а потом — в опере. Это было и давно и недавно, как и все в профессиональном искусстве Казахстана.

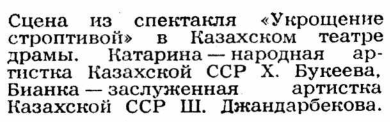
* * *

В Союзе композиторов наше внимание привлек колосок пшеницы, который задорно торчал на письменном столе в бокале для канцелярских скрепок. Как он попал сюда? Казахские композиторы много ездят. Такая традиция — побольше ездить, побольше записывать — существует у них давно.

«Записывал я всех, кто только мог мне предложить свои исполнения... Записывал повсюду: у себя на дому, при рояле, а чаще всего на разного рода курсах, в общежитиях, школах, казармах; записывал летом на высоком идиллическом берегу Урала, а зимой— на темных, грязных нарах или рваных коврах ночлежек, и среди сутолоки базара...» — вспоминал замечательный русский музыковед и композитор Александр Викторович Затаевич. Друг С. Рахманинова, Ф. Шаляпина, Л. Собинова, блестящий знаток европейской музыкальной культуры, попав в двадцатые годы в казахскую степь, он почувствовал глубокое внутреннее созвучие с «интимнейшими струнами души народной», с музыкальной культурой Казахстана. Свыше двух тысяч народных песен и инструментальных пьес — кюйев,— которые веками хранились в памяти народа, записал Затаевич. Он открыл настоящий клад, подарив миру неведомых ранее степных композиторов Курмангазы, Биржана, Майру и других.

Примеру Затаевича следуют и

Сцена из спектакля «Укрощение строптивой» в Казахском театре драмы. Катарина — народная артистка Казахской ССР Х. Букеева, Бианка — заслуженная артистка Казахской ССР Ш. Джандарбекова.

сейчас музыканты Казахстана. В Алма-Атинской консерватории имени Курмангазы славная круглолицая девушка Алма Темирбекова, научный сотрудник фольклорного кабинета, показывает нам рулоны с записью песен на магнитофоне. Целых 70 рулонов привезла Алма из экспедиции по аулам от озера Балхаш до Джунгарских ворот. Она записала 4 сотни песен колхозных акынов, обнаружила песни народной поэтессы Сары, сохранившиеся в устном творчестве.

Не менее интересны и новые, сегодняшние песни, которые поют акыны в домах, в колхозных клубах. Не забудутся молодые хлеборобы, чабаны, слагающие вдохновенную хвалу новой жизни... Широко известны в республике песни акына Манербека Ержанова, ученика Джамбула Кенена Азербаева. Талантливую симфоническую поэму «Ризвангуль» Куддуса Кужамьярова слушала не раз Москва. Очень популярны в Казахстане Бахитжан Байкадамов, Копан Мусин, их произведения: кантата «Целина», хоровая сюита «За мир» и другие, воспевающие сегодняшний день.

А разве можно умолчать об отце и дочери А. и Г. Жубановых!

Заглянем к ним домой, на улицу Курмангазы.

В эти дни к Жубановым приехала из Актюбинска родня: сестра Ахмета Жубанова, Агиба, и муж ее, колхозный кузнец Шерин. Гости рассказали новости о делах и людях родного аула и теперь хотят послушать музыку горожан. На сей раз у рояля не Ахмет, как это бывало раньше, а дочь его Газиза. Остальные расположились вокруг. Газиза заиграла какую-то протяжную мелодию. Задумался кузнец Шерин, глядя на свои большие, сильные руки. А 90-летняя Бибишнар не может оторвать любящих глаз от внучки. Ведь скоро ее услышит вся Москва!

Ахмет тоже поедет в Москву. В столице Ахмета Жубанова уже знают. На первой декаде казахского искусства выступал созданный им небольшой домбровый ансамбль. Сейчас в Государственном оркестре народных инструментов имени Курмангазы 80 музыкантов — 80 домбр, кобыз и собызг. Что такое домбра? Две жильные струны. Струны кобыза — конские волосы; собызга — это дудка из тростника. Но на таких инструментах казахи научились передавать мелодии Глинки и Бетховена, Чайковского и Бородина. Потому что владеют ими теперь музыканты с высшим консерваторским образованием, ученики Жубанова.

Старая Бибишнар радуется за своих детей. Она хорошо знает, что песня человеку нужна так же, как хлеб. Ахмет Жубанов много сделал, чтоб поднять песню, прославить казахскую домбру. Он доктор искусствоведения, им написана книга «Струны столетия».

Балет «Дорога дружбы» в Государственном театре оперы и балета имени Абая.

Сцена из спектакля Казахского театра драмы «Трагедия поэта» в исполнении народных артистов Казахской ССР С. Кожамкулова и К. Куанышбаева.

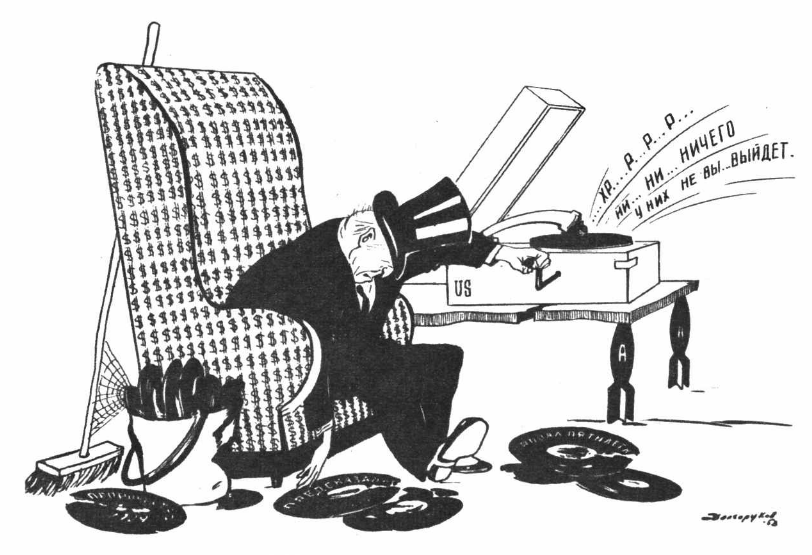
Оркестр Курмангазы исполняет музыкальную поэму Жубанова «Абай». Правительство поручило ему художественное руководство всей декадой. Газиза Жубанова пишет музыку для симфонических оркестров. На декаде москвичи познакомятся с ее концертом для скрипки с оркестром. И, кто знает, может быть, случится так, что концерт Газизы будет играть потом не только казахский симфонический оркестр, но и другие — в Киеве, Риге, Тбилиси! В большой мир выходит казахская вольнолюбивая песня о людях труда, о народе, о замечательных его делах на целине...

Как-то во время путешествия по Советскому Союзу Алексею Максимовичу Горькому попался сборник «Тысяча казахских-киргизских песен» А. В. Затаевича.

«...Думаешь, конечно, не только о музыке будущего,— писал тогда Горький,— а о будущем страны, где все разноязычные люди труда научатся уважать друг друга и воплотят в жизнь всю красоту, издревле накопленную ими».

Через несколько дней поднимется занавес казахской декады. И за ним откроется не только красивая музыка, слово, танец... За ним — душа народа, его труд, его песня.

БИТЫЕ ПРОРОЧЕСТВА

НЕдолгоиграющая пластинка.

Рисунок Н. Долгорукова.

Ральф ПАРКЕР,
английский журналист

В те времена, когда мир узнал о первом советском пятилетнем плане, я был студентом Кембриджского университета. Сведения о первой пятилетке были отрывочны — об этом позаботилась английская печать,— и пришли они поздно. Но опубликованные цифры вызвали новый взлет надежды у тех из нас, кто верил в возможность сделать людей лучше, а их жизнь — достойнее и справедливее.

В те дни многие англичане из кругов интеллигенции находились в состоянии духовного упадка: они потеряли то, что дает смысл жизни,— ощущение цели, подлинной творческой цели, которой они, ученые, педагоги, писатели, инженеры, могли бы отдать всю свою энергию и знания.

Широкие планы промышленного строительства, добровольно взятые на себя советским народом, несмотря на тогдашние лишения и недостаток материальных ресурсов, вызывали у нас смешанное чувство удивления и зависти. Там, рассуждали мы, в этой удивительной, почти неизвестной нам Стране Советов, люди знают, чего они хотят. Они делают то, что, несомненно, практически полезно для человечества. Своим напряженным, самоотверженным трудом они избавляют будущие поколения от физического вырождения, голода, преждевременной смерти — словом, от всего того, что было принадлежностью прежней, царской России. Мы не могли также не видеть, что пятилетка несет с собой перестройку самих людей, формирование новых человеческих качеств.

Надо сказать, что те, кто у нас в Кембридже высказывал энтузиазм по поводу прогресса в Советском Союзе, рисковали подвергнуться гонениям, отлучению от «общества». Была в то время ходячая фраза, которую часто можно было услышать из уст консерваторов: «Пирог на том свете». Этими словами они выражали свой скептицизм, утверждая, что усилия Советского Союза в области индустриализации ничего не дадут.

Надо сказать, что эта желчная фраза была не более как вариантом известного гимна Армии Спасения — организации, прислуживающей капиталистам. Гимн так «утешает» трудящегося человека:

В райской обители у господа бога
Есть будешь сытно, вкусно
и много.
А пока ешь мякину, трудись
да гни спину,
И сам господь бог поднесет тебе
сладкий пирог.

Тогда эти слова цинично использовались для того, чтобы бить ими по тем из нас, кто выражал веру в способность советского народа выполнить великолепные планы перестройки своей страны.

Это было около 30 лет тому назад. И эти дни приходят мне на память сейчас, когда я читаю или слушаю по радио комментарии западных «экспертов по русскому вопросу» к тезисам доклада Н. С. Хрущева о задачах семилетнего плана. Правда, многое изменилось за это тридцатилетие. Уже не получается «заговора молчания». В наши дни опубликование планов Советского Союза вызывает широкие, подробные и немедленные отклики мировой печати. И никто, насколько я мог убедиться, не осмеливается больше называть эти планы «экспериментом», а тем более «пирогом на том свете». Некоторые деятели, как, например, мистер Спаак, были настолько ошеломлены мощью и размахом контрольных цифр семилетки, что даже усмотрели в них «советский вызов, рассчитанный на господство над миром».

Однако прежнее стремление дискредитировать великие советские планы и свершения еще теплится в некоторых западных кругах. Это можно, например, видеть по заголовку «Обетованная земля», который газета «Манчестер гардиан» дала своим первым редакционным комментариям к тезисам.

Плохо скрываемое раздражение проступает сквозь эту наигранную иронию. Что касается моего народа, то я убежден, что подобного рода «ирония», плохо согласующаяся с провалом всех прежних западных «пророчеств», не имеет веса среди широких масс моих соотечественников. Советский Союз больше не является для них «таинственным островом». Десятки тысяч англичан видели Страну Советов своими собственными глазами. В одном Манчестере десятки промышленных фирм ведут торговые дела с Советским Союзом и очень желали бы делать еще больше, если бы только позволило британское правительство. Англичане убедились в том, что «пирог» в Советском Союзе уже много лет находится не в заоблачном мире, а в реальной действительности, на столе советских людей. Этого факта уже нельзя скрыть от английского народа.

Цифры семилетнего плана — это лишнее живое доказательство в глазах моих соотечественников жизненности и прогрессивности социалистического общества.

Я позволю себе сказать несколько слов о том, как реагировал я лично на появление тезисов. Говорю об этом не потому, чтобы мое мнение имело какое-либо особое значение, а потому, что оно, видимо, совпадает с мнением очень многих англичан.

Меня глубоко воодушевило то, что семилетний план, представляющий собой органическую часть еще более длительного перспективного плана, ясно и твердо провозглашает, что в ближайшие 15 лет уровень жизни советских людей будет самым высоким в мире. Систематическое повышение заработка низкооплачиваемым категориям рабочих, увеличение пенсий престарелым, предоставление трудящимся более продолжительного времени для еженедельного отдыха, гигантское жилищное строительство, постепенное уравнивание быта и культуры деревни и города — таковы эти тенденции, в которых воплощаются давние мечты трудящихся всего мира. Я с восхищением смотрю на то, как семилетний план стирает шаг за шагом традиционно сложившееся экономико-географическое «неравенство» между европейской и азиатской частями Советского Союза: закладывается третья металлургическая база в Сибири, в Казахстане; разовьется цветная металлургия в Средней Азии, на Урале, в Забайкалье.

Я думаю о том, что в Советской стране гигантские расстояния — этот немаловажный фактор «неравенства» в условиях жизни — будут отступать перед свершениями семилетнего плана в области транспорта. Воздушные линии раскинутся вшестеро более широкой сетью, и по ним понесутся самые быстрые в мире турбореактивные и турбовинтовые воздушные корабли. От Северного Кавказа до Ленинграда протянется на многие сотни километров газопровод. Башкирская нефть потечет в Восточную Сибирь. Да можно ли перечислить все, что даст семилетка для победы над пространством и временем!

Темпы, невиданно быстрые темпы, о которых свидетельствуют скупые фразы тезисов доклада Н. С. Хрущева, вызывают в моих мыслях сравнения с бурным «аллегро», которым заканчивается музыка симфонии, приближаясь к победному финалу. Три с половиной года тому назад министр консервативного правительства Батлер похвалялся, что его партия повысит вдвое уровень жизни англичан за 25 лет. Сегодня уровень производства в Англии ниже, чем в те дни, когда была брошена эта горделивая фраза. Удивительно ли, что люди в Англии находятся под глубочайшим впечатлением того, что советский народ рассчитывает поднять свой уровень жизни вдвое за такой сравнительно короткий срок.

Цифры семилетки показывают всем народам, что там, где хозяевами являются люди труда, жизнь неизбежно должна стать самой обеспеченной, культурной и творческой в мире. Это заставляет задуматься каждого человека, способного мыслить и чувствовать. Задуматься и действовать.

ЯРКОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ

Беседа с министром юстиции Республики Индии АШОК КУМАР СЕНОМ

— Во время почти трехнедельного пребывания в Советском Союзе,— сказал нашему корреспонденту индийский министр юстиции,— наша делегация видела много интересного и поучительного во всех областях общественной жизни. У себя на родине мне не раз доводилось знакомиться с фильмами и фотографиями о Москве. Но то, что мы увидели своими глазами, оказалось куда более значительным и ярким.

Разговор заходит о важнейшем событии последних дней — опубликовании контрольных цифр семилетнего плана развития народного хозяйства СССР.

— Незнание русского языка,— говорит Ашок Кумар Сен,— лишило меня возможности детально познакомиться с опубликованными тезисами. Но общее представление о них мне удалось составить. Я могу сказать только одно: по сравнению с вашими воистину грандиозными планами нынешний второй пятилетний план Индии — это, конечно, младенец. Мне, гражданину молодой республики, хочется к этому добавить: мечтаю о том времени, когда Индия, крепко встав на ноги в своем экономическом развитии, сумеет приступить к выполнению и подобных гигантских задач.

Наш собеседник говорит далее о приеме делегации индийских юристов Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым:

— Это была продолжительная и очень сердечная встреча. Я передал привет от народа Индии и премьер-министра Неру советским людям и господину Хрущеву. Беседа с главой вашего правительства оставила у всех нас неизгладимое впечатление.

Покидая вашу великую страну,— говорит на прощание Ашок Кумар Сен,— мы увозим с собой твердое убеждение в том, что советский народ питает чувство искренней дружбы к индийскому народу и отстаивает политику мирного сосуществования государств с различными социальными системами.

Народный артист Казахской ССР Ермек Серкебаев в роли Фигаро. Опера «Севильский цирюльник» в постановке Государственного академического театра оперы и балета имени Абая.

Фото О. КНОРРИНГА.

Артисты Казахского государственного ансамбля песни и танца Роза Есламгалиева и Кахарман Байтабатов исполняют народный казахский танец.

Народная артистка Казахской ССР Роза Багланова.

Сцена из оперы «Абай» в постановке Государственного академического театра оперы и балета.

←
Солист балета Государственного академического театра оперы и балета имени Абая заслуженный артист Казахской ССР Заурбек Райбаев исполняет индийский танец орла.

Танцевальная сюита «На целине» — постановка Казахского государственного ансамбля песни и танца.

«Бахчисарайский фонтан» в Государственном академическом театре оперы и балета имени Абая. Мария — заслуженная артистка Казахской ССР С. Кушербаева, Зарема — заслуженная артистка Казахской ССР С. Толусанова, Гирей — А. Асылмуратов.

ЛЮБОВЬ, ЛЕВИРАТ И ЖБАН СЧАСТЬЯ

Рассказ

Г. ХОДЖЕР

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

1

Моторная лодка медленно обогнула высокий гранитный утес, возвышавшийся на изгибе реки. Навстречу ей стремительно неслась вода, бурлила, бесновалась у подножия утеса и бросала лодку из стороны в сторону. Петр Конгерович сидел за штурвалом с застывшей улыбкой и следил за каждым движением лодки.

— Подальше отходите от утеса! — кричали ему на ухо двое мальчиков.

— Ничего, ребята, не бойтесь, я здесь знаю каждый камень! — закричал в ответ Петр Конгерович.

Прошло больше десяти лет с тех пор, как он парнишкой на оморочке ловил здесь на блесну больших серебряных рыб. Эти десять лет прошли непостижимо быстро.

Он был еще на студенческой скамье в педучилище, когда началась война. Доучиваться пришлось после демобилизации. Только в четвертое послевоенное лето ему удалось наконец вернуться в родное село с дипломом учителя начальных классов.

Несколько дней он отдыхал, два раза ездил по просьбе председателя колхоза на рыболовецкий стан, проводил беседы о международном положении. Сегодня — первый день, как приступил к работе в школе. Директор школы Николай Николаевич Юнкеров попросил его встретить в соседнем русском селе молодую учительницу, которая приехала к ним в семилетку на работу.

Петр Конгерович не знал имени молодой учительницы. Директор только успел сообщить ему, что едет новый преподаватель истории с высшим образованием. Этого для Петра Конгеровича было достаточно: ему казалось, что человека с высшим образованием он узнает с первого взгляда.

Моторная лодка подошла к причалу одновременно с пароходом. Оставив ребят в лодке, Петр Конгерович поднялся на причал. По сходням уже шагали первые пассажиры. Третьей шла высокая русская девушка с большим чемоданом в руке. Петр Конгерович с первого взгляда решил, что это и есть учительница, которую он встречает. Он взял у нее чемодан и помог донести до берега.

— Спасибо вам, товарищ,— поблагодарила девушка, очутившись на земле.— Дальше понесут мои родители. Вот они.

— Но... разве вы не историк?..

— Я в отпуск приехала к своим,— ответила, девушка, попадая в объятия толстой старушки.

Петр Конгерович растерянно смотрел, как старушка обнимала девушку.

— Скажите, вы не из Джонки? — услышал он за спиной.

Обернувшись, он встретил ожидающий взгляд девушки-нанайки. Она держала в руках два небольших чемоданчика и сеточку с книгами; голубая измятая косынка была небрежно переброшена через плечо. Девушка радостно улыбнулась, поставила чемоданы на землю и протянула руку.

— Простите, я вас не узнала. Здравствуйте!

Петр Конгерович пожал ее руку, хотя никак не мог припомнить ее. Он еще раз внимательно присмотрелся. Нет, он раньше никогда не встречался с этой красивой, стройной девушкой.

— Я вижу, вы меня не узнаете,— засмеялась она.— Я Люда Киле, дочь Бимби Киле, мы живем через дом от вас.

Люда? Маленькая Люда! Вот какая она стала!

Петр Конгерович вспомнил, как он, маленькую, качал ее в люльке. Вспомнил ее уже большой, ученицей четвертого класса, провожающей его в педагогическое училище.

— Люда! Какая ты большая стала! — радостно воскликнул он.— Невеста уже!

Девушка густо покраснела и смущенно улыбнулась. Чтобы как-то нарушить наступившее неловкое молчание, он спросил:

— Откуда вы теперь приехали?

— Из Хабаровска.

— Не вас ли я должен был встретить?

— Не знаю. Меня в школу направили, историю буду вести.

2

Учебный год еще не начался, но работы в школе было достаточно. Петру Конгеровичу приходилось и кирпичи приобретать в соседнем селе, и перевозить их на лодках, и полоть

колхозное поле вместе со школьниками, и ходить по селу из дома в дом, переписывая ребят.

Всюду сопровождал его племянник Коля Киле, старший сын его брата. Мальчик до того привязался к дяде, что иные вечера отказывался идти домой спать. Отец Коли, Ченгси Конгерович Киле, уже второй месяц находился в постели: у него прогрессировала старая болезнь печени.

— Ничего, Петр, пусть еще крепче привяжется Коля к тебе,— говорил Ченгси брату,— слушаться будет, лучше станет учиться.— И, опустив глаза, тихо добавлял: — Он твоим сыном должен стать.

— Что ты, старший брат, он же твой сын! — отвечал Петр Конгерович.

Ченгси молчал.

Вечером, освободившись от работы в школе, Петр Конгерович шел в гости к Людмиле Бимбовне. В первые дни после ее приезда он, заходя в дом, полушутливо-полусерьезно здоровался с молодой учительницей, называя ее сестренкой. Отец девушки, старый Бимби, родственник Конгера, радовался тому, что грамотные молодые люди не забывают древнего родового обычая. Иначе и быть не должно. Правда, старый Бимби, перебирая в памяти близких родственников, не может назвать среди них семью Конгера: они как-то всю жизнь находятся на отшибе. Но это ничего не значит. Конгер — из рода Киле и, какой бы он ни был дальний, все равно родственник, поэтому и дети должны жить, как братья и сестры.

Перекинувшись несколькими словами со старым Бимби, Петр проходил на половину Людмилы. Здесь они просиживали до позднего вечера, вспоминая детские годы девушки. Петр Конгерович иногда рассказывал о боях, в которых участвовал, но рассказы его были очень скупы.

— А у вас есть награды? — спросила она как-то.

— Да, есть,— неохотно ответил Петр Конгерович.

Он чаще и с увлечением вспоминал студенческую жизнь и в эти минуты преображался до неузнаваемости. Тут он находил нужные слова, в речи его появлялся юмор.

Однажды они ходили в кино, смотрели «Овод». После картины, не сговариваясь, остались танцевать. Петр Конгерович не узнавал себя в этот вечер, ему казалось, что опять он стал восемнадцатилетним юношей, жизнерадостным, сильным. Как-то незаметно изменилось и все окружающее: люди казались ему милыми, добрыми, даже керосиновые лампы горели необыкновенно ярко, а закопченные стены клуба стали намного белее, чем были на самом деле.

Когда танцы закончились, Петр Конгерович взял Людмилу под руку и вышел из клуба.

Дома, огороды, тайга под лунным светом приняли желто-зеленую окраску, будто невидимый маляр в один миг перекрасил всю окрестность. Сливовые деревья в садах, кусты возле заборов, деревья в тайге затихли, будто изумленные необыкновенным сиянием луны. Даже слабый ветерок не нарушал этого спокойствия. Комары, мошки затихли в низких травах, ночные птицы примолкли в тайге. Все живое наслаждалось ночным покоем. Река застыла, обрубок луны плавал на ее поверхности, самая яркая звезда позабыла золотую иглу на воде.

— Как красиво! — повторяла девушка.

— Это для нас, Люда,— тихо проговорил Петр Конгерович и нежно погладил волосы девушки. Людмила доверчиво прижалась к нему. Оба молчали. Все, что хотелось им сказать друг другу, было сказано.

3

Людмила приступила к работе за полмесяца до начала занятий в школе. Целыми днями она просиживала в учительской, готовилась к первому самостоятельному уроку. Десятки раз переписывала планы занятий и свои студенческие конспекты, перечитывала книги. Ей хотелось с первого же урока завоевать признание своих учеников интересной, содержательной беседой. Почувствовав усталость, она тихо поднималась, подкрадывалась к сидевшему за соседним столом Петру Конгеровичу и руками прикрывала ему глаза.

— Обожди, Люда, дай допишу предложение,— умолял Петр Конгерович.

— Звонок был — все на перемену! — смеялась в ответ Людмила.

Петр Конгерович вскакивал, поднимал ее на руки и начинал носить по комнате.

— Сумасшедший! Отпусти! Что ты делаешь?— отбивалась испуганная учительница. Петр Конгерович сажал ее на стол и сам опускался на стул.— Здесь же учительская, сумасшедший! А если бы кто заглянул сюда?

— Ничего бы не было, мы молодые, можем повеселиться. К тому же скоро станем мужем и женой.

— Это еще не скоро. Не забывай наш уговор: свадьба в октябре, в нанайский праздник окончания кетовой путины.

— Отметим заодно и месяц нашей самостоятельной работы,— добавлял Петр Конгерович.

Однажды после обеда, моя посуду, Людмила поведала свою тайну отцу.

— Папа, мы с Петром решили пожениться. Свадьба будет после путины.

Старый Бимби вытащил изо рта трубку и так и остался с открытым ртом. Если бы в этот момент вода в Амуре поднялась на десять метров, он бы так не растерялся. Долго не находил старик слов, так долго, что за это время молодые рыбаки, пожалуй, успели бы закинуть невод.

— Я скоро умру,— наконец начал он.— Похорони меня, потом можешь поганить семью, поганить род Киле. Никогда в нашем роду не женился брат на сестре, закон не разрешал.

Через минуту старик уже кричал на весь дом. На шум прибежали соседи, и к вечеру все село знало о решении молодых людей.

На следующий день им не давали проходу на улице. Утром, когда они шли в школу, им встретился старый Бочокто Киле. Это был небольшого роста худой старичок, с белой головой. В узких брючках чуть ниже колен, в галошах на босу ногу, в рубашке навыпуск, он походил на подростка. В селе никто не знал, сколько ему лет, даже семидесятилетние старцы клялись, что в молодости они знали Бочокто таким седым.

— Решили жениться, да? — спросил Бочокто, останавливая посередине улицы молодых учителей.

— Да, поженимся,— ответил Петр Конгерович.

Старик посмотрел на него снизу вверх и вдруг плюнул под ноги.

— Тьфу! Тьфу! Гаки! [1] Первые гаки в нашем роду! Летите, летите!

Не прошли они и двух домов, как увидели ватагу ребятишек. Те сделали вид, что не замечают учителей.

— Гак! Гак! Гак! — кричали одни и, размахивая руками, бежали в сторону.

— Бух! Бух! — стреляли по ним из палок другие.

— Нельзя по воронам стрелять! Нельзя! Вороны людьми могут стать! — кричали третьи и смеялись.

4

Начались занятия в школе. Людмила Бимбовна провела уже несколько уроков истории древнего мира в пятом классе. Дети слушали ее с подчеркнутым вниманием, но по их глазам учительница видела, что уроки совсем не захватывают их. К тому же она несколько раз слышала, выходя из класса, как кто-то из шалунов кричал по-вороньи. Все это очень расстраивало молодую учительницу, и она стала молчаливой, замкнутой.

---

[1] Гаки — вороны. Так презрительно называют нанайцы супругов — выходцев из одного рода.

Старый педагог, воспитавший не одного учителя, Николай Николаевич Юнкеров не мог не заметить, как изменилась Людмила Бимбовна. Узнав, в чем дело, он задумался.

— Любовь надо в чистоте хранить,— сказал он немного погодя.— Прежде всего, я думаю, надо развеять эти родовые представления. Мы учителя, и нам карты в руки.

Он вызвал Петра Конгеровича.

— Друг мой, как же это получилось? Вы фронтовик, боевой офицер, на фронте не пасовали перед гитлеровцами, а здесь спасовали. Надо было сразу начинать борьбу, огнем отвечать на огонь: ведь сила в наших руках. Я думаю, что вам обоим надо выступать с лекциями на тему «Родовой строй у нанайцев и его пережитки в нашем сознании».

— Нет, я отказываюсь,— ответил Петр Конгерович.— Как учитель, я могу вести подобную работу и должен вести среди школьников. Но среди их родителей не могу. Слишком хорошо знаю своих земляков; мои выступления они приняли бы как слабую самозащиту и еще больше начали бы издеваться.

Николай Николаевич опять задумался.

— Да, вы, пожалуй, правы. Вам обоим нельзя выступать.— Он помолчал немного и вдруг, посмотрев ясными голубыми глазами на молодых учителей, улыбнулся:— Я думаю, придется мне открывать огонь. А в старших классах эту работу поведет Людмила Бимбовна, она историк. А вы, Петр Конгерович, боритесь с этим злом в начальных классах.

Довольные разговором и самим директором, молодые учителя вышли из кабинета.

— Ну, теперь не будешь все время пасмурной ходить? — спросил Петр Конгерович.

— Не знаю, меня отец сильно расстраивает. Все молчит, ждет чего-то.

— А что, если я к тебе обедать сегодня приду. Не выгонишь?

— Правда, приходи, веселее будет! — обрадовалась Людмила.

Петр Конгерович появился в доме старого Бимби немного позже Людмилы. Девушка в аккуратненьком передничке уже хлопотала возле стола.

— В умывальнике есть вода, полотенце — в моей комнате, умойся и садись обедать,— сказала она.

Тут вышел из-за перегородки старый Бимби.

— Уже домой привела мужа? — спросил он у дочери и, не дождавшись ответа, повернулся к Петру Конгеровичу: — Братом называешься, тьфу! Ты обманщик! Ты хуже росомахи, тварь!

— Отец?!

— Замолчи! Выгоню, убью! Поганцы!

Людмила Бимбовна подбежала к отцу и взяла его за руки.

— Отец! Если ты скажешь еще одно слово, сама уйду, больше не увидишь меня в этом доме.

Старик отдернул руку, со злобой посмотрел на дочь и, ничего не сказав, быстро исчез за дверью.

Он слышал, как глухо стучали ложки о тарелки, потом, как дочь мыла посуду, как, попрощавшись, ушел Петр. Старик сидел на кровати и курил одну трубку за другой. Тяжелые мысли заполнили его старую голову. Думал он о себе, о дочери, о том, как отнесутся сородичи, если он уступит дочери и согласится на ее брак с Петром. Поссориться с дочерью старый Бимби не мог: это было его единственное оставшееся в живых дитя. Он любил свою дочь, он не мог жить без нее. Все годы учебы в институте он ждал ее, как ждет старый лось наступления весны и солнца. Часто он видел во сне, как нянчил внуков... а теперь народятся одни воронята.

Людмила кончила мыть посуду и зашла к отцу.

— Папа, наше решение твердое, мы с Петром поженимся. Старых ваших законов мы не признаем, и мы любим друг друга.

Старый Бимби молчал.

5

Николай Николаевич выезжал два раза на стан к рыбакам и провел беседы с ними. Заходил он и к Бочокто Киле и к отцу Людмилы.

— Ничего, я думаю, они размягчатся,— говорил он после каждой встречи со старцами.

У Людмилы дела пошли на лад. Рассказывая ученикам о первобытном обществе, она приводила примеры из дореволюционной жизни нанайцев, при этом не забывала указывать, какие пережитки родового строя до сих пор живут в сознании старых рыбаков и охотников. Дети с особым вниманием слушали ее объяснения.

Людмила заметно повеселела. Петр Конгерович радовался, глядя на нее. Ему теперь казалось, что лишь один старый Бимби будет мешать их счастью.

— Об отце не беспокойся, он умный человек, все поймет позже,— говорила Людмила.

И Петр Конгерович успокаивался. Пройдет две — три недели, и он женится на Людмиле. Его радость омрачалась только болезнью старшего брата, которому становилось хуже и хуже. Как-то после уроков к Петру Конгеровичу подошел племянник Коля.

— Дядя Петя,— обратился он к учителю,— папа велел, чтобы ты в обед зашел к нам. Он хочет что-то сказать тебе. Папе очень плохо стало, он всю ночь не спал.— Мальчик вдруг всхлипнул и отвернулся.

Петр Конгерович прижал его к груди и погладил волосы.

— Ничего, Коля, успокойся. Может быть, ничего страшного нет,— как можно спокойнее сказал он.

— Папа умрет, он сам сказал, что умрет... сказал, что ты будешь моим отцом...

Петр Конгерович взял мальчика за руку и вышел из школы. Через несколько минут они были в доме Ченгси. В дверях Петр Конгерович столкнулся с фельдшером. Тот, отвернувшись, прошел мимо. Возле кровати больного сидела хозяйка с заплаканным лицом и распухшими, красными веками. Петр Конгерович поздоровался и опустился на стул возле нее. Ченгси лежал без движения, черные влажные глаза его с тоской глядели на брата.

— Жена, уходи с Колей. Мы...— с трудом проговорил он.

Хозяйка послушно поднялась с места, взяла сына за руку и вышла на улицу.

— Ага[1], хуже все становится, да? — спросил Петр Конгерович.

— Умираю, мой младший брат, завтрашнего солнца не увижу... Жить хочу! Понимаешь?!. Нет, никто не поймет...

Ченгси тяжело задышал. Петр Конгерович опустил голову, чтобы старший брат не заметил навернувшихся на глаза слез. Два близких товарища Петра умирали на поле боя на его руках, оба так же любили жизнь. Земля тогда стонала, ходуном ходила под ногами. А теперь смерть подкралась к его старшему брату в полной тишине.

— У меня большой разговор, Петя,— начал тихо Ченгси. Петр Конгерович вздрогнул.— Не жалко бы умирать, если бы дети были большие... Говорил я тебе, что Коля будет твоим сыном...

— Я его выращу, ага.

— Ты вырастишь всех моих детей... Всю жизнь я грамоту плохо знал... Выучи их всех...

[1] Ага — старший брат.

Петр Конгерович кивнул головой.

— Кто, кроме тебя, будет заботиться о моих детях?.. Жена выйдет за другого, родятся другие дети... о моих тот не будет заботиться... Ты один будешь заботиться... ты продлишь... по нашему старому закону... меня.

Петр Конгерович не разобрал последних слов брата. Он поднял глаза и встретил взгляд Ченгси.

— Ты должен жениться на моей жене...

— Жениться?— Петр даже растерялся от неожиданности.

— Знаю. Из дома не выхожу, а слух, как червь, заползает... Ты не можешь жениться на сестре... У тебя есть жена, маленьким тебя поженили. Ее можешь не брать в дом... Старый закон говорит: продли жизнь брата, вырасти его детей.

Петр не слышал Ченгси, он словно оглох от навалившейся на него беды. Перед ним лежал худой, измученный болезнью старший брат, и в последние часы он думал о судьбе детей. Да, Петр вырастит их, даст им образование. Но как быть с женитьбой? Что делать?

— Ты, Петр, сейчас дай свое согласие...

Ченгси так же сурово смотрел на младшего брата. Петр Конгерович отвел взгляд.

— Ага, я немного подумаю,—сказал он, устало поднимаясь.

Ченгси взглядом проводил брата и тихо застонал.

Через полчаса, когда Петр Конгерович вернулся, в доме раздавался женский плач. Мужчины сооружали у кровати подставку мертвецу из палок, на которых сушат юколу. Петр подошел к кровати, обнял еще теплое тело брата и зарыдал.

6

После похорон старшего брата Петр Конгерович совершенно замкнулся в себе. Он избегал встреч с другими учителями, во время перемен не выходил из класса и, задумавшись, прохаживался из угла в угол, от парты к парте. В воскресные дни его никогда не видели в селе. Он еще в субботу вечером укладывал в оморочку необходимые вещи, ружье, сети и уезжал на охоту и на рыбалку. В таких поездках его всегда сопровождал Коля.

— Единственного брата потерял,— оправдывали Петра Конгеровича учителя. Все в селе соглашались с ними, и никто не знал истинной причины, заставившей молодого учителя замкнуться в себе. Даже самый близкий Петру Конгеровичу человек — Людмила. Она каждый вечер ожидала его дома, но он не приходил. Вскоре она заметила, что Петр и в школе стал избегать ее. Однажды во время перемены она остановила его в коридоре.

— Людмила, мне очень тяжело,— сказал Петр, не давая девушке сказать ни слова, и прошел дальше.

Людмила не обиделась. Вернувшись вечером домой, она столкнулась с выходившим из дверей Бочокто Киле. Старик улыбнулся ей и прошел мимо.

— Дура ты дура, дочка,—встретил ее отец.— Ты думала, Петр женится на тебе, да? Нет, дочка, ошиблась. Умные люди так плохо не делают. Ему скучно было, вот он к тебе ходил, а теперь умер старший брат, он женится на его жене. Старый закон он понимает, детей брата жалеет. Говорят, он к ней даже есть ходит. Утку убьет на охоте, рыбу поймает — все несет к ней. Денег тоже дает. Хороший человек, зачем только я его тогда ругал? Ох, плохая старая голова!

— Всякое говорят,— неопределенно ответила Людмила, проходя в свою комнату.

Но со следующего дня она стала внимательнее приглядываться к Петру. Тот все молчал. Чем ближе становился день свадьбы, тем тревожнее было на душе девушки. «Неужели это было минутное увлечение? Неужели обман?!» — думала она и не раз вспоминала слова Петра, сказанные как-то вечером:

— Мне уже тридцать лет, а я все летаю по свету кукушкой: ни кола, ни двора, ни семьи. Как надоело это! Хочу жить, как все люди, хочу семейного уюта, иметь жену, детей!

— Жену, детей...— повторяла девушка в раздумье.— Ну что же, теперь сразу все получил: и жену, и детей, и хозяйство. Но где же любовь? Неужели можно без любви жениться?

Проходил день за днем, и, несмотря на то, что Людмила была перегружена работой, ей все же казалось, что дни тянутся поразительно медленно.

Тридцатого сентября, накануне дня, назначенного для свадьбы, к девушке пришел Петр Конгерович.

Он сидел у стола, курил и молчал. Молчала и Людмила.

— Люда, мне очень тяжело, извини меня,— с трудом заговорил он.— С братом перед его смертью говорил, но не успел свое последнее слово ему сказать. Умирал он и, наверное, думал, что младший его брат негодяй. Нет, я выращу его детей!

— Правильно, Петр, ты очень правильно делаешь,— подбодрила его девушка осипшим вдруг голосом.

Петр Конгерович удивленно посмотрел на нее.

— Знаешь, Петр,— поспешно продолжала она,— в первобытном обществе были очень человечные законы. Вот, например, возьмем левират — это закон, обязывающий младшего брата жениться на жене старшего брата после его смерти.

— При чем здесь левират?

— А при том, что это очень человечный закон, очень человечный!

— Люда, зачем ты издеваешься, когда...

— Я не издеваюсь, я просто сочувствую! — вызывающе ответила девушка.

— Люда, так нельзя разговаривать, мы поговорим позже... А ты не беспокойся, что наступает первое октября.— И Петр Конгерович вышел на улицу.

7

Поздно вечером Петр Конгерович с Колей возвращались с рыбной ловли. Над рекой клубился густой туман, морозец проникал через ватные телогрейки, покрывал тоненькой коркой льда резиновые сапоги. Чтобы отогреться, рыбаки приналегли на весла. Оморочка легко скользила по воде. Впереди показались электрические огни в окнах домов.

— Дядя Петя, ты сегодня придешь к нам? — спросил Коля.

— Нет, уже поздно.

Мальчик помолчал и затем спросил:

— Дядя Петя, а когда ты насовсем к нам перейдешь жить?

— У меня, Коля, свой дом есть, зачем к вам переходить? Если ты хочешь и если мама твоя разрешит, ты можешь у меня жить.

— Папа говорил, ты у нас будешь жить.

— А папа твой ошибся. Взрослые тоже иногда ошибаются.

Мальчик опять замолчал. Оморочка быстро приближалась к селу. Когда она уткнулась в берег, Коля степенно поднялся первым.

— Дядя Петя, я к тебе не могу перейти жить. Мама говорит, я теперь в доме один мужчина, если меня не будет, она без рыбы и без мяса останется.

Петр Конгерович крепко обнял мальчика.

— Умница ты, Коля. Мы будем жить всегда, как сейчас живем. Хорошо?

— Ладно! — по-взрослому ответил Коля и протянул руку.

Дома Петра Конгеровича ждал гость. Это был Донда Бельды. Года за два до войны он переселился из Джонки в соседнее село и теперь приехал в гости.

— Здравствуй, аоси [1],— поздоровался он с хозяином дома за руку.

Петр Конгерович засмеялся:

— Сколько лет прошло, а ты все меня еще зятем зовешь. Я еще не зять тебе.

— Это ничего, человека по-хорошему назовешь, он не обидится.

Сели за стол ужинать.

— Петр, я к тебе насчет дочки приехал,— начал разговор Донда.— Сватаются к ней женихи, а она говорит, что у нее муж есть. Вас, молодых людей, теперь не поймешь: одни старые законы соблюдают, другие плюют на них.

— Плохо делают, когда соблюдают.

— Я тоже так думаю. Есть новые, советские законы, зачем старые помнить? Дочке говорю так — она плачет. Люблю, говорит, своего мужа, никого другого не хочу, пока он сам не откажется от меня. Когда я выезжал сюда, она передала вот это.

Донда проворно встал, вытянул из-под кровати мешок, а из мешка вытащил глиняный китайский жбан с обмазанным горлом.

Петр Конгерович с удивлением смотрел на жбан.

— Неужели до сих пор хранили? — спросил он.

— Это наше родительское дело, жизнь детей мы лучше своей жизни оберегаем,— с гордостью ответил Донда.

Петр Конгерович взял жбан в руки. Сколько раз мать твердила ему о существовании этого сосуда!

Пете было три года, когда жбан закупорили. Родители по уговору с Дондой, у которого все дети умирали в возрасте трех—четырех лет, поженили Петю на дочери Донды. В день свадьбы древняя старушка, которая знала все наговоры, срезала с халатиков Петра и дочери Донды по кусочку и опустила в жбан. Бубня наговоры, она обмазала горло сосуда толстым слоем глины.

— Теперь вы муж и жена,— твердили окружающие трехлетним детям.— После нашей смерти храните этот китайский жбан, в нем ваше счастье, ваша жизнь. Пока жбан цел, вы будете здоровы, сильны, будете вместе жить. Поняли?

Дети улыбались и кивали маленькими головками.

С тех пор прошло двадцать семь лет, и Петр Конгерович забыл уже подробности свадьбы, смутно помнил он и дочь Донды, которую видел последний раз перед Отечественной войной.

— Скажи, Донда, дочери,—сказал Петр Конгерович,— нам, молодым людям, стыдно жить по старым законам. Пусть она выйдет замуж за другого, пусть не боится силы этого глиняного жбана. И о счастье, заложенном в жбане, пусть забудет. Там ничего нет. Мы свое счастье сами можем устроить.

Донда молчал.

— Ладно, скажу,— наконец вымолвил он.— Другого слова я не ждал от тебя, аоси. А жбан оставь у себя, чего я буду таскать его с собой. Только не разбивай. Кто знает, какая сила там есть.

8

Возле колхозного склада собрались рыбаки двух бригад. Одни сдавали летние невода, другие получали вентери, сети для подледного лова. Было много молодежи, отовсюду сыпались шутки, смех. Тут же стоял и наблюдал за работой старый Бочокто Киле.

Петр Конгерович прошел мимо склада, громко поздоровался со всеми.

— Здравствуй, здравствуй, ныку [2],— ответил позже всех Бочокто Киле. Он подошел к молодому учителю и широко улыбнулся.— Ныку, не сердись на меня, на старого. Я не понимаю вас, нынешних молодых людей. Позабудь, как я тебя ругал плохими словами прошлый раз. Сейчас я вижу, ты настоящий нанай, законы предков любишь. Да-а, хорошие, умные люди всегда такие понятливые!

Рыбаки притихли, прислушались.

— Дедушка, я никаких законов предков не соблюдал и соблюдать не собираюсь.

— Хватит, ныку, не шути со стариком. Все в селе уже знают, что ты женишься на жене старшего брата.

Петр Конгерович поднял голову и, глядя поверх головы старика на рыбаков, сказал:

— Друзья, как нехорошо слушать старого охотника, который, как сорока, трещит и разносит по селу ложные слухи! Я не собирался и не собираюсь жениться на жене брата. Я помогаю и буду помогать ей растить детей брата. А в жены беру Людмилу Киле.

Петр Конгерович повернулся и пошел спокойно своей дорогой. За его спиной поднялся шум. Кричали все — и старики и молодые рыбаки:

— Гаки! Гаки! Гаки! Тьфу!

— Глаза бы не смотрели на тебя, поганец!

— Чего вы загалдели, сами вороны! Какая же сестра ему Людмила? Однофамильцы — и все!

— Конечно, однофамильцы!

— Поганец, законы преступаешь?!

— Чихали мы на ваши старые законы!

— Как же он, молодой, женится на старухе? Подумали вы об этом?

Разгорелся спор между рыбаками. Верх одерживали молодые.

В этот же день Петр Конгерович посетил семью Поро Киле. Сын Поро учился в четвертом классе. Мальчик плохо сидел на уроках, домашние задания готовил небрежно и часто пропускал занятия. Хозяина Петр Конгерович застал дома. Поро хмуро встретил учителя, даже не пригласил сесть.

— О сыне твоем поговорить пришел,— сказал Петр Конгерович.— Плохо учится он, прогуливает.

— Как может, так и учится,— отрезал Поро.

— Ты же отец, Поро, неужели не думаешь дать сыну образование?

— Кабы учитель был другой, может, лучше бы учился. А у тебя чему он может научиться? — Поро со злобой смотрел на учителя.— Сам женатый, а женится на родной сестре, потом издевается над женой старшего брата.

— Неужели ты всему этому веришь?

— Все знаю и верю. Тебе сына доверять не хочу, а то такой же станет, как ты.

— Это было бы хорошо. И будет хуже в двадцать раз, если он пойдет в тебя.

Петр Конгерович вышел на улицу. Холодный ветер бросил ему в лицо высохший, желтый лист осины, распахнул полы пальто. Но он, не застегиваясь, торопливо шагал в школу.

В кабинет директора он ворвался без стука. Николай Николаевич удивленно посмотрел на молодого учителя.

— Николай Николаевич, вы правы,— горячо начал Петр Конгерович.— Огонь надо вести мне самому. Буду выступать с лекциями, с беседами, в этом убедили меня сами односельчане. И не забудьте, наша свадьба с Людмилой Бимбовной назначается на седьмое ноября. Лучшего дня не найти!

Не дав опомниться директору, Петр Конгерович стремительно вышел из кабинета и быстро зашагал к дому.

— Ну что же, посмотрим еще, доверишь мне своего сына или нет! — твердил он по дороге.

Придя домой, он вынес на улицу глиняный жбан и с силой швырнул на землю. Глухой удар — и жбан разлетелся на мелкие куски, и вместе с пылью в разные стороны полетели два разноцветных лоскутка...

[1] Аоси — зять.
[2] Ныку — так обращаются старшие к младшим.

На земле Казахской

Жаппар ОМИРБЕКОВ

Вековая родина казаха,
Пела степь, сиявшая вокруг...
Вот простор для смелого размаха,
Для дерзанья,
Для могучих рук!

Беркут точкой замирал в зените...
Долго, долго целина ждала.
Партия сказала: «Покорите!» —
И народ на подвиг позвала.

Захотим — и передвинем горы,
Захотим — и создадим моря!
Море! Вот пшеничные просторы
Распростерлись, золотом горя.

Мы в труде окрепли, не ослабли,
А была задача нелегка:
Море это вычерпать до капли,
Все хлеба убрать до колоска.

Взялся ты за дело честь по чести,
Соотечественник, азамат
Братские народы
В дружный ряд
Встали на полях с тобою вместе!

Вспомни лето: то проглянет солнце,
То опять дожди,— но все равно
В бункера комбайнов так и льется
Золотыми струями зерно,

И зерном груженные трехтонки
Мчатся степью в заморозки, в зной...
Если бы рассыпать слоем тонким,
То оно покрыло б шар земной.

И в степи, на родине казаха,
С той же, как в работе, широтой,
Полон молодецкого размаха,
Вновь кипит
Народный сабантой!

И недаром мы гордимся ныне,
И недаром радость горяча,
И колосьями обвит густыми
На наградах
Облик Ильича!

И летит над степью обожженной
Песня, правдой полная одной:
Край казахский,
Край преображенный,
Всем обязан партии родной!

Перевел с казахского
Александр КОРЕНЕВ.

Акмолинск

Берхаир АМАНШИН

В сиянье солнечного дня
Был город ясен, светел, бел.
Глазами окон на меня
Он так приветливо глядел,
Как будто приглашал войти,
Хотел согреть у огонька
Меня,
Иззябшего в пути,
Пришедшего издалека.
Вокруг него сверкает снег,
Беснуется буран седой,
А он стоит,
Как человек,
Плечистый, крепкий, молодой.
Тут знаменитый хлебный край
И даже солнце в снежной мгле,
Как теплый круглый каравай,
Что золотится на столе.
На миг почудилось мне вдруг:
То не снега кругом блестят —
Хлеба,
Хлеба встают вокруг,
Колосья тихо шелестят.
Вот вижу: человек идет,
И я гляжу в глаза ему.
Пусть незнаком мне путник тот,
Но руку я ему пожму.
Ведь он один из тех людей,
Чей труд обыденный не мал:
Целинный пласт родных степей
Он тут вчера лишь поднимал.
Видать, немножко удивлен
Рукопожатием моим,
Пожал мне крепко руку он,
Как будто встретился с родным.
Он был,
Случайный встречный мой,
Высок, плечист и ясноглаз,
Похож на город свой родной,
Смотревший издали на нас.
Ну что же,
Здравствуй, хлебный край!
Я в город твой уже влюблен.
Акмолинск, гостя принимай:
Пришел сюда трудиться он!

Перевел с казахского
Вл. СЕМЕНОВ.

ЛЮБИМЕЦ НАРОДА

Мирза ИБРАГИМОВ

Азербайджан отмечает четырехсотлетие со дня смерти своего великого поэта, мыслителя и философа Мохаммеда Физули.

Среди тех, кто составляет национальную гордость и любовь азербайджанского народа, имя Мохаммеда Физули занимает особое место. Его светлый гений открыл новую эпоху в азербайджанской культуре, обогатил ее высокими идеалами гуманизма, проникновенным изображением человеческих страстей.

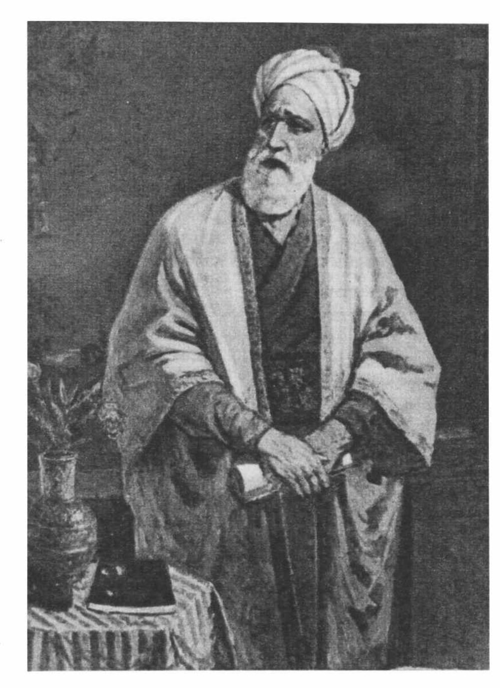
Физули родился в 1498 году в Ираке, в городе Кербела, недалеко от Багдада. Отец и мать поэта были родом из Карабахского магала Азербайджана и жили в Ираке среди азербайджанских переселенцев. Мохаммед учился в Багдаде, вырос в поэтической среде, куда входили и некоторые азербайджанские поэты.

Время Физули характеризовалось бурными политическими событиями. Это была эпоха расцвета Оттоманской империи и экспансии султаната на Арабский Восток.

Творчество Физули мастерски отображает тревожную эпоху, нравы, вкусы, мечты, чаяния и идеалы родного народа. Он создал на азербайджанском языке десятки произведений, которые по глубине мысли и художественному совершенству стоят в одном ряду с творениями корифеев восточной поэзии Хафиза, Саади и Хайяма.

Физули оставил богатое наследство на азербайджанском, арабском и фарси языках: диваны, в которые входят многочисленные газели, касыды, рубаи; поэмы «Лейли и Меджнун», «Бэнг-у-Бадэ».

Разрушение человеческого счастья феодальным произволом, бесправное положение женщины, гневный протест против лжи, угнетения и несправедливости — вот социальные мотивы, которые легли в основу многогранного творчества поэта.

Мохаммед ФИЗУЛИ.
Портрет работы художника С. Шарифзаде.

В «Шикаят-наме» («Книге жалоб») поэт, разоблачая жадных чиновников того времени, называл их развращенными, бесстыдными и низкими. Физули писал: «Я им сказал «Салам!» — «Это не взятка!» — ответили они и отвергли мое приветствие».

Физули близко к сердцу принимал все горести и нужды народа. Безысходность его положения поэт переживал как личную трагедию. Глубокой скорбью дышат слова:

От злодеяний века нет покоя сердцу моему,
Во мне нет следа душевного блаженства.
Бесконечное зло повергло меня в огонь...

Творчество Физули перекликается с европейской литературой эпохи Возрождения. Выступая против господствовавших догм и условностей, поэт противопоставлял им демократические идеалы свободной личности. Поэт высоко поднял факел разума, освещая жизнь, окутанную пеленой невежества, рутины, косности, суеверия. Обращаясь к пустой, чадменной знати, к шахам, султанам и всем власть имущим, он говорил: достоинство личности измеряется степенью ее образованности, человечности, ума. Сам Физули не опускал головы оттого, что он неимущий. Исполненный человеческого достоинства, поэт писал:

Кто же я? — Несчастный, обездоленный,
Человек я маленький, трудовой,
По натуре не горделивый, нет надменности у меня.
И нет во мне признаков угодничества.
Нет у меня жадности к делам мирским,
Не веду я борьбу за власть, за троны,
Не скажу, что я нищ по природе, о нет,
Я не чужд наслаждениям, люблю умную беседу.

Симпатия и любовь поэта-патриота были на стороне бедных и обездоленных. Физули ненавидел всякого рода угнетателей, опьяненных властью, сеющих зло. Он восклицает: «О, Физули, пусть сгорят в огне дотла троны властелинов!»

Светлые, гуманистические идеи, художественная красота и свежесть произведений великого азербайджанского поэта неувядаемы. Четыреста лет тому назад Физули создал шедевры поэтической мысли, воспевая свободу, любовь и справедливость. Он обогатил литературу жемчужинами художественного гения.

Первый Учредительный

В Москве начинает свою работу Первый Учредительный съезд Союза писателей Российской Федерации. Съезд открывается в знаменательные дни: вся страна обсуждает величественные перспективы семилетнего плана развития народного хозяйства страны, тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза.

Семилетний план — программа строительства коммунистического общества в нашей стране — предусматривает не только рост материального богатства народа. Новое семилетие открывает небывалые перспективы расцвета духовных богатств страны. Перестройка советской школы поведет к но-

Л. Соболев.

вому подъему культуры, той общенародной культуры, которая будет рождать тысячи и тысячи замечательных талантов во всех областях науки, искусства, литературы и без которой немыслимо создание коммунистического строя. В этом подъеме культуры крупную роль, как и в прежние годы, сыграет советская литература.

Председатель Оргкомитета Союза писателей РСФСР Леонид Соболев рассказал нам в беседе, с каким энтузиазмом готовились литераторы России к Первому Учредительному съезду.

— Творческая активность, атмосфера деловитости и всеобщей заинтересованности, — говорит Л. Соболев,— характеризуют подготовку к Учредительному съезду, работу по организации нового союза. Очень важно сохранить эту атмосферу и после съезда.

Наш союз,— сказал Л. Соболев,— будет воплощением коллективного разума писателей многонациональной России для более глубокого решения важных задач, выдвигаемых современной жизнью страны.

Вопрос о создании Союза писателей РСФСР был поставлен в историческом партийном документе «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». В этом документе говорилось, что нельзя признать нормальным отсутствие писательского союза Российской Федерации. Организация Союза писателей РСФСР является еще одним значительным мероприятием Центрального Комитета партии и Советского правительства по дальнейшему расширению прав союзных республик и повышению роли Российской Федерации.

Основная задача нашего союза заключается в том, чтобы резко усилить творческую работу, создать новые правдивые произведения о советском человеке, о его грандиозных свершениях.

В тезисах доклада Н. С. Хрущева говорится:

«Советская литература и искусство, играющие важную роль в коммунистическом строительстве и воспитании нового человека, в современных условиях должны еще более укрепить свою связь с жизнью народа, полнее отображать борьбу советского народа за построение коммунистического общества.

Деятели литературы, кино и театра, музыки, скульптуры и живописи призваны поднять идейно-художественный уровень своего творчества, быть и впредь активными помощниками партии и государства в деле коммунистического воспитания трудящихся, развитии многонациональной социалистической культуры, формировании высоких эстетических вкусов, пропаганде принципов коммунистической морали».

На съезде нам предстоит обсудить многие важные вопросы развития советской литературы, и среди них главный — о связи писателя с жизнью, о современности в сегодняшней литературе. Мы будем говорить о задачах советской литературы в строительстве коммунистического общества в нашей стране.

Эти задачи решаются дружными усилиями сотен литераторов, живущих в Москве и Ленинграде, Хабаровске и Ростове-на-Дону, в Новосибирске и Краснодаре и в других городах страны.

В период подготовки к Учредительному съезду Оргкомитет провел всероссийские творческие семинары молодых прозаиков, поэтов, драматургов, совещания по вопросам детской, научно-фантастической и приключенческой литературы. Выявились большие творческие резервы советской литературы, десятки молодых писателей отображают нашу героическую современность.

В состав союза войдет свыше двух с половиной тысяч литераторов: 15 союзов писателей автономных республик, 29 краевых и областных отделений, 4 отделения в автономных областях.

Литераторы горячо приветствуют создание своего республиканского творческого союза. Они благодарны Коммунистической партии за постоянную заботу о дальнейшем развитии русской литературы, всей многонациональной литературы Российской Федерации.

БЫТЬ СОВРЕМЕННИКАМИ СВОЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Вл. СОЛОУХИН

Наша повседневность богата событиями, каждое из которых равноценно большому празднику.

Огромные просторы нашей страны не умещаются все сразу даже в богатом воображении человека, потому что, пока держишь в воображении Таймыр или Чукотку, обязательно забудешь про Валдай или Великие Луки, а пока мысленно летаешь над берегами Печоры, за пределами памяти остаются Хакасия или Горная Шория.

Я не знаю, известно ли статистике количество профессий, которыми владеют люди, живущие на этих огромных просторах. Видимо, этих профессий сотни, сотни и сотни. Но я уверен, что нет ни одной профессии, от самой как бы маленькой и незначительной до самой как бы большой и важной, которой так или иначе не коснулись бы контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы.

Нечего говорить о генеральных наших профессиях: о металлургах, шахтерах, химиках, геологах, нефтяниках, строителях... Их рукам, на их плечи — главная доля труда!

Нечего говорить и о крестьянах, о наших колхозниках, о трактористах, комбайнерах, животноводах и земледельцах... Их рукам, на их плечи — главная доля труда!

Касается это и наших воинов: и летчиков, и танкистов, и артиллерии, и пехоты... Им охранять мирный труд советских людей. Им смотреть в оба, чтобы никто не помешал спокойному и уверенному выполнению всего, что предначертано партией в грандиозных планах.

Но так же кровно, как металлургов, земледельцев и солдат, опубликованные цифры касаются и советских писателей. Цифры эти живые: за ними горы металла и хлеба, угля и мяса; за ними жилые корпуса и половодье электричества; красивые ткани и благоустроенные дороги. За ними — счастье людей.

Цифры не претворятся в жизнь сами собой. Претворять в жизнь их будут простые люди страны, миллионы тружеников. А известно, что простой советский человек, человек-труженик, является главным, так сказать, материалом, с которым работает писатель.

За цифрами — не только сталь и хлеб, за ними — новые отношения людей, новые качества людей, новые судьбы людей, а это значит — и новые книги.

В обстановке великого подъема, в момент, когда страна совершает новый, невиданный доселе рывок в будущее, соберется Первый съезд российских писателей. В этом свете предельно четкими и предельно ясными представляются задачи каждого художника слова.

Если люди поднимают целину и строят города, если они забрасывают в космос научные лаборатории и создают моря, то у писателя только два противоположных пути: быть с этими людьми или быть без этих людей, то есть, в сущности, без народа.

А если быть с этими людьми, если быть с народом, то только две задачи должен решать писатель: посильно, средствами сво-

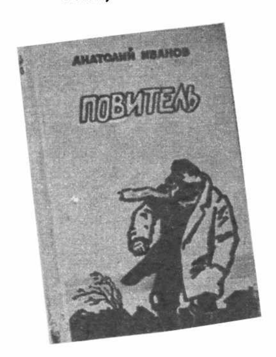
Книги молодых

Они написаны и изданы в разных концах России: в Чите и Саратове, Новосибирске и Кемерове, Перми и Барнауле. Авторы многих этих книг еще не привыкли называть себя писателями; некоторые еще не вступили в Союз писателей. Для молодых литераторов создание российской писательской организации — особенно радостный факт: с рождением Союза писателей РСФСР они связывают свои творческие планы и надежды.

Галина Ширяева из Саратова по профессии экономист-плановик. Сборник ее рассказов — «Новенькая» — о жизни наших школьников.

Анатолий Иванов, новосибирский писатель, только что опубликовал роман «Пови-

его ремесла помогать народу строить города и создавать моря, а также рассказать потомкам, будущим векам, как строили, как жили строители наших дней.

Потомки увидят и восхитятся делами рук наших современников. Но что думали, как чувствовали, как любили, о чем горевали наши современники, расскажет потомкам только писатель.

Нелепая «теория дистанции», судя по которой можно будто бы, только отойдя на многие годы от события, справедливо и верно описать его, опровергается всем развитием, всеми традициями великой русской литературы.

Разве нужно было Радищеву дожидаться отмены крепостного права, чтобы понять и осмыслить всю жестокость его и написать свое «Путешествие из Петербурга в Москву»?

Разве должен был Пушкин ждать ликвидации помещиков, чтобы написать о Троекурове?

Разве ждал Гоголь, когда не будет городничих и собакевичей, чтобы высмеять их?

«Я ехал на перекладных из Тифлиса» — так начинается гениальная проза Лермонтова.

По горячим следам событий написаны Львом Толстым кавказские и севастопольские рассказы. А его «Анна Каренина», его «Воскресение» — разве не жгучая современность в них?

Появился еще только намек на Базаровых в общественной жизни России, а чуткий художник уже написал роман «Отцы и дети».

Некрасов и Салтыков-Щедрин, Короленко и Глеб Успенский — все они были предельно близки к современной им действительности.

Лучшая поэма Александра Блока «Двенадцать» родилась буквально в огне событий.

Русская литература всегда находилась в самом горниле общественной жизни. Нет, не приживется распространяемая некоторыми «теория дистанции» среди людей, наследующих великие традиции русской литературы.

На Первый съезд писателей Российской Федерации соберутся литераторы из самых разных городов: Архангельска и Хабаровска, Сталинграда и Свердловска, Владивостока и Рязани, Воронежа и Курска, Ленинграда и Москвы... Поэты, прозаики, очеркисты, драматурги, критики, авторы романов и новелл, поэм и монографий, стихов и песен...

Но из какого бы города ни приехал писатель, что бы он ни писал, действительным, единственным эталоном ценности и справедливости его творчества является в конце концов отношение писателя к нашей современной действительности.

Мне вспоминаются строчки из стихотворения «Москва» свердловского поэта Ю. Трифонова, опубликованного несколько месяцев назад в «Литературной газете»:

Моя Москва — столица мира!
Здесь, устремляя взгляд в века,
На Старой площади, 4,
Живет,
Работает ЦК.

Моя Москва— преграда войнам,
Миролюбивый, властный клич.
Москва желает, чтоб спокойно
Спал потрудившийся Ильич.

Моя Москва — любовь святая,
И незапятнанная честь...
Москва у каждого такая,
Каков он сам
На деле
Есть!

Я не могу удержаться, чтобы не процитировать из другого стихотворения, на этот раз не свердловского, а воронежского поэта Владимира Гордейчева:

Нам дремать по-рыбьи не дано,
Кровью, ударяющей по жилам,
Сердце в наши будни влюблено.
Пусть во всем, что сделано
моими
Твердыми ладонями,
Живет
Душу озаряющее имя,
Знамя поколенья —
Патриот.

Эти стихи, написанные разными поэтами в двух разных городах России, хорошо передают стремление русских советских писателей служить тому делу, которым живут, ради которого живут и трудятся народы Страны Советов.

тель», в котором повествует о большом пути, пройденном советскими колхозниками за последние десятилетия.

Лев Квин издал в Барнауле сборник рассказов о целинниках—«Палатки в степи».

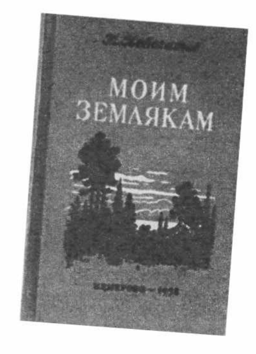
Пермский писатель Лев Давыдычев выпустил новую книгу для детей—«Друзья мои—приятели».

Предлагаем вниманию читателя и сборники стихов: «Моим землякам» Михаила Небогатова (Кемерово), «Майский снег» Николая Савостина (Чита), «Костры не гаснут» Бориса Каурова (Барнаул).

Все это только небольшая часть того, с чем пришли молодые русские литераторы к Учредительному съезду писателей России.

ПОЭТИЧНА, КАК ПРИРОДА ДАГЕСТАНА

М. ЧУДАКОВА

Махачкала встречает ветрами. Город велик. На востоке он спускается прямо к густо-серому, суровому даже в ясный день Каспийскому морю, на западе тянется горная цепь. Махачкала — столица Дагестана, «страны гор».

В трех комнатах, где разместилось правление Союза писателей Дагестанской АССР, все время слышишь русскую речь. В самом деле, на каком же языке будет говорить лакец Юсуп Хаппалаев с даргинцем Ахметханом Абакаровым? В Союзе писателей Дагестана — представители чуть ли не десяти различных народностей, и у каждой свой язык, свои исторические особенности. Но при всем этом у литературы Дагестана много общих задач.

Вот Абакаров, подвижной, черноглазый горец с звучным именем — Ахметхан. Он совсем еще молод, в 1949 году окончил школу, а где только не перепробовал уже свои силы! Написал повести «Даргинская девушка» и «Темир-Булат», пьесу «Люди в бурках», сборник стихов, два киносценария... Абакарову принадлежит пьеса «Виноватый», которая давно идет в кумыкском театре.

— Сейчас я пишу роман,— говорит Абакаров.— Действие происходит в Кубачах. Ведь я сам из Кубачей. Часть действия переносится в Грузию, здесь долго жила моя жена.— Он замолкает, и я вижу, что живые глаза его улыбаются.

— В романе будет эпизод знакомства героя с героиней. Это точная история моего знакомства с женой. Когда я первый раз попал в Москву, то сначала чувствовал себя неловко и растерянно. И как-то на станции метро «Киевская» наступил на ногу девушке. Наверно, очень сильно наступил, потому что девушка обернулась и с досадой пробормотала по-кубачински: «Да отсохнут твои ноги!» Я пошел за ней, не говоря ни слова, и когда наконец она обратилась ко мне порусски: «Что ты меня преследуешь?» — я ответил по-кубачински: «Я шел за вами, чтобы извиниться...» Но это всего лишь забавный эпизод. В романе будут вещи более серьезные. Мне хочется рассказать о наших возможностях в развитии экономики и культуры республики. Мы еще мало используем свои природные богатства. Ведь у нас могут расти субтропические культуры. Виноградники тоже надо расширять. Под Махачкалой много свободных мест, надо засадить их виноградом.

...Уже темнеет. Вечерняя свежесть крадется в открытое окно то ли с моря, то ли с гор... Неторопливая беседа уводит нас к истокам дагестанской советской литературы, ибо теперь наш собеседник — писатель старшего поколения, поэт-лакец Юсуп Рамазанович Хаппалаев. Шестнадцатилетним мальчиком приехал он в 1934 году в Махачкалу на первый съезд дагестанских писателей, а в 1939 году стал ответственным секретарем союза.

У него крупные, мягкие черты лица, взгляд медлителен... На традиционный вопрос, когда он начал писать, поэт улыбается.

— Не помню, право... Помню только, впервые напечатаны мои стихи были в 1932 году в районной газете. А в 1933 году они уже попали в хрестоматию. Я сам учился по ней... Горячее было время. Многие наши народности тогда только что получили письменность. Литераторов было мало, в 1931 году они объединились в дагестанскую писательскую организацию. Создатель ее — Эффенди Капиев, человек большой души, пытливый, наблюдательный...

Юсуп Рамазанович замолкает.

— Эффенди был моим другом,— говорит он.— Равного ему нет в Дагестане. Еще никто из нас не достиг высоких образцов его прозы. Его книга новелл «Поэт» не проза,— это поэзия в прозе! Он писал по-русски, но от этого он не менее дорог нам. Напротив, мы, дагестанцы, можем только гордиться, что писатель-лакец так проник в тайны могучего русского языка. Помните, у него в «Поэте»:

«О, как могуча, как светла и задушевна твоя стихия!.. Верен ли я твоим заветам?»

Поэт с большой охотой говорит о своих друзьях — дагестанских литераторах.

— Наш Расул Гамзатов — один из лучших советских поэтов! Я переводил его на лакский по подстрочникам. Подстрочник — это расплавленная фигура, ее надо отливать заново, но у Расула и подстрочник дышит поэзией! Это — свойство истинного поэта.

Дагестанские писатели любят свою литературу, но они знают и недостатки ее.

— Мне не нравится все плохое,— шутит Абакаров и, подумав, говорит уже серьезно: — У нас сейчас почти нет сатиры. А ведь были в Дагестане замечательные сатирики: даргинец Сагид Абдуллаев, Гереев...

— Гамзат Цадаса,— добавляет Хаппалаев.— Проза наша тоже пока отстает от поэзии. Лучше других кумыкская, потом аварская.

На следующее утро мы выехали в высокогорный аул Кумух, в ста с лишним километрах от Махачкалы. Машина идет вверх. Горы... Вдали они лежат смирно, но когда машина приближается к ним, встают на дыбы и угрожают. Они изрезаны ступенчатыми террасами: с давних времен горец отвоевывал у отвесных скал каждый кусок для посевов.

Горы остались немыми свидетелями многовекового труда. Я думаю о трудолюбивом народе, о дагестанской литературе, молодой, ищущей и поэтичной, как природа Дагестана.

ПЕРЕПИСНЫЕ ЛИСТЫ РАССКАЗЫВАЮТ

Не на всякой карте сыщется место для крохотного голубого пятнышка — озера Харпича. Затерялось оно где-то в Илимпийском районе, Эвенкийского национального округа, среди тундры. Даже для Заполярья это глубинка. Но тут, как и всюду, работают советские люди. Некоторые из них живут в оленеводческом колхозе «Путь Ильича», а большинство находится в далеких бригадах, там, где пасутся стада оленей. Зимой сюда трудно попасть. Дорог нет, а по снежной целине добираться нелегко и долго. Поэтому и было решено здесь, как и в других труднодоступных в январе местах, перепись населения провести несколько ранее общего срока.

Самолетами и на перекладных, пешком и на моторных лодках счетчики проделали путь до самых отдаленных стойбищ. Там, где это было возможно, им навстречу выходили оленеводы.

...Широко идет сейчас перепись на Дальнем Востоке, на островах Северного Ледовитого океана — всюду, куда зимой затруднен путь. Только в Российской Федерации перепись раньше срока проводится более чем на половине всей территории. До ноября она завершилась в 19 районах.

— Показательны даже предварительные результаты переписи,— рассказывает заместитель начальника Центрального статистического управления при Совете Министров РСФСР И. И. Логачев.— Они говорят о быстрых изменениях в облике страны, о росте новых городов и сел, о новых фабриках и заводах. В некогда «медвежьих углах» возникли города и поселки, железные дороги и аэродромы. Лишь за первую половину нынешнего года в РСФСР появилось 84 новых города и рабочих поселка.

Перепись показывает, какие изменения в состав населения внесло развитие народного хозяйства. Вот, например, Эвенкийский национальный округ. Территория его — 745 тысяч квадратных километров. Целое государство! Раньше здесь, кроме юрт оленеводов да редких избушек охотников, ничего не было. А теперь большой рабочий поселок городского типа, десятки сельсоветов и населенных пунктов, много кочевий. Почти два месяца шла здесь перепись. Пятьдесят счетчиков и 20 проводников участвовали в ней. Во всех уголках округа побывали они. Среди эвенков почти исчезла неграмотность. Многие потомственные охотники и оленеводы приобрели новые специальности — животноводов, механизаторов, связистов, геологоразведчиков, учителей, врачей.

Немало радостных перемен произошло также в Алеутском районе, на Командорских островах. Тут живут алеуты, коряки, ительмены, русские. Перепись показала, что во всем районе только шесть неграмотных; это глубокие старики. В очень многих переписных листах в графе об образовании проставлен невозможный ранее для этих мест ответ: «Высшее».

В эти дни идет перепись на наиболее отдаленных участках отгонного животноводства, в песках Кара-Кумов, в Муюнкуме, на полуострове Мангышлак.

Готовятся к переписи и железнодорожники. На 472 станциях Российской Федерации будут в дни переписи дежурить бригады счетчиков. Они должны переписать пассажиров 709 поездов. Работники 225 контрольных пунктов проверят, все ли пассажиры поездов прошли перепись. На 1 740 вокзалах и станциях откроются счетные участки.

К. БАРЫКИН

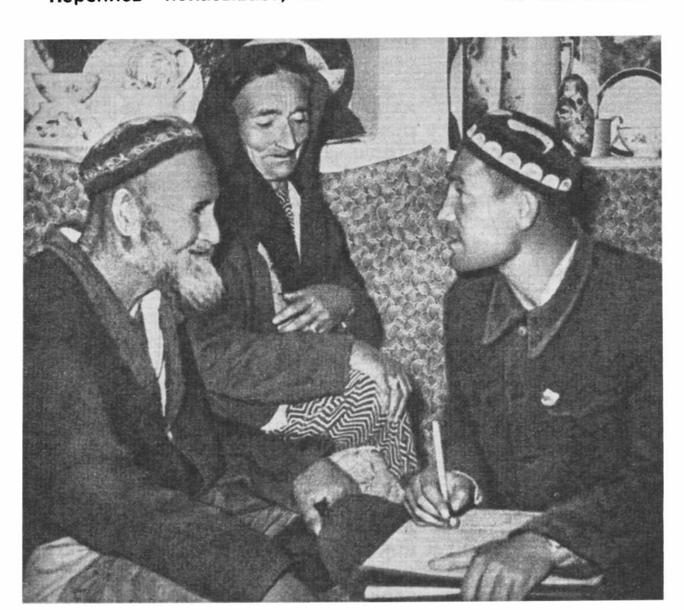
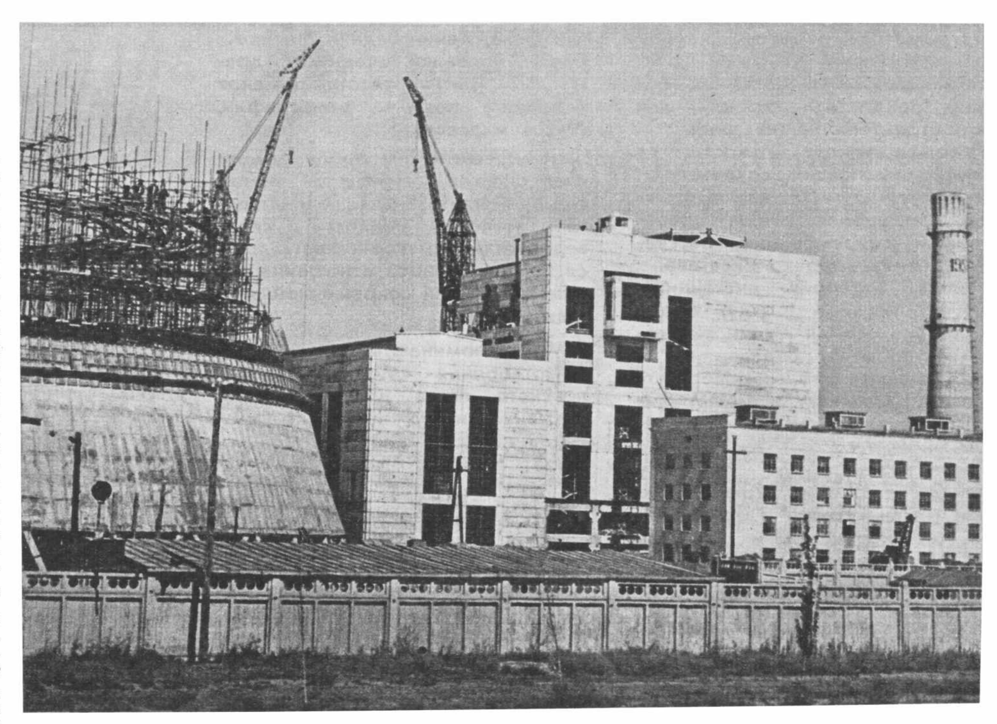

Фото Ю. Ульянова и В. Соловьева.

Далеко в горах Узбекистана расположен Янги-Киргизский сельсовет, Бостандыкского района. Осенью и зимой сюда невозможно добраться на машине. А когда лягут снега, лишь самые смелые всадники решаются пускаться в путь по горным кручам. Поэтому Всесоюзная перепись населения начата здесь досрочно, с 10 октября.

Бывает, что подойдет счетчик к дому, а хозяин собрался уходить. Но уговаривать его вернуться не приходится... Так случилось со счетчиком Махкамом Ашурметовым. Подошел он к дому Бобо Казакбаева, а тот уже сел на ослика и собрался на базар. Но Казакбаев отлично знает о важности переписи и, не раздумывая, пригласил счетчика в комнаты.

Не желая задерживать хозяина, Махкам Ашурметов сразу же приступает к делу. Быстро и правильно заполняет он переписной лист на Бобо Казакбаева, его жену Достагуль, а затем и на всех остальных членов большой семьи Казакбаевых.

Общий вид Симферопольской ГРЭС, строящейся из сборного железобетона.
Фото Б. Фельдмана.

Из сборного железобетона

Близ Симферополя строится мощная тепловая электростанция. Это первая станция из сборного железобетона. Идет сборка турбины и котлов, монтируются щиты управления, открытая подстанция, химическая водоочистка.

К концу года должна быть пущена первая очередь электростанции.

Вольтова дуга расщепляет метан

Автобус выбрался за город, и вы — на возвышенности, ровной, как летнее поле. Где-то за поселком нефтяников, прильнув к Волге, широко раскинулся город. Над эстакадой трубопроводов и дощатыми чанами градирен поднялись ажурные вышки цехов. Это действующая химия Саратова. Но вот вы въезжаете на площадь перед заводом синтетического спирта, и сразу открывается панорама новой стройки — второй очереди этого завода.

Внимание привлекает самый большой из строящихся корпусов. В нем, как позже нам объяснили, будет реактор.

Нет, не думайте, что атомный. Тот представляет собой гигантский котел, замурованный в толще железобетона. А здесь будет небольшая труба в виде крестовины, заключенная в прямоугольную кабину из кирпича. Но общее все же у них есть: подобно тому, как в атомном котле распадаются ядра атомов урана, в этом реакторе преобразуется молекула метана, природного газа.

Для чего же нужно расщеплять метан?

Об этом нам рассказал главный инженер стройуправления В. П. Сенокосов:

— Расщепляя метан, получают ацетилен — исходный продукт для производства синтетических смол и волокон. Обычно его добывают из карбида кальция. Но это очень громоздкий процесс. Чтобы получить тонну карбида, надо израсходовать массу извести, кокса, электродов. А из метана ацетилен будет добываться электрокрекингом. В этом процессе «участвуют» только газ и постоянный ток высокого напряжения. Вольтова дуга воспламеняет газ. Температура его достигает 1 600 градусов. Огонь разбивает, крошит, измельчает газоносные потоки. Наверно, это можно было бы сравнить с разрядами молнии. Мгновенно образуется смесь сажи, ацетилена, водорода и остатков метана, уцелевших в хаосе распада. Быстрее звука она вылетает в холодильник.

После охлаждения газовой смеси специальный агрегат улавливает тончайшую сажу. Сухая, легкая, как пух, упакованная в мешки, она пойдет на заводы резиновых изделий. А газы электрокрекинга попадут в компрессор; их сожмут, ацетилен отделят от примесей, от тех самых «попутчиков», с которыми он вышел из реактора. Дальше его ждут известные химикам превращения, в результате которых получится синтетическое волокно нитрон. Из нитрона вырабатывают, например, искусственную шерсть для костюмов...

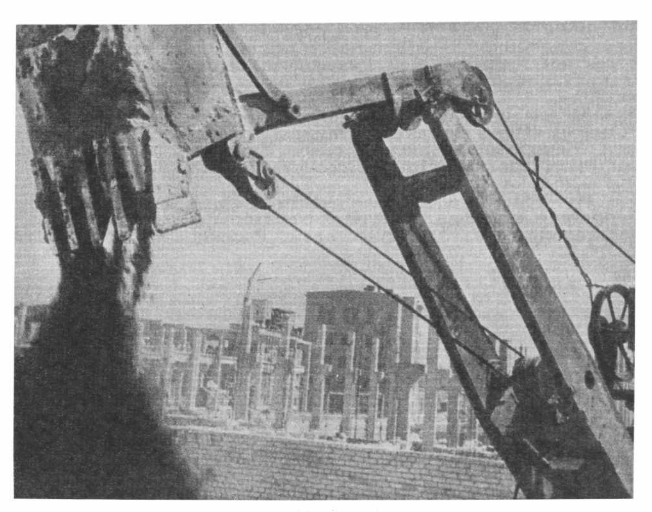
Установка в Саратове — первая в стране. Ее проект разработан группой инженеров под руководством Г. А. Савинского и И. Я. Скороходова. Частично был использован опыт румынских специалистов.

Саратовский электрокрекинг станет большим опытным полем для совершенствования этого прогрессивного метода получения ацетилена. Однако и то, что сейчас запроектировано, обещает хорошие результаты. Из полученного здесь ацетилена можно будет вырабатывать несколько миллионов метров искусственной шерсти да плюс сотни тонн сажи.

— Это еще не все,— говорит главный инженер проекта С. В. Бернштейн.— Мы проследили «судьбу» только двух продуктов. А ведь после электрокрекинга остается некоторое количество метана и водорода. Они могут быть использованы для производства удобрений.

Первый шаг сделан. Предполагается, что на основе саратовского опыта подобные установки будут сооружены и на других заводах страны.

С. НИКОЛАЕВ

На строительстве опытно-промышленной установки для электрокрекинга метана в Саратове.
Фото В. Земляниченко.

Л. М. Стиль. КОМСОМОЛЬЦЫ. Киев.

Всесоюзная художественная выставка «40 лет ВЛКСМ».

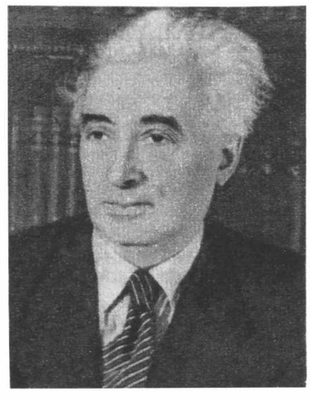
И. А. Раздрогин. СЕЛЬСКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА Н. А. БАСАЛАЕВА. Ленинград.

Всесоюзная художественная выставка «40 лет ВЛКСМ».

П. П. Беньков. ПОДРУГИ. Ташкент.

МУЖЕСТВО ХУДОЖНИКА

Юрия Николаевича Либединского как писателя я узнал давно. В конце 1923 года библиотекарша одного из харьковских пригородов Качановки посоветовала мне прочесть его первую, только что вышедшую тогда отдельной книгой повесть «Неделя». Библиотекарша, слывшая непререкаемым авторитетом для нас, мальчишек, всегда предлагавшая нам книги Пушкина, Гоголя, Толстого, Горького, похвалила новое произведение. Библиотекарша не ошиблась: двадцатипятилетний Либединский талантливо начал свой творческий путь у истоков советской литературы.

С тех пор я полюбил строгое и оптимистическое творчество Либединского и, уже будучи юношей, прочел его книги «Комиссары», «Рождение героя», «Накануне». Писатель увидел в жизни мужественных и непреклонных героев, не отступающих в решительной схватке, продолжающих и сегодня сражаться в первых рядах борцов за светлое будущее человечества.

Случилось так, что весной 1936 года свой первый роман, «Золотой шлях», я привез в Москву в журнал «Красная новь». По счастливой случайности рукопись попала на просмотр Либединскому. Он одобрил роман и познакомил меня с А. Фадеевым и редактором журнала В. Ермиловым. Узнав, что я несколько лет проработал слесарем, Юрий Николаевич обрадовался:

— Очень хорошо, что в литературу идут квалифицированные рабочие.

Он пригласил меня к себе домой и за обедом неожиданно сказал:

— Если вспыхнет война, не бойтесь, идите в Красную Армию и старайтесь быть на переднем крае. Писатель должен воспитываться в борьбе, не бойтесь никаких трудностей и невзгод.

Я часто вспоминал эти слова на фронте.

Либединский, член Коммунистической партии с 1920 года, не только советовал другим быть на переднем крае, но и собственным примером показал место писателя в народной борьбе. В рядах московского ополчения он воевал с немецкими фашистами, отстаивал столицу нашей Родины. В то тяжелое время писатель создал правдивые повести «Гвардейцы» и «Пушка Югова», взятые на вооружение нашей армией, воспитывающие в воинах стойкость, непримиримость и мужество.

Я знаю немало писателей, которых в литературу ввел Либединский. Как настоящий мастер, он всю жизнь заботится о новом пополнении литераторов.

Юрий Николаевич — неутомимый труженик, работающий ежедневно, и в праздники и в выходные дни. Много лет он кропотливо разрабатывает тему дружбы народов и на материале жизни кавказских народов написал три великолепных романа: «Горы и люди», «Зарево», «Утро Советов». Юрию Либединскому шестьдесят лет, голова у него седая, но сердце попрежнему молодо и горячо.

Сергей БОРЗЕНКО

Быстроходные, легкие, прочные...

После выступлений «Огонька»

В статье члена-корреспондента Академии наук СССР В. Звонкова и инженера-конструктора В. Гартвига, опубликованной в № 40 «Огонька», правильно ставится вопрос: надо широко внедрить пластмассы в судостроение. Это касается не только морских судов, но и речных. Центральным технико-конструкторским бюро Министерства речного флота РСФСР в содружестве с Московским научно-исследовательским институтом пластмасс спроектированы из пластмассы спасательная шлюпка, мотокатер и грузовой теплоход грузоподъемностью 15 тонн. Шлюпки и мотокатер были построены Московским заводом имени Калинина при участии Московского научно-исследовательского института пластмасс и успешно прошли испытания. Грузовой теплоход сейчас строится.

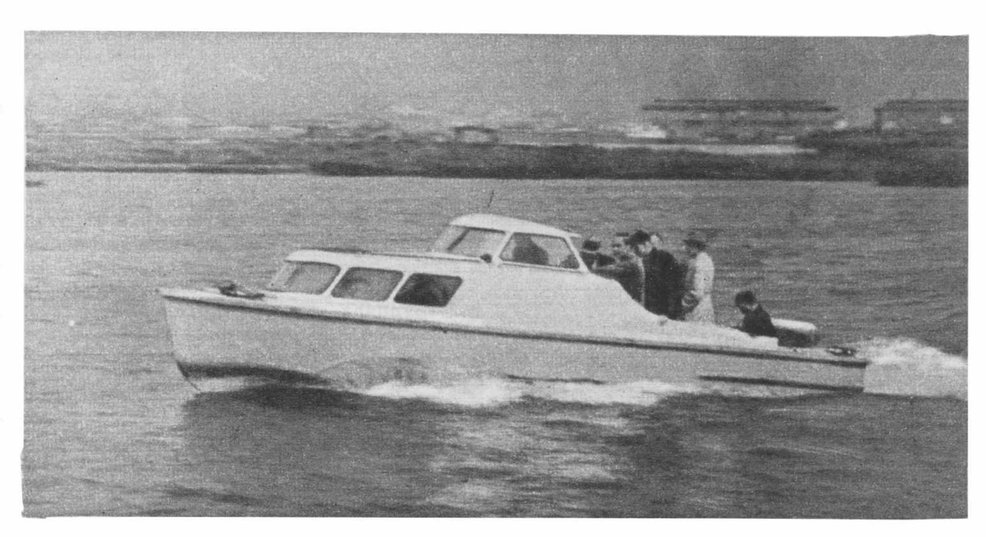
Материал, из которого сделаны шлюпки и мотокатер, в пять раз легче стали и в два с половиной раза легче алюминия. Благодаря этому спасательная шлюпка такого же размера, как и деревянная, принимает не 4, а 8 человек, а мотокатер—12 пассажиров вместо пяти.

При разработке проекта мотокатера и грузового теплохода мы стремились, используя литейные свойства пластмасс, найти такую форму подводной части корпуса, которая позволила бы улучшить ходовые качества судов. Для этого в бассейне Ленинградского кораблестроительного института были изготовлены различные парафиновые модели. Испытания их помогли, например, установить, что мотокатеру лучше всего придать полуглиссерные (полускользящие) обводы корпуса. И действительно, проведенные позже натурные испытания подтвердили высокие гидромеханические качества мотокатера из пластмассы.

Корпус и надстройки теплохода также выполнены из пластмассы. Это позволило увеличить его грузоподъемность на 40 процентов. Если носовую часть оборудовать упорами, то он сможет толкать воз, состоящий из четырех пластмассовых барж. Габариты как самого теплохода, так и баржи таковы, что их легко можно перевозить по железной дороге. Предполагается, что теплоход из пластмассы станет основным типом судов для перевозки сельскохозяйственных продуктов по внутренним водным путям.

Назрела необходимость в создании союзного Центрального конструкторского бюро по проектированию судов из пластмассы. Это позволит объединить проектно-конструкторские работы, ведущиеся в разных организациях. Пора предоставить и специальные верфи для серийного строительства судов, успешно выдержавших речные испытания.

М. АВРУХ,
главный конструктор Центрального технико-конструкторского бюро Министерства речного флота.

Мотокатер из пластмассы на двенадцать человек во время испытаний.

Отары на машинах

К зимним пастбищам отары овец направляются на машинах.

Фото В. Джейранова.

Ежегодно в октябре по Военно-Грузинской дороге нескончаемой лавиной тянулись отары овец. Дарьяльское ущелье становилось почти непроходимым. На перевале образовывались пробки из рейсовых автобусов, грузовых машин, бензовозов и такси. Страдала теснимая со всех сторон баранта. Шутка ли, по длинной Дарьяльской каменной «трубе» надо было перегнать на зимние пастбища в прикаспийские степи сотни тысяч овец!

И вот нынешний октябрь на той же дороге. Ни одной «пешей» овцы. Движутся автоколонны в 20—30 машин. Борта у машин сняты. Вместо них на кузовах двух- и трехъярусные металлические контейнеры, закрытые спереди фанерой, чтоб не обдувал ветер. В контейнерах овцы. В кабине рядом с шофером пастух.

...Мы на одной из одиннадцати расположенных по трассе посадочных площадок. В каждой машине помещается по 50—60 овец. Они несколько встревожены необычной обстановкой, сбиваются в кучу. Но ничего! Через 10 часов овцы уже будут далеко, на Северном Кавказе, у станции Ищерской. А раньше на этот путь требовалось 20—25 дней.

При обычном перегоне в походе терялись 1—2 процента стада. Теперь эта цифра уменьшилась до 0,001 процента. А со временем потерь не будет совсем.

И. СЕМЕНОВА

Что скрывается за одной строчкой

В журнале «Огонек» № 38 за 1958 год опубликована заметка «Обелиск на площади». В заметке есть такая строка: «Комбату 305 выдвинуться в район станции...».

Я служил в 305-м танковом батальоне, которым командовал майор Васильев, и принимал участие в бою за город Россошь.

По приглашению жителей города летом этого года я ездил в Россошь, встречался с людьми, знакомыми мне по письмам. Были и другие встречи, задушевные беседы, которые мне никогда не забыть.

Мне часто задавали вопросы о судьбе экипажа майора Васильева. Вот подробности памятного боя.

Во время неравного, тяжелого боя на железнодорожном пути танк комбата был подбит (разорвалась гусеница), но экипаж остался жив и продолжал вести огонь вдоль линии по эшелонам и железнодорожному мосту.

Фашисты подтянули свежие силы и пошли в атаку на танкистов.

Снаряды и пулеметный боезапас у наших к тому времени кончились. Экипаж вылез через аварийный люк наружу и гранатами и автоматными очередями отбил атаку. Во время вылазки майор Васильев был ранен, товарищи подхватили его и отвели в пристанционный двухэтажный дом. Там оказались две семьи — Соломатиных и Козиных.

Женщины перевязали Васильеву рану и немедленно спрятали всех четырех танкистов на чердаке. Только дети успели затереть следы крови на полу, как в комнату ворвались фашисты. Они выбросили Евдокию Ивановну и Марфу Ивановну с детьми на мороз, навели на них автоматы и стали кричать: «Где прячете рус танкист?» Но женщины не растерялись: стали кричать, плакать и показывать на другую сторону железнодорожного полотна: «Туда, туда побежали танкисты!»

Фашисты побежали в ту сторону, куда показали женщины...

На второй день утром подошли наши главные силы и навсегда освободили город.

Так, рискуя своей жизнью, женщины и дети спасли жизнь моим дорогим боевым товарищам.

И. ГАВРИЛЕНКО,
рабочий московского завода «Котлоочистка».

Иван Иванович Гавриленко беседует с учениками.

Фото А. Литвишко.

Интервью «Огонька»

Вклад солнечного Крыма

В. Г. КОМЯХОВ,
секретарь Крымского обкома КПСС

— Орденоносный Крым выступил запевалой всесоюзного соревнования за обилие фруктов и винограда. Что нового у садоводов и виноградарей Крыма, какими успехами они встречают XXI съезд КПСС?

— Прежде всего показательны темпы развития садоводства и виноградарства, достигнутые в последнее время в Крыму. Край наш с давних времен славится виноградом. Но никогда древний Крым не имел такого обилия фруктов и винограда, как нынче. Судите сами: с 1887 по 1940 год, то есть за пятьдесят три года, площадь под садами и виноградниками в Крыму увеличилась на восемнадцать тысяч гектаров, а за последние три года мы заложили новые сады и виноградники на шестидесяти четырех тысячах гектаров. За три года сделано почти вчетверо больше, чем за пятьдесят лет! По официальным данным, Крымская область ежегодно закладывает виноградников значительно больше, чем все капиталистические государства мира, вместе взятые!

Но и эти темпы уже не удовлетворяют нас. В 1955 году мы приняли десятилетний план. Надо честно сказать: многим он представлялся несбыточным. Одни утверждали, что место виноградников лишь на Южном побережье, а садов — только в долинах предгорных районов. Иными словами, крымская степь как место для виноградников бралась под сомнение. Другие, считая себя «трезвыми политиками», доказывали, что садово-виноградная десятилетка может быть выполнена лишь за 15—18 лет. Партийная организация области дала серьезный бой и консерваторам и маловерам. И что же вышло? Сейчас, спустя только три года, многие колхозы уже перевыполнили десятилетку.

— А вся область?

— А вся область — об этом мы говорим с полной уверенностью — выполнит десятилетний план закладки садов и виноградников не в 1965, а в 1960 году! Что это даст стране? А вот что: в 1960 году страна получит от нас двести тысяч тонн фруктов и винограда — вдвое больше, чем в этом году. А когда начнется плодоношение во всех молодых виноградниках, валовой сбор винограда достигнет восьмисот тысяч тонн! Чтобы перевезти этот урожай, нам понадобится около семидесяти тысяч вагонов.

— Как достигнуты такие высокие темпы?

— Разумеется, нелегко. Больше всего затрудняла нехватка посадочного материала. Правда, мы расширили старые питомники, заложили новые, но чтобы выросли саженцы,— на это же нужно время! Что оставалось делать? Ждать? Тогда мы обратились за помощью к друзьям, и тут-то вновь на деле проявилась могучая сила дружбы народов. Виноградари Туркмении, Узбекистана, Дагестана, Ставрополья, Чечено-Ингушетии охотно поделились с нами саженцами и черенками. Вопреки предсказаниям перестраховщиков эти черенки — гости из дальних краев — отлично привились на крымской земле. Больше того, именно благодаря братской поддержке друзей мы за короткий срок небывало расширили сортимент столовых и технических сортов винограда.

Была еще одна трудность — недостаток рабочих рук. Но по призыву партийных организаций в сады и виноградники вышли не только колхозники и рабочие совхозов, но и жители городов — рабочие, служащие, домохозяйки, школьники, воины Советской Армии и моряки Черноморского флота...

— Как участвует в борьбе за обилие фруктов и винограда молодежь?

— Очень активно. Золотые руки наших юношей и девушек любовно пестуют новые сады и виноградники, заготовляют миллионы черенков. Юноши и девушки в честь XXI съезда партии взялись развести новые сады и виноградники на двадцати тысячах гектаров.

— Как себя чувствуют виноградники в степи?

— В условиях Южного побережья виноград дает плоды только на третий год вегетации. А в степи и предгорных районах, на отличных почвах, многие сорта, в том числе и привозные, уже на второй год начали плодоношение. Мы выиграли год,— представляете, как это важно для страны!

Конечно, это пришло не само собой. В колхозах и совхозах области выросли сотни отменных мастеров своего дела. Среди виноградарей и садоводов Крыма — семь Героев Социалистического Труда, а М. А. Брынцевой и М. Д. Князевой дважды присвоено звание Героя. Именно у этих выдающихся тружеников и учатся виноградари степных и предгорных районов.

— Какие проблемы возникают перед крымскими садоводами и виноградарями в связи с семилеткой?

— Таких проблем много, и они касаются не только нас, но и наших друзей — ростовчан, кубанцев, ставропольцев,— всех районов страны, где сейчас идет массовая закладка новых садов и виноградников. Во-первых, проблема механизации. Проблема не новая, но сейчас она приобретает поистине решающее значение. Вчера, когда колхозы и совхозы обладали небольшими садами и виноградниками, мы еще мирились с тем, что вручную окапывали приствольные круги, вручную поднимали и укладывали лозу, вносили удобрения. А сейчас? В совхозе «Золотое поле» — тысяча семьсот гектаров виноградников! Можно ли такое огромное хозяйство — а их у нас в области становится все больше — вести на ручном труде? Конечно, нет! Правда, в Крым завезено немало техники, многое сделали наши талантливые механизаторы: при посадке виноградников мы используем гидробуры, при закладке садов — ямокопатели. Но еще много в садах и на виноградниках трудоемких ручных работ. В большом долгу перед нами и конструкторы и работники промышленности. Недавно, например, сконструированы узкогабаритные тракторы «Т-44», «ДТ-16Г», но их пока не выпускают заводы. А что значит оснастить садоводов и виноградарей техникой? Это значит, что советский человек будет получать еще более дешевые виноград и фрукты.

В тезисах доклада Н. С. Хрущева указывается, что необходимо развернуть строительство силами колхозов, совхозов и потребительской кооперации предприятий для переработки сельскохозяйственного сырья. Это очень важно. Через два года одна наша область будет перерабатывать не меньше полумиллиона тонн винограда! Мы уже построили тринадцать колхозных винзаводов, а в будущем году вступят в строй еще семнадцать. Но и этого мало. Мы считаем, что нужно иметь не менее сотни заводов только для первичной переработки винограда. Ясно, что в этой связи понадобится серьезная помощь и материалами и оборудованием.

Но переработка — полдела. И курортники и жители городов хотят иметь свежий столовый виноград и свежие фрукты не только в августе — сентябре, а и зимой. Стало быть, надо поскорее создавать хранилища, оснащенные холодильной техникой, надо иметь много вагонов-рефрижераторов. И опять-таки тут понадобится помощь промышленности.

Наконец, скажу еще об одной проблеме, волнующей крымчан. Речь идет о рабочих руках. Механизация садоводства облегчит дело, но если учесть, что Крым уже сейчас становится областью сплошных садов, виноградников и парков, областью крупных многоотраслевых колхозов и совхозов, станет ясно, что нам нужны тысячи и тысячи умелых работников.

Переселенцы не пожалеют, если приедут в нашу область. Климат Крыма не нуждается в рекламе, а что касается заработка и бытовых условий, то наши колхозы и совхозы крепки, богаты и могут обеспечить людям хорошую жизнь. Если в прошлом году колхозы получили шестьсот девять миллионов рублей дохода, то в 1960 году доходы достигнут одного миллиарда двухсот тысяч рублей. Уже нынче колхозы и совхозы дают переселенцам не менее десяти тысяч новых домов. Мы обращаемся к колхозникам других областей и республик: приезжайте к нам, в солнечный Крым, в край самого крупного в мире садоводства и виноградарства!

С запевал обычно особый спрос. Коммунисты, все колхозники, все работники совхозов Крыма понимают свою ответственность перед народом. Крым внесет свой большой вклад в выполнение заданий семилетки по увеличению производства плодов, ягод и винограда.

«УВЕЛИЧИТЬ ЗА СЕМЬ ЛЕТ ПРОИЗВОДСТВО ПЛОДОВ И ЯГОД НЕ МЕНЕЕ ЧЕМ В ДВА РАЗА, ВИНОГРАДА — НЕ МЕНЕЕ ЧЕМ В 4 РАЗА».

Из тезисов доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС.

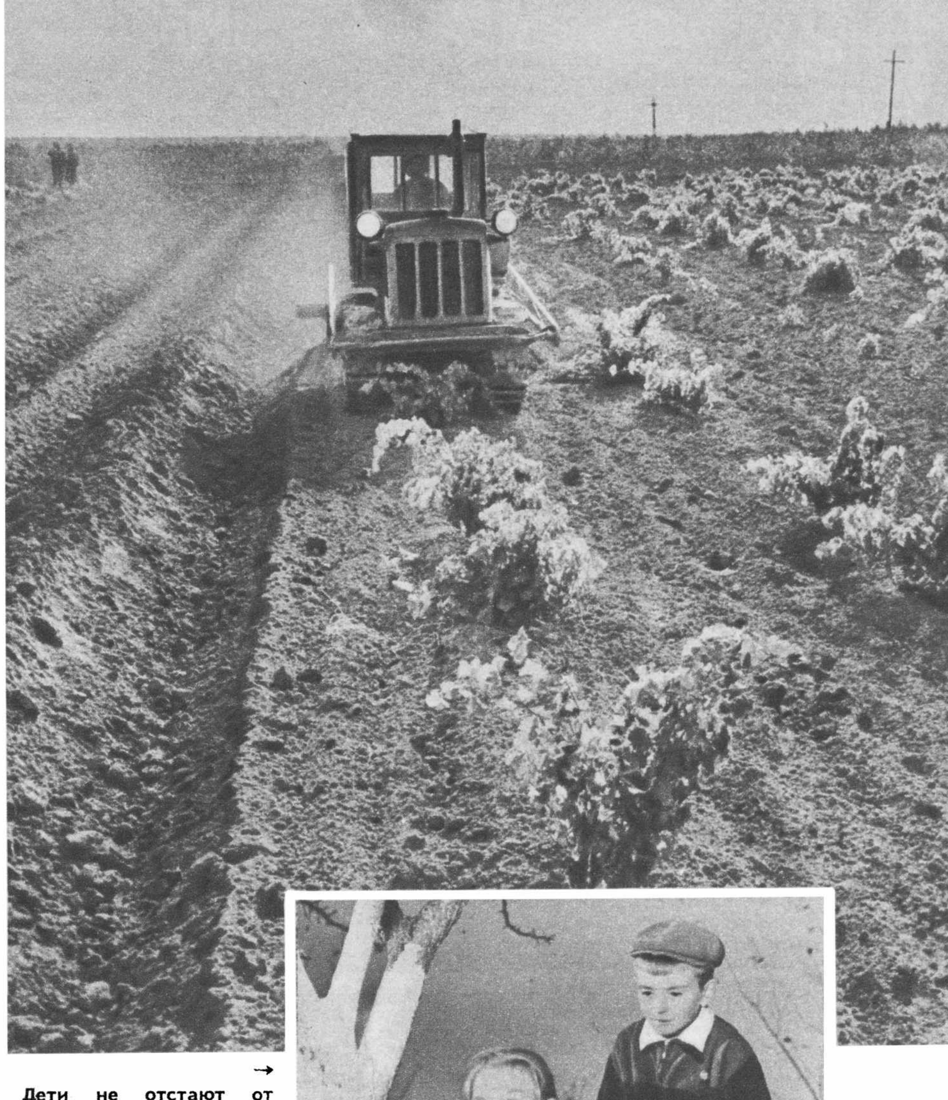
Опытная Крымская станция садоводства в этом году собрала по 530 центнеров яблок с гектара. На снимке: Л. Коростова за упаковкой яблок.
Фото Н. Козловского.

Обновление земли

Всего пять лет назад люди степного крымского колхоза «Дружба народов» посадили в землю первый черенок винограда. Посадили и стали с недоверием ждать: что получится? Ведь для них это было совсем новым, непривычным делом, никогда еще в их местах не дерзали на виноградарство. И земля, на которой заложили плантацию, вовсе не сулила удачи: голый, выжженный солнцем пустырь, по которому сухой степной ветер катил огромные шапки катрана — крымского перекати-поля.

Но черенки, присланные из братских республик, оказались жизнеспособными. Прошло время, и на бывшем пустыре встали зелеными рядами виноградники. Сейчас в колхозе досаживаются последние кустики в счет тех 1 170 гектаров, которые планировалось иметь только в 1965 году! И люди узнали, как щедра бывает виноградная лоза: нынешний год дал колхозу около двадцати миллионов дохода!

Зима в степи не такая мягкая, как в исконных виноградных местах Крыма — на Южном берегу. Теплолюбивая виноградная лоза не перенесет здешних зимних холодов, ее надо укрывать.

Бригадир Андрей Константинович Серый придумал простую, но мудрую вещь. Вот прямо по рядам идет узкогабаритный трактор. Он подминает под себя куст, пригибает его к земле, а навесной двухотвальный плуг, установленный сзади, с двух сторон зачерпывает грунт и укрывает им лозу. Теперь мороз не страшен, толстый слой земли защищает лозу.

Так сажают в колхозе виноград. Гидробуром делают глубокую ямку для саженца и одновременно поливают почву. Тем, кто следует за гидробурильщиком Семеном Ивановичем Картавцевым, остается только поуютнее усадить малый кустик в предназначенную ему «квартиру». Споро идет работа! За день бригада из шестнадцати человек насаждает шесть, а иногда и больше гектаров виноградников.

→ Дети не отстают от взрослых. Ученики Красногвардейской средней школы № 1 вырастили на своем приусадебном участке хороший сад. И, конечно же, за деревьями, посаженными собственными руками, так приятно ухаживать! У Вали Пучковой и Жени Касьяненко работа, что называется, непыльная, но сродни малярной: надо яблоньки обмазать.

Широки и прямы колхозные дороги. Кто ездил здесь несколько лет назад, видел вокруг гладкое степное однообразие. А сейчас путник идет по зеленому коридору. Шумят на ветру молодые деревца, набирают силу. И дорога вслед за степью говорит путнику: уже сейчас обновилась крымская земля, а какой цветущей станет она в ближайшие семь лет! →

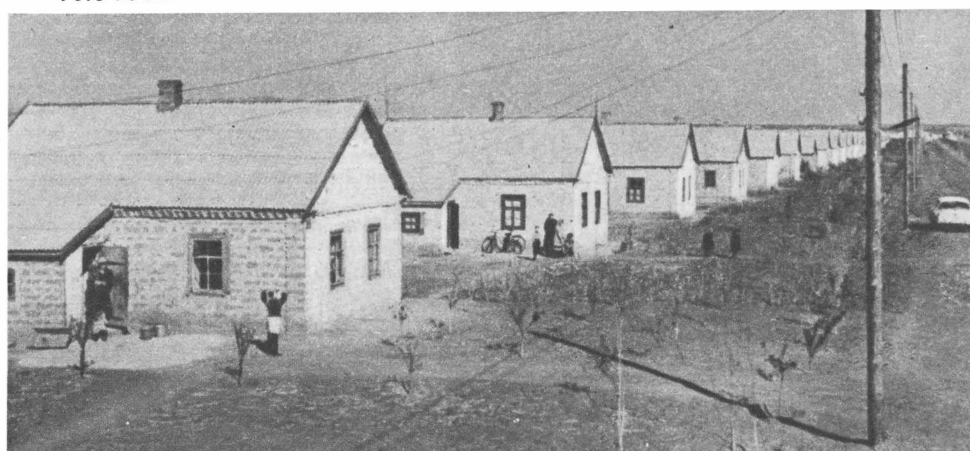

Каждый год колхоз строит в среднем по 135 вот таких домиков. Они предназначены для новоселов. Разросшемуся хозяйству нужны новые и новые рабочие руки, и колхоз радушно встречает каждого приезжающего.

Молоденькие тоненькие деревца перед домами еще не дают благодатной тени, но минет срок — и они вырастут, зашумят листвой.

П. СИНИЦЫН,
И. ПОЛЯКОВ.

Фото Н. Козловского.

Размышления у борта

А. ТАРАСОВ,
тренер сборной команды СССР

Фото А. Бочинина.

Матч хоккеистов СССР и США. Опасный момент у ворот советской команды.

Начался новый хоккейный сезон, и снова спортсмены заняли свои места на льду, а тренеры — у борта, и снова в вихрях атак стараемся мы раскрыть все новые и новые секреты этой азартной, стремительной, мужественной игры. Наша задача не легка: уж слишком высоки скорости хоккея, слишком приближается к полету пули движение черного литого кружка — шайбы. Но что же делать, такова природа хоккея. Человеку с замедленной реакцией трудно приходится не только на ледяном поле, но даже на скамье зрителей.

Хоккей на наших глазах претерпевает ряд серьезных превращений. Недавно мне как тренеру армейской команды пришлось пережить много тяжелых минут: хоккеисты Центрального спортивного клуба Министерства обороны встретились с молодой командой железнодорожников, которая за несколько дней до этого победила прославленную команду «Динамо». Локомотивцы и на сей раз имели большое преимущество, они подавляли опытных армейских хоккеистов скоростью, смелостью контратак, резкостью силовых приемов. И надо признаться, что если как тренер армейских хоккеистов я огорчался, то как тренер сборной команды СССР радовался. Я видел, какой ощутимый сдвиг произошел в хоккее даже по сравнению с прошлым сезоном. Сборная получает хорошее пополнение, и на сей раз не от традиционных трех «поставщиков»: армейцев, «Динамо» и «Крылья Советов», — а от «Локомотива».

Борьба за шайбу.

Наблюдая игру таких команд, как «Локомотив», «Спартак», горьковское «Торпедо», понимаешь, как далеко мы шагнули вперед за небольшой сравнительно срок — с 1946 года, когда впервые начали изучать новую для нас игру — хоккей с шайбой. До этого в нашей стране широко был распространен хоккей с мячом на большом поле. И вот с большого ледяного поля на небольшую площадку, огражденную со всех четырех сторон высокими бортами, пришли первые игроки. Они принесли с собой мастерство, искусство тактического маневра, приемы обводки и бросков по воротам. Но очень скоро оказалось, что между хоккеем с мячом и хоккеем с шайбой больше различий, чем сходства.

Мы убедились в этом после первых международных встреч. Они состоялись в 1948 году, когда в Москву приехала одна из сильнейших команд того времени — чехословацкая ЛТЦ. Общий баланс побед и поражений был в нашу пользу. И все же наши чешские друзья, встречавшиеся не раз с сильнейшими командами мира, в том числе и с канадцами, говорили нам: «Вы смелые русские люди, а играете так нежно. В хоккее с шайбой так успеха не добьешься. Пока этого не поймете, с канадцами вам не играть».

Не сразу мы поняли, о чем идет речь, что дело не в грубости, которая несовместима со спортом, а в искусстве силовой борьбы. А когда поняли, то не скоро смогли претворить это в своей практике.

Когда в 1954 году советские хоккеисты впервые приняли участие в первенстве мира и встретились в Стокгольме с канадцами, приемы силовой борьбы мы почти не применяли. И все же мы победили, так как канадцы не смогли быстро приспособиться к нашей манере игры, основанной на дружных коллективных действиях. Но уже в следующем году наша команда довольствовалась на мировом чемпионате вторым местом, правда, тоже очень почетным, поскольку оно давало нам титул сильнейших хоккеистов Европы. Так мы подошли к 1956 году, когда тренеру А. Чернышеву после нескольких лет тщательного отбора удалось собрать в команде игроков равноценного высокого класса и на VII зимних Олимпийских играх в Кортина д'Ампеццо одержать блестящую победу. Но и тогда мы не использовали в полной мере весь ассортимент сложной техники хоккея с шайбой и, как правило, предпочитали только скоростной маневр без силовой борьбы.

Был еще один серьезный недостаток в действиях нашей команды: наши защитники больше играли в зоне своих ворот, редко решаясь на поддержку нападающих, а те, в свою очередь, очень неуверенно чувствовали себя в защите.

Несмотря на поговорку «победителя не судят», мы должны были разобраться во всех слабостях, обнаруженных во время Олимпийских игр. Победа уже стала достоянием спортивной истории, а впереди был новый чемпионат мира, на этот раз на своем льду, в Москве.

Кто из любителей хоккея не запомнил подробностей этого несчастливого для нашей команды первенства, когда игры были лебединой песней таких замечательных спортсменов, как Всеволод Бобров и Евгений Бабич, и «увертюрой» для таких молодых игроков, как Вениамин Александров, Константин Локтев, Александр Черепанов... Но в том-то и заключалась беда нашего хоккея, что изменение в составе, смена игроков происходили на ходу, в процессе борьбы за первенство мира. В решающем матче вся тяжесть ответственности легла на плечи молодых хоккеистов. Результат известен: не проиграв ни одной встречи, сделав две ничьи (с чехословацкой и шведской командами), сборная СССР должна была довольствоваться вторым местом.

Большое значение для нас имела поездка в Канаду, на родину хоккея с шайбой. До этой поездки мы встречались с канадцами только в Европе, теперь мы увидели их в «домашней обстановке», увидели не одну отборную команду, которой доверена борьба за золотые медали, а большую массу хоккеистов. Это помогло глубже вникнуть в самую суть силовой борьбы. Нас поразило бесстрашие канадских игроков, их способность не бояться шайбы, когда она летит на тебя, со свистом рассекая воздух.

И дело было не только в том, что восемь встреч, проведенных в Канаде, закончились для нас с активным балансом, а в том, что мы проникли в самую суть этой динамичной, мужественной игры, где резкость не переходит в грубость, а головокружительная скорость не мешает взаимодействию пятерок, их умению видеть поле, предугадывать замысел товарищей и предвидеть ответные действия соперников.

Так продолжалась наша учеба. Не жалея сил, готовились мы к новой встрече с сильнейшими командами на чемпионате мира 1958 года. Перед отъездом в Осло капитан хоккейной команды Федеративной Республики Германии давал такую оценку сборной СССР:

«Советская система игры сильно изменилась. К технике и быстроте, которыми до сих пор обладала команда, добавилось теперь еще одно качество — присущая канадцам силовая игра».

И действительно, мы благополучно прошли через все препятствия чемпионата и в решающем матче снова встретились с канадцами. Этот матч мы начали в свою пользу, вели 1 : 0, но во втором периоде канадцы все же переиграли нас своими могучими бросками. Наши спортсмены потеряли скорость, а вместе с ней и инициативу. Превосходство в силовой борьбе принесло канадцам победу, а мы еще раз убедились в том, что одно дело — раскрыть сущность силового единоборства, другое — ввести ее в плоть и кровь команды.

Вот этим-то и занимались советские хоккеисты, готовясь к новому спортивному сезону, к новым встречам на льду. Поэтому-то нас, тренеров, так порадовали успехи спортивной молодежи.

Но есть и тревожные симптомы. Уже первые состязания всесоюзного первенства показали, что тренеры уделяют большое внимание организации обороны. Чувствуется, что хоккеисты даже в атаке думают о том, как бы быстрее вернуться за синюю линию, к своим воротам. Это, конечно, затрудняет атаки, так как на рубеже синей линии нападающие всегда встречаются с плотной защитой, но в итоге такая тактика к добру привести не может.

Я спрашивал тренеров команд, считают ли они правильным оборонительный вариант в хоккее. Они мне отвечали, что в некоторых встречах их игроки пытались атаковать и именно поэтому их команды проиграли.

Но разве не ясно, что хоккеисты, применяющие оборонительную тактику, привыкнув к пассивной игре, не могут создать сколько-нибудь серьезных моментов в атаке? Ведь у них просто не развиты навыки атаки, они плохо выполняют завершающие броски и действуют на поле, думая только о том, как бы вовремя «откатиться» назад. Вот откуда возникают робость, слабое проявление инициативы.

Наш советский стиль игры — атакующий. Наша тактика — широта и максимальное разнообразие комбинаций. Мы должны воспитывать у молодых хоккеистов стремление к атаке, желание атаковать горячо, беззаветно, стремительно, рьяно. Это, конечно, не значит, что, стимулируя развитие атакующих действий, мы не должны думать об укреплении обороны. Мое мнение такое: основным тактическим мотивом должно быть «пять в атаке — пять в обороне».

Сейчас, в начале большого хоккейного сезона, очень важно решить эти острые вопросы. Это тем более важно, что недавние встречи одной из сильнейших канадских команд, «Келовна Пэкерс», с лучшими советскими командами, и особенно со сборной московских клубов, показали положительные и отрицательные стороны нашего хоккея.

Как известно, коллектив армейцев победил канадских гостей (4 : 3), команды «Крылья Советов» и «Динамо» свели игры к ничьей (1 : 1 и 2 : 2), молодежная сборная в упорной борьбе проиграла одну шайбу (0 : 1), а сборная московских клубов потерпела крупное поражение (1 : 5).

Если в первых встречах наши спортсмены показали хорошую коллективную игру, волевые качества и некоторое умение применять силовые приемы, то в последнем матче сборная команда не сумела противостоять действиям канадцев, уходила от силовой борьбы, проявляла нерешительность, не умела из атаки возвращаться к своим воротам и не успевала от своих ворот переходить в атаку.

К тому же наши молодые хоккеисты не овладели в полной мере искусством индивидуальной игры. Их техника обращения с шайбой явно отстает. Это особенно отчетливо было видно на фоне игры канадских спортсменов.

Сейчас наша сборная находится в Англии, затем она выедет в Соединенные Штаты Америки, где проведет семь игр.

В начале марта в Праге состоится первенство мира по хоккею.

Наша задача — быть во всеоружии. Как и в предыдущие годы, мы с полным напряжением сил будем оспаривать право считаться сильнейшей командой пяти континентов.

Момент матча «Келовна Пэкерс» со сборной командой московских клубов.

ТРИЖДЫ ОРДЕНОНОСНАЯ

Слушатели Военной академии имени Фрунзе у карты обороны Сталинграда в кабинете истории советского военного искусства. Слева направо: Герои Советского Союза капитан М. Т. Харин, капитан Н. И. Харламов, майор М. М. Сорокин и подполковник Н. П. Антошкин.

Фото Б. Кузьмина.

Боевое знамя в прозрачном чехле стоит в просторном зале, рядом со скульптурой М. В. Фрунзе, чье имя носит военная академия. Три орденские ленты ниспадают с древка до золотой бахромы, знаменуя собой три награды, которыми удостоена академия: орденами Красного Знамени, Ленина, Суворова 1-й степени.

Застыл на почетном посту часовой. Офицеры, проходя по коридору, отдают честь священной реликвии.

Сорок лет назад, 8 декабря 1918 года, состоялось торжественное открытие академии, созданной по личному указанию В. И. Ленина, решением Центрального Комитета большевистской партии и Советского правительства. На торжестве выступил председатель ВЦИК Я. М. Свердлов. Он сказал: «Помните, товарищи! На вас лежит великая ответственность перед рабочим классом не только России, но и всего мира».

Славная традиция сложилась у слушателей и преподавателей этого высшего учебного заведения. Ежегодно 31 октября идут они на Красную площадь к могиле М. В. Фрунзе и возлагают на нее венок из живых цветов.

Потом делегация генералов и офицеров направляется к могиле одного из первых слушателей академии, комбрига Виталия Ковшова, похороненного у Кремлевской стены. Он геройски погиб 12 ноября 1920 года. Тело комбрига было доставлено с фронта в столицу для предания земле. Ему было всего двадцать шесть лет, и он посмертно был награжден орденом Красного Знамени.

Четверть века спустя еще раз прославилась в борьбе за свободу Родины фамилия потомственных металлистов Ковшовых. Племяннице комбрига Виталия Ковшова отважному снайперу Наташе Ковшовой в годы Великой Отечественной войны посмертно присвоили высокое звание Героя Советского Союза.

В числе первых слушателей академии был и Василий Иванович Чапаев. На выставке, организованной к юбилею академии, экспонируется «Аттестационная характеристика», выданная легендарному начдиву, когда его командировали в академию. Она гласит:

«Начальник Николаевской пехотной дивизии Василий Иванович Чапаев, ныне командируемый в Академию Генерального Штаба, обладает следующими свойствами:

Умением в боевой обстановке владеть современной массой, личным обаянием героя, подвигами беззаветной храбрости, твердостью воли и решительностью заставить исполнить приказание.

Умением ориентироваться в боевой обстановке. Ясным пониманием необходимости для победы координировать действия боевых единиц. Пониманием маневра и удара. Смелостью в принятии решения, военным здравым смыслом.

Все изложенное усвоено тов. Чапаевым исключительно в боевой практике войны...

Можно быть уверенным, что природное дарование тов. Чапаева в сочетании с военным образованием дадут яркие итоги».

В числе первых слушателей были также В. Д. Соколовский, К. А. Мерецков — ныне Маршалы Советского Союза.

На одной из фотографий давних лет, показанной на выставке, заснята группа слушателей первого приема. Они сидят в библиотеке, углубившись в книги. Среди них А. А. Волков, ныне полковник в отставке. Он член партии с 1904 года. Недавно командование академии направило ему теплое поздравление в связи с его семидесятилетием.

С течением времени Военная академия имени М. В. Фрунзе превратилась в крупнейшую кузницу военных кадров. Из ее стен вышли прославленные военачальники, ученые, внесшие ценный вклад в развитие советской военной науки.

Велики заслуги академии в годы Великой Отечественной войны. На нее была возложена задача — готовить в сокращенные сроки кадры офицеров, способных руководить войсками в сложных условиях того времени. Академия справилась со своей задачей и была награждена за это орденом Суворова 1-й степени.

В борьбе с врагами Родины прославились своим мужеством и отвагой тысячи питомцев академии. Более пятисот из них удостоены звания Героя Советского Союза.

В послевоенные годы еще выше поднялся уровень подготовки высококвалифицированных командиров, способных управлять войсками в современных условиях. В числе ее питомцев — трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин. За последние годы на Ученом совете академии защищено 250 диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

С лекциями перед слушателями выступает Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, Маршал Советского Союза В. И. Чуйков и другие высшие военачальники Советских Вооруженных Сил.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Дед Мороз уехал в командировку

Лариса ПИСЬМЕННАЯ

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

Перед Новым годом к директору завода пришла Клавдия Ивановна, молоденькая заведующая детского сада, и, мило краснея, положила перед ним на стол пригласительный билет на елку. Пригласительный билет был тщательно расцвечен колючими веточками, а Клавдия Ивановна, или просто Клавочка, как ее обычно называли, была такой хорошенькой, что Павел Дмитриевич растрогался.

— Приду,— пообещал он, энергично встряхивая Клавочкину руку.

Клавочка расцвела (какой все же приятный человек, этот Павел Дмитриевич!) и весело выпорхнула из кабинета.

Но на следующий день директора одолели разные неотложные дела, и когда в половине первого Клавочка по телефону напомнила ему про обещание, Павел Дмитриевич с досадой потер лысину.

— Мм... Понимаете ли, дорогая, дел по горло... Не знаю, удастся ли сегодня пообедать. Очень сожалею, так хотелось побывать! Нет-нет, не волнуйтесь, я сейчас что-нибудь придумаю.

Он положил трубку и вызвал секретаршу.

— На елку в наш детсадик? Пошлем кого-нибудь от завкома, и все,— посоветовала она.

— Да нет, мы и так ежегодно это делаем. Нужно кого-нибудь из инженеров: так будет солиднее. Позовите сюда Василия Петровича.

— Василия Петровича? — удивилась секретарша и, не сдержавшись, фыркнула:—Ну как же можно Василия Петровича на елку?!

— Что за неуместный смех! — нахмурился директор.— Пригласите его немедленно ко мне!

Василий Петрович тотчас же явился. Взглянув на его долговязую, нескладную фигуру, на свежевыбритую, без малейшего намека на улыбку физиономию и безупречно отутюженный костюм, Павел Дмитриевич подумал, что секретарша была права. Лучше уж снова послать кого-нибудь от завкома...

— Я слушаю вас, Павел Дмитриевич,— корректно склонил голову инженер.

— Да тут, понимаете ли, такое дело... — замялся директор. — В час дня вам нужно было бы побывать в нашем детсаде. Только я не знаю...

Василий Петрович аккуратно отвернул манжету и посмотрел на часы.

— Осталось пятнадцать минут. Вполне успею. Акт нужно составлять?

— Какой акт?

— Насколько я понял, мне придется установить возможность перестройки левого крыла помещения? На прошлом производственном совещании по этому поводу у нас был разговор. Вот у меня записано.

Василий Петрович достал из нагрудного кармана объемистую записную книжку.

— Э, мало что у вас там записано, потерпят еще малость! Не в том дело: у них елка.

— Тогда нужно послать начальника противопожарной охраны. Это по его линии.

— Вы меня не поняли! — начал нервничать директор.— Вам следует пойти туда в качестве гостя. Конечно, если вы заняты...

— Нет, отчего же, если это нужно, я пойду. Следовательно, левое крыло не осматривать?

— Да какое там левое крыло!— вздохнул директор и печально покачал головой.

Точно в час, минута в минуту, Василий Петрович явился в детский сад. Он с усилием протиснулся в битком набитый мамами и бабушками гардероб и отыскал воспитательницу.

— Здравствуйте. Я к вам по поручению директора.

— Клавдия Ивановна возле елки. Пройдите туда, пожалуйста.

У входа в зал стояла на страже монументальная сторожиха детского сада Спиридоновна. Ей приказали никого в зал не пускать, и она твердо блюла свои обязанности.

Василий Петрович отправился в канцелярию. Там по разостланной на полу скатерти ползали пять мам и поспешно раскладывали в кульки предназначенные для подарков лакомства. Осторожно переступая через их руки и с хрустом раздавив орех, Василий Петрович добрался до дивана и сел.

— Господи, неужели он не мог выбрать другое время?— вздохнула Клавдия Петровна, узнав, что в канцелярии ее ожидает инженер.— Ну могу я сейчас заниматься делами, когда уже и так опаздываем с утренником?! А тут еще и Дед Мороз куда-то запропастился... С ума можно сойти!

Она поспешила в канцелярию.

— Василий Петрович, умоляю вас, обождите минут пятнадцать!

— Пятнадцать минут я обожду,— спокойно согласился Василий Петрович.

В эту минуту примчалась взъерошенная воспитательница, схватившись за голову, с отчаянием закричала:

— Мы погибли! Он вчера уехал в командировку!..

— Кто? — встрепенулась заведующая.

— Галочкин папа! Дед Мороз!

Румяные щеки Клавдии Ивановны побледнели. Пять мам испуганно вскрикнули:

— Почему же он не предупредил?!.

— Как это не предупредил? — возмущенно протиснулась в канцелярию шестая мама.— Позавчера вечером, как только узнал об этой неожиданной командировке, так сразу же и позвонил сюда. Ему даже ответили, чтобы не беспокоился, обойдутся, мол.

— Я ничего не знала. Где Спиридоновна?

Воспитательница метнулась и привела монументальную сторожиху.

— Спиридоновна, позавчера вечером вам говорили по телефону про деда?..

— Снова про деда? — вспыхнула Спиридоновна.— И что это мой дед всем дался?! Даже по телефону покоя не дают: «Ищите себе другого деда!» Я, понятно, ответила как следует, что обойдемся и без посторонних советов. Советчики! То уж наше с дедом дело— расходиться или мириться.

Одарив присутствующих уничтожающим взглядом, Спиридоновна сердито хлопнула дверью.

Первой опомнилась Клавдия Ивановна.

— Придется самой, сейчас уже нет времени кого-то подыскивать. С Новым годом, ребятки! — прогудела она замогильным басом.— Ничего, как-нибудь справлюсь. Одевайте меня скорее!

Все кинулись облачать ее в костюм Деда Мороза. Однако белый, обшитый ватой тулуп Деда Мороза почти на полметра волочился по полу, а от огромных валенок у маленькой Клавочки перестали гнуться ноги.

— Ничего не получится! — безнадежно простонала воспитательница.— Костюм делали на Галочкиного папу, а он такого роста, как вот они...

Она указала на Василия Петровича, который один среди всей суеты бесстрастно сидел на диване. Шесть мам с надеждой устремили к нему взоры, но Клавочка махнула рукой и прошептала:

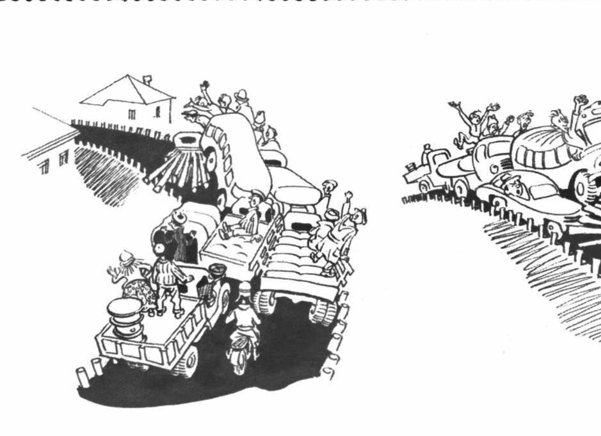
— Нет, нет, что вы, и не просите! Такой бюрократ...

Тем временем Василий Петрович взглянул на часы и поднялся.

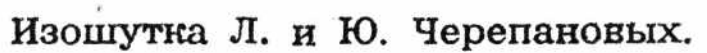
— Пятнадцать минут прошло,— напомнил он.

— Но вы же видите, какая у нас беда! — хором заголосили женщины.

— Насколько я понимаю, у вас задерживается новогодний праздник,— резюмировал Василий Петрович, строго глядя на расстроенных женщин.— Вы уже опаздываете на целых двадцать минут.

Пробка.

Изошутка Л. и Ю. Черепановых.

— Сами знаем, но что же делать? Откуда нам сейчас взять такого высоченного Деда Мороза, чтобы напялить на него этот костюм? Вы ведь не согласитесь!

— Если нет иного выхода, вынужден согласиться. Нельзя же допустить срыв утренника. Но предупреждаю: ни петь, ни танцевать я не умею. Проинформируйте, что нужно делать.

И он вынул из кармана свою записную книжку.

— Василий Петрович, родненький, вы вправду?! — радостно всплеснула руками Клавочка и, привстав на цыпочки, звонко чмокнула инженера в сухую щеку...

А директора в это время тревожила совесть: «Напрасно я послал на елку этого сухаря. Ведь с малышами нужно уметь обращаться — пошутить, поиграть. А Василий Петрович даже улыбаться не умеет... Нет, неладно, неладно получилось. Быть может, все же пойти самому и исправить ошибку?»

Веселье было в полном разгаре, когда Павел Дмитриевич, сияя

добродушной улыбкой, персонально прибыл в детский сад. Его немедленно провели в зал и усадили на почетное место, потеснив других, менее уважаемых гостей. Он огляделся, но Василия Петровича нигде не заметил.

«Засел, наверное, в углу и сопит,— подумал директор.— Ну и хорошо: хоть глаза не мозолит!»

В центре хоровода, под елкой, стояла избушка на курьих ножках. Вокруг нее, в компании ушастых зайчат, деловито вышагивал голенастый Дед Мороз. В руке он держал записную книжку, которая, по-видимому, чрезвычайно интриговала детвору.

— Вы кого-то ищете, Дедушка Мороз? — громко вопрошала воспитательница и вслед тихонько подсказывала: — Озирайтесь!

Дед Мороз послушно оглянулся, заглянул в свою записную книжку и озабоченно развел руками:

— Вынужден признать, что я потерял свою, так сказать, Снегурочку. Торопился к вам, ну и, знаете, потерял...

— А мы ее сейчас покличем,— утешила его воспитательница.

— Снегурочка, ау-у! — хором закричали малыши.

— Ау-у-у! — добросовестно взвыл и Дед Мороз, оглушив бедную Снегурочку, по сигналу воспитательницы появившуюся у елки.

— Непорядок! — требовательно сказал Дед Мороз.— Почему ты своевременно не явилась? То есть,— он глянул в записную книжку,— где ты потерялась?

— И чего это вы, Дедушка Мороз, все в какую-то книжечку поглядываете? — выскочил из круга лукавоглазый, шустрый Петрушка.

— Это, так сказать... кхм...— стараясь выйти из критического положения, закашлялся Дед Мороз.

Ему на помощь ринулась воспитательница.

— Так это же, ребятки, волшебная книжечка! Как только Дедушка Мороз посмотрит в нее, так сразу и увидит, кто из вас шалун, а кто нет.

Петрушка, а вслед за ним два медвежонка предусмотрительно юркнули за елку, подальше от глаз прозорливого Деда.

Зазвучал веселый гопачок — и вокруг елки запрыгали зайчата, лисички, снежинки...

— С нами, с нами пляшите, Дедушка Мороз! — весело кричали они.

Дед Мороз внимательно присмотрелся к воспитательнице, которая красноречиво приплясывала перед ним, затем топнул ногой и подкрутил усы.

— Ус, ус отпадает!—в ужасе зашептала воспитательница, стараясь заслонить Деда Мороза от ребят.

Но тот на лету подхватил ватный ус, сунул его в карман и закружился вокруг елки, сметая полами тулупа с дороги зайчат и опрокинув избушку на курьих ножках. Изпод избушки вывалился большой мешок с подарками.

Эффект был необыкновенный...

— Ого, какого геройского Деда вы, Клавочка, себе раздобыли! — одобрительно засмеялся Павел Дмитриевич.— Интересно, кто такой?

Клавочка лукаво покосилась на него, но ничего не ответила.

После пляски мешок, который так непланово появился на арене, пришлось развязать, и подарки при помощи Деда Мороза перешли в руки счастливых малышей. Потеря одного уса придала Деду Морозу такое игривое выражение, что даже у воспитательницы от смеха катились слезы.

— А теперь, насколько я понимаю, мой регл... мое время окончилось. Будем прощаться! — покончив с подарками, заявил Дед Мороз.

— Останьтесь, останьтесь с нами! — зашумел хоровод.

— Не могу. Рад бы, да не могу: меня ждут на заводе... то есть в лесу. Медведи, конечно. Таким образом, до свидания. Полагаю, что в новом году у вас тут все будет в норме.

Он повернулся к Павлу Дмитриевичу и, потрясая записной книжкой, невозмутимо добавил:

— А левое крыло обязательно надо переделать. Незачем оттягивать.

Павел Дмитриевич захлопал глазами и онемел. А Дед Мороз взмахнул рукавицами, подпрыгнул, как журавль, и, добросовестно притопывая валенками, штопором закружился к выходу.

Детвора визжала от восторга...

Черкассы.

Казахский юмор

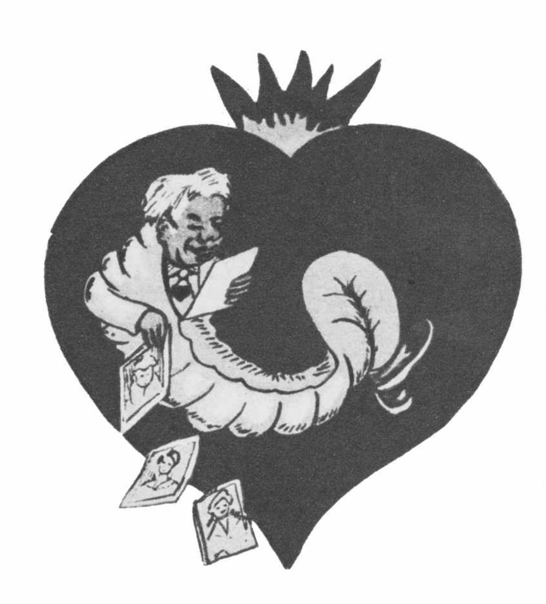
Мороженые овощи и свежий фрукт.

Рисунок Ю. Лопаткина.

— Ты донес живую рыбу без воды?
— Я завернул ее в свою статью.

Рисунок П. Дусенко.

Сердцеед.

Рисунок В. Федорцева.
Из журнала «Шмель», Алма-Ата.

ЛИТОВСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Дым отечества светлее чужого огня.
Везде хлеб с коркой.
Материнская любовь всегда нова.
Время летит и при закрытых дверях.
Хороший пахарь и гусем пашет.
Маленький пень большой воз опрокидывает.
Сто комаров и кобылу зарежут.
Торопись — и у сегодняшнего дня будет вечер.

Каунас.

Перевел Ф. Шуравин.

Заметки зоотехника

Яйцо с наперсток

Каждый день старая птичница Батима собирала на птицеферме одного из казахстанских колхозов по две полных корзины яиц. Бабушка Батима любила своих питомцев. Весной приняла она суточных цыплят, заботливо ухаживала за ними, а теперь они стали рослые, красивые, настоящие леггорны: с белыми, как снег, перьями, с красными гребешками. Птичница два раза в день кормила кур зерном, подливала свежую воду в поилки, чистила и подметала полы.

Как-то раз, выбирая из гнезд яйца, Батима обнаружила яичко величиной с наперсток. На другой день она нашла уже три таких яйца, потом — шесть, десять...

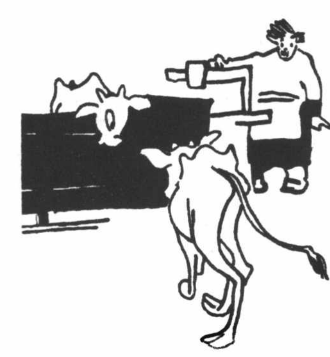
Колхозный зоотехник Омаров осмотрел крохотные яички, собранные птичницей, проверил, чем кормится птица, и напомнил птичнице, что курам для образования скорлупы необходим кальций. Чтобы пополнять его запасы в организме, птице скармливают мел или известняк, содержащий кальций.

Оказалось, заведующий фермой привез мел, но забыл о нем (мел лежал в кладовой). Вот молодые курочки и начали нести маленькие, «экономные» яички.

Телячья дружба

Зоотехник и бухгалтер на больших весах взвешивали молодняк крупного рогатого скота. Такой порядок: один раз в три месяца молодых животных обязательно взвешивают.

К весам подошел большой гурт годовалых телок. Все

они — красно-пестрой масти, грудь темной окраски, по спине белая полоса, голова тоже белая — очень похожи друг на друга. Это новая порода — казахская белоголовая.

На весах установлена большая клетка с двумя дверцами. Впустят телку, взвесят и через заднюю дверцу выпускают ее уже в другой двор. Так и идет через весы пестрый живой конвейер.

Но что такое? Подводят одну телку, а за нею другая бежит. Взвесили первую, она с весов не уходит, рвется обратно. Вторая тоже ведет себя странно: мечется, беспокойно мычит, к весам лезет.

— Что это с ней творится? — спрашивает зоотехник.

— Да ничего особенного,— отвечает скотник.— Первая телка — ее подружка. Разделили мы их, вот они и забеспокоились.

— Что за неразлучная дружба! — удивился зоотехник.

Вот вторую телку взвесили, выпустили во двор. А ее уже подружка поджидает. Кинулись они навстречу, обнюхивают друг друга.

Скотник Шаймурат просто объяснил эту привязанность. Обе телочки были куплены у рабочих совхоза. В стаде они ходить не привыкли, все убегали домой. Чтобы отучить их от этой привычки, Шаймурат применил простой способ: связал их веревкой за рога. Телки вместе паслись, одновременно ходили на водопой, вместе отдыхали. Когда Шаймурат снял с них привязь, они продолжали быть вместе. Отсюда и произошла телячья дружба.

Г. ЧЕРНОВ

Алма-Ата.

Отвечаем читателям

ЕЛОЧНЫЕ ОГНИ

«Буду очень признателен, если редакция опишет простейший способ покраски лампочек для новогодней елки». Артюков, Мурманск.

В витринах многих магазинов можно сейчас увидеть коробки, сверкающие всеми цветами радуги. Они наполнены электрическими лампочками, принявшими форму красноглазых филинов, дедов-морозов, изумрудных шишек, алых роз, золотистых кукурузных початков. На коробках значится адрес изготовителя: Московский государственный ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени электроламповый завод.

И вот мы в одном из цехов большого столичного предприятия. Здесь машины превращают маленькие стеклянные трубочки в изящные и легкие игрушки. В соседнем помещении их «купают» в ваннах с краской, сушат и передают девушкам в белых халатах, которые соединяют лампочки-игрушки в гирлянды и упаковывают в нарядные коробки.

— Просьба вашего читателя не единственная,— говорит старший мастер цеха Л. Ф. Желтов.— Подобные письма мы получаем от полярников, с целины, из разных городов страны. Воспользуюсь случаем, чтобы сразу ответить всем этим товарищам.

Красить лампочки очень легко, только ни в коем случае не следует употреблять масляные или акварельные краски: они быстро выгорают, да и в комнате потом долго сохраняется неприятный запах горелого масла. Следует брать цветные нитролаки или спиртовые лаки. Их можно купить в хозяйственном магазине. Прежде чем красить лампочку, ее следует вымыть, хорошо высушить и затем только погружать в краску. Стоит покрасить лампочку два раза.

А. ДЕНИСОВ

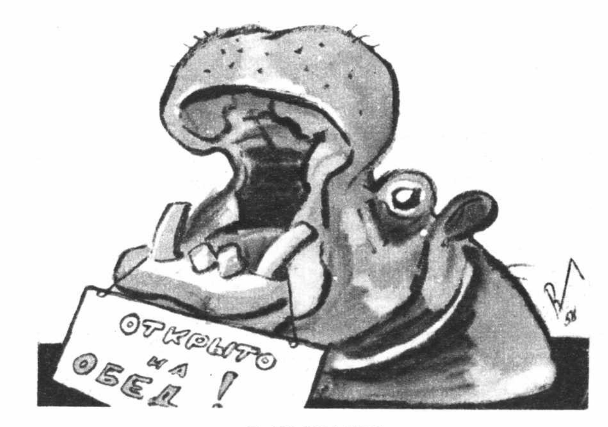
— Почему ты не обслуживаешь посетителя?

— Так он же еще не ругается!

Рисунок Г. Громыко.

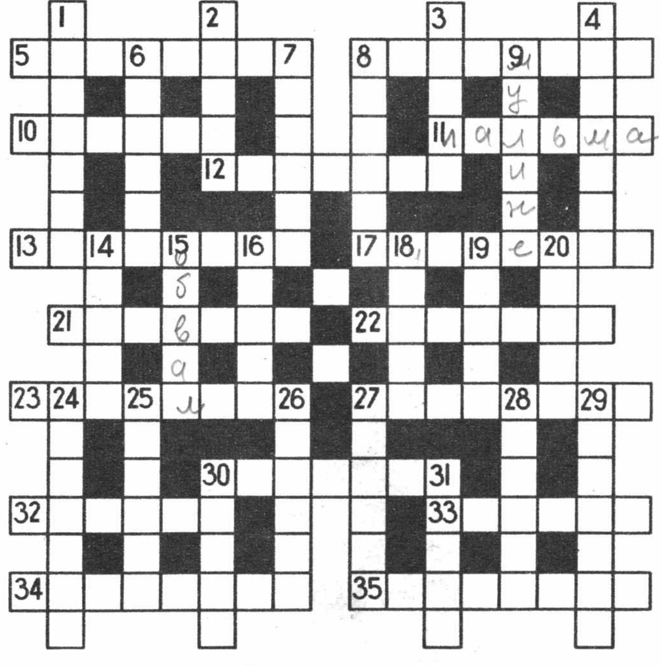
Из журнала «Перец».

На вкладках этого номера репродукции картин К. М. Шаяхметова «В родном ауле», Сахи Романова «Вечер на джайляу», Л. М. Стиля «Комсомольцы», И. А. Раздрогина «Сельская учительница Н. А. Басалаева», П. П. Бенькова «Подруги» и четыре страницы цветных фотографий.

В ЗООПАРКЕ.
Изошутка В. Гальба.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Защитное портовое сооружение. 8. Показатели, характеризующие технические свойства машин. 10. Советская антарктическая станция. 11. Южное дерево. 12. Народное название былины. 13. Опера о киргизском акыне. 17. Крепление русла потока. 21. Хронологическая запись событий. 22. Героиня поэмы А. С. Пушкина. 23. Простейшее животное, инфузория. 27. Персонаж пьесы Л. Н. Толстого «Живой труп». 30. Белорусский писатель. 32. Часть грузоподъемного крана. 33. Разряд атмосферного электричества. 34. Намеренный пропуск слов в предложении. 35. Усердие, добросовестность.

По вертикали:

1. Ткань. 2. Цветок. 3. Пищевой продукт. 4. Сооружение на Всемирной выставке в Брюсселе. 6. Азотнокислая соль. 7. Вещество, обладающее прочностью, ковкостью, электропроводностью. 8. Подставка для нот. 9. Нитки для вышивания. 14. Бомбейская пенька. 15. Падение горных пород. 16. Лодка у эскимосов. 18. Олень, разводимый из-за пантов. 19. Минерал, составная часть бокситовых руд. 20. Основной элемент железнодорожного пути. 24. Работник народного просвещения. 25. Возвышенность водораздела Волги и Дона. 26. Рыба, способная переползать по суше. 27. Нагревательный прибор. 28. Роли, характерные для дарования актера. 29. Разница, несходство. 30. Форма рельефа. 31. Зернохранилище.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали:

4. Вахтангов. 7. Уланова. 8. Автобус. 9. Конструктор. 15. Капрон. 16. Казачок. 19. Микроб. 20. Торт. 21. Пара. 22. Готика. 23. Отранто. 24. Ирасек. 26. Анис. 28. Лист. 30. Кастор. 31. Татария. 32. Иридий. 33. Автомотриса. 37. Клиника. 38. Сарафан. 39. Прожектор.

По вертикали:

1. Дарвин. 2. Ратмир. 3. Корвет. 5. Алгебра. 6. Курейка. 9. Контрамарка. 10. Скат. 11. «Клоп». 12. Романистика. 13. Пантограф. 14. Гортензия. 16. Криолит. 17. Албанка. 18. Калория. 25. Стапель. 27. Саго. 28. Литр. 29. Пилотаж. 34. Токарь. 35. Огурец. 36. Иванов.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** **Оформление И. Уразова.**

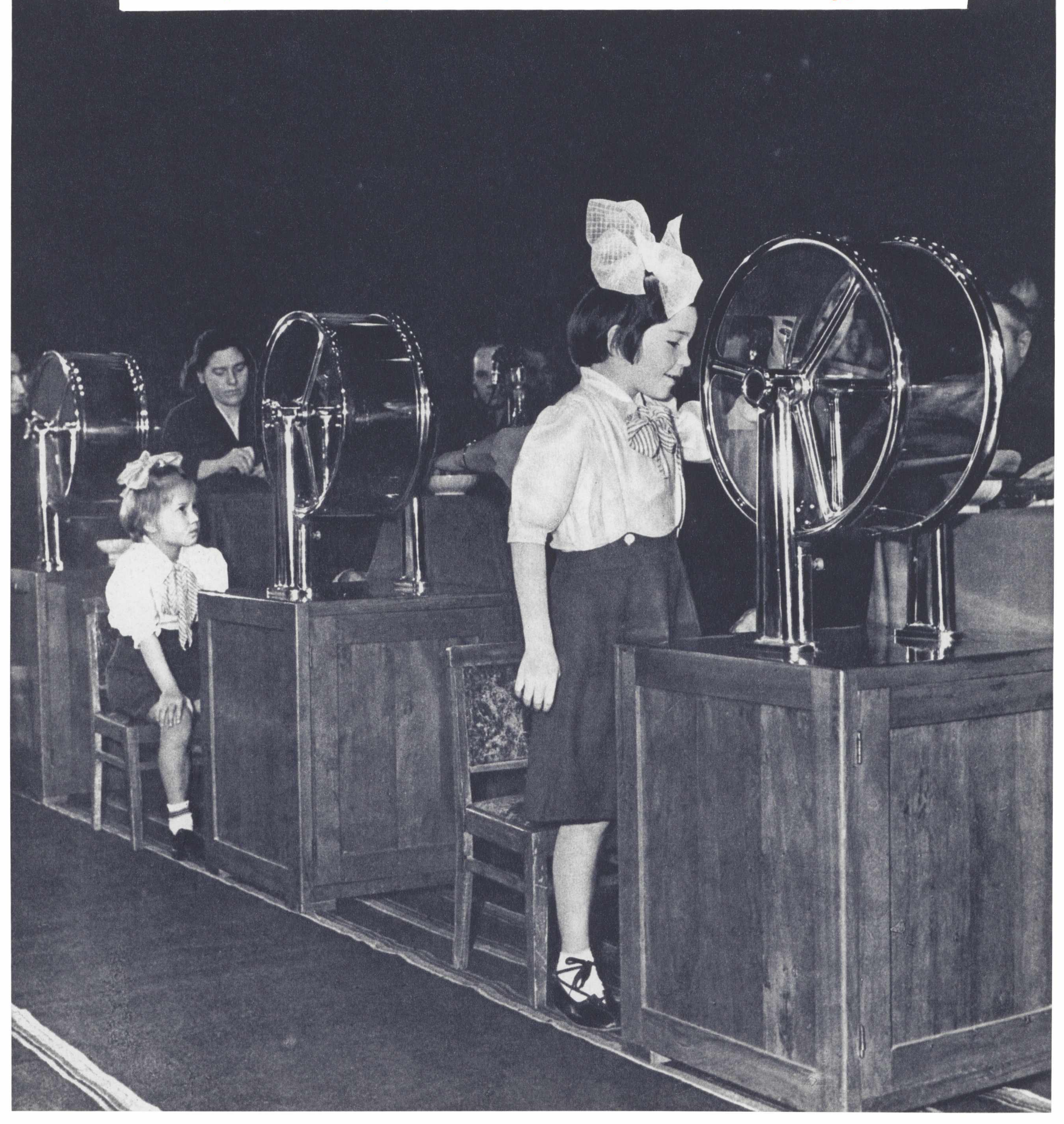
Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05388. Подписано к печати 3/XII 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 400.000. Изд. № 1236. Заказ 2767.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ПРИОБРЕТАЙТЕ ОБЛИГАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО 3 %
ВНУТРЕННЕГО ВЫИГРЫШНОГО ЗАЙМА!

По облигациям займа разыгрываются выигрыши в размере
400, 1 000, 5 000, 10 000, 25 000, 50 000 и 100 000 рублей

Цена номера 3 руб.

